

Парк Белинского

Общественно-политический,
историко-публицистический,
литературно-художественный
журнал

№ 2, октябрь 2012

Содержание

Имена

Василий Щукин.	
Виссарион Чембарский, или триумф провинциала	4
Аркадий Пригожин.	
Феномен Ахиезера	26

Методология

Валентин Мануйлов.	
Как объединить «демократов» и «патриотов»: ретроспективный анализ	40

Просветительство

Дина Мануйлова.	
Толерантность и конфессиональность в секулярном обществе	62

Детали

Георг Мясников.	
«Власть опьяняет людей больше, чем водка».	
Фрагменты из дневников второго секретаря Пензенского ОК КПСС в 1962-1986 гг.	68

Психоанализ

Михаил Архангородский.	
Тщеславие власти победило душевную тягу к науке	88

Культурный слой

Антон Инюшев.	
Как рождалась «Легенда»	98

Возвращение к истокам

Сергей Долженков, Юрий Фадеев.	
След на земле. Памяти Владимира Петровича Чижова	110

Текст

Юрий Фадеев.

Боже, царя храни (фрагменты романа)..... 122

Мария Сакович.

Оттепель. Стихи 148

Игорь Панфилов.

Армейские были. Продолжение дембельского альбома 156

Свидетельство очевидца

Сергей Петров.

От Нальчика к Эльбрусу. Дневник, ведённый при восхождении на восточную вершину Эльбруса с 6 по 18 августа 1930 г. 166

Обратная связь

Переписка с авторами и читателями 192

«Парк Белинского» • Общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный журнал. № 2, октябрь 2012 года. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № 58-0153 от 7 марта 2012 года. Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Пензенской области • Учредитель: Мануйлов Валентин Игоревич • Главный редактор: Мануйлов Валентин Игоревич • Издающая организация (редакция): Автономная некоммерческая организация «Издательский Дом «Валентин Мануйлов». Адрес: 440600, г. Пенза, ул. Московская, д. 74, офис 234 • Телефон: 8 (841-2) 56-24-00 • Электронная почта: um-penza@sura.ru • Дизайн: Оксана Маслова • Препресс: Валерий Страшнов • Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Типографии № 1». Адрес: г. Пенза, ул. Саранская, д. 78 • Сдано в набор: 10 июля 2012 г. • Подписано в печать: 1 октября 2012 г. • Бумага офсетная. Печать офсетная • Тираж 1000 экз. Заказ № 456 • Цена: свободная.

Василий Щукин

Виссарион Чембарский, или триумф провинциала

Не так уж многие помнят, что Тургенев посвятил свой роман «Отцы и дети» памяти Виссариона Григорьевича Белинского. И лишь совсем немного тех, кто знает, что над письменным столом в Спасском-Лутовинове висел только один портрет русского писателя: и это был как раз Белинский.

Не Гоголь, не Толстой и даже не боготворимый Тургеневым Станкевич, а именно Висяша Белинский: неуклюжий, угловатый провинциал, дурно говоривший по-французски и так никогда и не смогший одолеть немецкий.

Так почему же выдающийся русский европеец, приятель Флобера и братьев Гонкуров, вдохновенный певец дворянских гнезд так высоко ценил этого разночинца из пензенских степей, которого он называл «подлинным отрицателем»?¹

Да, наверное, потому, что тургеневский Базаров, который, подобно критику, был сыном провинциального врача и тоже мечтал о том, чтобы личная воля чело-

Василий Щукин, 59 лет, выпускник МГУ им. Ломоносова (1974 г.). С 1979 г. живет и работает в Кракове (Польша).

Доктор филологических наук, профессор Ягеллонского университета. Специализируется на теме геокультурных аспектов русской литературы, истории русской мысли и культуры.

Статья написана специально для «ПБ».

века, помноженная на разум, могла бы подчинить себе силы природы и превратить Россию в цивилизованное государство, в отличие от Белинского, недооценил силу идеального – красоты и любви, а потому и проиграл в борьбе с природой и общественными стихиями.

Белинский же, сын образованного неудачника-пьяницы и малограмотной женщины, внук сельского священника и шкипера (родом из того же духовного сословия), такой же русак «из простых» и такой же верный кандидат в безвременные покойники, оказался в этой борьбе победителем.

Образованному дворянину, с детства привыкшему к комфорту, не так уж трудно научиться ценить красоту и гуманитарную образованность. Путь от Псалтыря до Гегеля и Гёте, как правило, он проходит легко, без ощущения трагического разрыва с привычными с детства критериями истины и добра, но и без неповторимой радости открытия тех красот, которые предназначены для избранных.

И потому пример Белинского, которого в детстве учили и воспитывали сообразно с уровнем семинарского или в лучшем случае провинциального гимназического знания и который, благодаря необычайному упорству и силе воли, стал одним из немногих в России аристократов духа, был для Тургенева живым доказательством огромных возможностей, которые кроются в русском национальном характере.

Пензенский попovich, ставший непревзойденным критиком Пушкина, главой натуральной школы в литературе и, что было так важно для Тургенева, признанным вождем русского западничества и главным оппонентом славянофилов.

Разве не был он похож на Базарова, но на такого, который не потерял голову и которому всё самое важ-

ное в его благородной миссии всё-таки удалось – во многом потому, что он никогда не считал прекрасное и возвышенное чем-то неважным и ненужным.

Полвека назад, в далекие шестидесятые годы, нас, тогдашних школьников, явно перекармливали Белинским. И чем-то занудно-казенным несло от таких его определений, как «великий русский критик», «революционер-демократ», «борец за счастье народа».

Его длинные статьи о Пушкине читать не хотелось: казалось, что они были «такие, как надо». И школьники, что были поумнее, прятали под партой задорного Писарева – совсем как испорченные гимназисты в «Братьях Карамазовых».

Но спустя годы я случайно услышал от кого-то из студентов филфака МГУ, где я учился, что мой любимый профессор, у которого я хотел писать дипломную, очень любит Белинского. Любит сам, а не потому, что так велют.

«А можно ли в самом деле его любить?» – подумал я и стал читать не те статьи, которые без конца перепечатывали в дешевых сборниках из серии «Школьная библиотека», а другие: про деяния Петра Великого, про народную поэзию, про «Тарантас» Соллогуба.

Стало ясно, что их автор совсем не такой, каким его изображали в учебниках и скучных толстых монографиях. А кто-то, кого можно было бы назвать прогрессивным неревolucionером, который страстно любит свое отечество не за «народность», не за «говор пьяных мужичков», а за дерзновенное стремление к разумности и цивилизованности.

Я бросился читать его письма, и, говоря его же словами, «новый мир нам открылся»². Я влюбился в этого угловатого, кое-как воспитанного чембарского интеллигента на всю жизнь.

На Белинского можно смотреть по-разному. Каждому, кому пришлось по душе его восторженные, но в то же время глубоко рациональные идеи, помноженные на непримиримый нрав, в «неистовом Виссарионе»³ нравятся совершенно разные вещи.

Одни любят его неподдельный демократизм, понятый по-русски как плебейская непосредственность и приверженность более к равенству, чем к свободе. Иные ценят его почти безукоризненный эстетический вкус, непонятно откуда взявшийся инстинкт красоты.

Третьим больше всего может прийтись по нраву то, что он был защитником имперского статуса России и непримиримо относился к любым проявлениям национальной исключительности.

Четвертые, наконец, справедливо видят в нем вдохновенного русского западника, каковым его в первую очередь и считали его современники.

Я же попросту увидел в нем родственную душу. Какое-то особенное чутьё подсказало, что он такой же излишне откровенный, прямолинейный, что он так же близко к сердцу принимает то, что иные считают чепухой, что он застенчив, что он, как мой любимый князь Мышкин, боготворит женщин и застенчиво конфузится перед ними.

А поскольку тогда, 30 лет назад, моим сознанием управляли московские стереотипы, а весь нестоличный мир делился на секторы сообразно уходившим во все стороны железным дорогам, то мне было невдомек, каким образом такой светлый человек как Белинский мог появиться не в Москве, не в Петербурге и не в другом «приличном» месте – по Ленинградской, Киевской, на худой конец по Курской дороге, как Тургенев, Толстой или Бунин, а по Казанской, по которой образованные люди по собственной воле не ездят.

В моем воображении рисовалась голая восточная степь, изрытая глубокими оврагами, дикие степные помещики с их крепостными гаремами, пьяные мужики в лужах вместе со свиньями⁴ меж двух рядов унылых серых изб без травы и палисадников. Увы! Такие деревни я видел собственными глазами на Рязанщине. Да и бабушка, старомосковская мещанка, пугала меня в детстве Казанским вокзалом, всюю расхваливая Ленинградский...

Тем более восхищение мое всё возрастало. Ведь стоит только вообразить себе, как трудно было Белинскому, каким непростым был его духовный путь из Чембара в Москву, Петербург и Париж. Как легко можно было споткнуться: жениться на красивой дурочке, преподавать русскую словесность где-нибудь в уездном училище, спать с кругу, да и пропасть в каком-нибудь другом Чембаре.

Но не таким был этот болезненный юноша с горящими глазами – редкий самородок, гордость России, честь и слава русской провинции. Упрется, но добьется. Победит годами тяготившее его ощущение отсталости и социальной неполноценности.

Достигнет интеллектуального уровня Станкевича, Герцена, Бакунина, а во многом и превысит его. Едва ли не первым откроет талант Тургенева, Гончарова, Достоевского. Навеки войдет в историю русской мысли как достойный оппонент трансцендентальных идеалистов, теистов, анархистов, правых консерваторов.

Память о нем никому в мире не позволит при слове Россия воображать себе только лишь церковную главу, похожую на луковицу, икону с темным и понурым ликом и бандитское лицо какого-нибудь Гришки Распутина в малахае с красной звездой. А ведь именно такая символика появляется на обложках карманных

изданий детективных романов и сенсационных репортажей на западных и восточных языках.

Такие авторитеты западной гуманитарной науки, как Томаш Масарик, Исая Берлин, Мартин Маля или Анджей Валицкий, отзовутся о нем с большим уважением как об блестящем мыслителе, который «перетащил на себе» столько личных страданий, что рожденные в борьбе с ними идеи и ныне актуальны для всех, кому дороги идеалы материализма, секуляризма и левого демократического движения.

А ведь он из, казалось бы, безнадежной пензенской глуши. Да и не из самой Пензы, где имеется парк имени Белинского и журнал с подобным названием, а из Чембара, что затерялся где-то в степи между Кирсановом и Нижним Ломовом!

Как много раз, думая о Белинском, я удивлялся тому, как удалось ему, в отличие от позднейших поколений поповских детей – Добролюбова, Антоновича, народовольцев – уберечь драгоценное зерно таланта, сокрытое глубоко в душе русской провинции. Уберечь и не запятнать его ни экстремистским «грудь в крестах или голова в кустах», ни поклонением перед мифическим «народом», ни пошлым семинарским юмором.

Да, ему очень повезло: он встретил на своем пути очень хороших и умных людей. Когда ему было всего 12 лет, он понравился известному писателю И. И. Лажечникову, который был директором Пензенской гимназии и народных училищ, в том числе и открытого по его инициативе Чембарского училища. Лажечников выступил в роли его благодетеля и в последующие годы, когда он жил в Пензе и ходил в гимназию на углу Троицкой улицы.

В трудные минуты в Москве ему, исключенному из университета, помог благороднейший Н. И. Надеждин,

в доме которого, в Большом Афанасьевском переулке, собирался кружок Станкевича, значение которого в истории русской интеллигенции трудно переоценить.

Кто только там ни появлялся! Мишель Бакунин, чьи портреты и поныне красуются в ячейках анархистов по всему миру. «Передовой боец славянофильства» Константин Аксаков. Добрейший Василий Боткин – едва ли не первый русский апологет капитализма, человек тончайшего эстетического вкуса и любимый друг Берлинского.

И, наконец, сам Станкевич – беспримерный образец честности и душевной красоты, обладавший редким даром делиться свои благородством со всеми, кому посчастливилось с ним общаться. Сам выходец из провинции, но питомец одного из оскудевших «дворянских гнезд»⁵, он как магнит привлекал к себе провинциалов-разночинцев, которых было немало в его кружке: вспомнить хотя бы поэта А. В. Кольцова, сына воронежского торговца скотом.

Но Станкевичу, к великому счастью всех его друзей и соратников, никогда не приходило в голову выступать в роли «кающегося дворянина». А ведь в самом деле, нет ничего позорного в том, что твой дед, как говорил тургеневский Базаров, «землю пахал», а сам ты учился читать по Псалтырю или Часослову. Но нет ничего предосудительного и в том, что твои предки покупали картины итальянских мастеров, а твоим первым языком, как у Пушкина, был французский.

«Аристократы» в кружке Станкевича сидели за одним столом с «демократами» и пили чай с баранками, а не бордо или мадеру. Но разговоры о Шеллинге и Фихте, о Гёте и Шиллере, в глубину мысли и образов которых «демократам» приходилось погружаться, чтобы не отстать от «аристократов», которые волей-неволей за-

давали тон, были для первых благодатнейшим средством для развития их природных талантов.

Как верно заметил Юрий Лотман, повторяя одну из любимейших мыслей Белинского, «та великая русская культура, которая стала национальной культурой и дала Фонвизина и Державина, Радищева и Новикова, Пушкина и декабристов, Лермонтова и Чаадаева и которая составила базу для Гоголя, Герцена, славянофилов, Толстого и Тютчева, была *дворянской культурой*»⁶.

Но вернемся к самому Белинскому, которому повезло. Одного везения мало. Надо родиться способным, а главное – хотеть развивать свои способности.

Чембарский родственник и однокашник будущего критика, Дмитрий Петрович Иванов, вспоминает: «В Чембаре Белинский слыл за ученика даровитого и прилежного. Я очень хорошо помню, с какою любовью относился к нему наш законоучитель, соборный священник Василий Чембарский: он называл обыкновенно Белинского ласковым «Висяша, умница, душенька», восхищенный его ответами»⁷.

А когда Белинский ехал в Москву поступать в университет, цыганка в почтовой кибитке предложила ему поворожить. Его удивили следующие ее слова: «Люди почитают и уважают тебя за разум, только языком не сшибайся. Ты едешь получить и получишь, хотя и сверх чаяния» (XI, 26)⁸.

Поистине вещие слова! Пресловутая неистовость и многочисленные перегибы Виссариона Чембарского были следствием не столько его убеждений, сколько привычки к поспешным и очень резким словесным излияниям. Но он был в самом деле умен – умен более, чем образован или воспитан.

Впрочем, трудно было быть высокообразованным

после окончания пензенской гимназии, которая являла в 1820-е годы весьма печальное зрелище, а самообразование мешало плохое знание иностранных языков, которые всю жизнь Белинскому давались с огромным трудом.

Что же касается воспитания, то в одном из писем он иронически говорит о том, что матушка воспитывала его в буквальном смысле слова – то есть упитывала, кормила его жирной гусятиной, парным молоком и сдобными булками со сливочным маслом, но на том воспитание и заканчивалось.

Что ж, Мария Ивановна Бельнская, урожденная Иванова, дочь шкипера, была, как вспоминает Д. П. Иванов, «женщина чрезвычайно добрая, радушная, но вместе с тем крайне восприимчивая, раздражительная. Образование ее ограничивалось посредственным знанием русской грамоты⁹. Вся заботливость ее, как и большей части провинциальных матерей, сосредоточивалась в том, чтобы прилично одеть и особенно накормить детей <...> Страсть к жирной, неудобоваримой пище, перешедшая к детям, усиливала в них золотушные начала и расположила к худосочию...»¹⁰.

Своим талантом Белинский, без всякого сомнения, обязан отцу – Григорию Никифоровичу Бельнскому, сыну Никифора Трифонова, священника из села Бельни¹¹, «родом из великороссиан». Присущие критику критический взгляд на вещи, антиклерикализм, внимание к нравственной и эстетической стороне религии при полном равнодушии к ее трансцендентным аспектам, парусии и эсхатологии – результат отцовского воспитания и раннего пристрастия к сочинениям Вольтера, которого отец очень любил.

Впрочем, отдавая должное способностям и просвещенности отца, Белинский никогда его не идеализировал

вал и защищал мать, когда Григорий Никифорович бранил и бил ее, обвиняя в бескультуре и глупости¹². В одном же из своих длинных писем-диссертаций 1 ноября 1837 года он с горечью писал М.А. Бакунину:

«У тебя, например, темперамент гармонический – а отчего? оттого, что твой отец, женившийся сорока лет, не имел до женитьбы женщины, не был онанистом, не предавался сладострастным мечтам, не был пьяницею, обжорою, не был злым, глупым, подлым человеком. Твоя ли это заслуга, или дело случая? А мой отец пил, вел жизнь дурную, хотя от природы был прекраснейший человек, и оттого я получил темперамент нервический, вследствие которого я столько же дух, сколько и тело, столько же способен к жизни абсолютной, сколько склонен к чувственности, сладострастию, нравственному онанизму; я родился с завалами в желудке <...> восьми или девяти лет, прежде нежели я понял физическое отношение женщины к мужчине, вид женщины уже производил во мне страстные чувственные движения, я а priori понимал то, что дитя может узнать только а posteriori...» (XI, 196; курсив В. Г. Белинского – В. Щ.)

Сколько поразительной правды можно прочесть в подобного рода письмах! Правды не только о самом Белинском, который действительно был очень страстным по натуре человеком, но и нравах людей, не имевших ни сил, ни желания, ни возможности подняться выше той отвратительной, кондовой, калиновско-окуровской «среды», которая была едва ли не единственным уделом всех обитателей русской глубинки, кроме (если говорить о Пензенщине) Лермонтовых и Огаревых, но они жили в своих усадьбах по иным, элитарным законам – в мире столичной и европейской образованности.

Виссарион Чембарский вырвался из этой среды, потому что, привожу его слова из письма к невесте, «с детства считал за приятнейшую жертву для бога истины и разума – плевать в рожу общественному мнению» (XII, 231).

Не столько дерзкое, сколько спокойное, но последовательное отрицание провинциально-плебейской ответственности и общинности позволило ему не только стать наравне со светлейшими представителями русской интеллектуальной элиты, но и привести в сокровищницу отечественной культуры нечто глубоко личное и в то же время глубоко провинциальное, но такое, чем можно только гордиться.

Виссарион Чембарский... Я нарочно выбрал для него это имя, чтобы оно напоминало о мудрецах древности. Виссарион Чембарский звучит так же величественно, как Гераклит Эфесский, Франциск Ассизский или Эразм Роттердамский. Все эти люди происходили из той ли иной «глубинки».

Чтобы стать фигурой «центральной» (а именно так называли Белинского Тургенев и Анненков), провинциалу необходимо избавиться от комплекса провинции, который неотвратимо входит в плоть и кровь каждого ее уроженца. Провинциалы невольно, зачастую подсознательно убеждены в том, что столичные снобы будут смеяться над ними и что нужно во что бы то ни стало доказать всему миру, что это не так и что они «не хуже других».

Но вместо того, чтобы просто быть самими собою и не думать о том, как они должны выглядеть в глазах москвичей, петербуржцев и иностранцев, они стараются обратить на себя внимание и, как следствие, совершают множество типично провинциальных глупостей и ошибок. Их одежда бросается в глаза, они носят эк-

стравагантные прически, вставляют золотые зубы, ведут себя слишком наигранно и вызывающе, громко говорят, неуместно шутят. Им очень часто кажется, что достопримечательности и традиции их родных мест интересны всему миру, и они готовы часами рассказывать собеседникам о том, что «а у нас вот принято...».

Впрочем, существует также провинциальное антиповедение: провинциалы могут вести себя подчеркнуто скромно, смиряться паче чаяния, приbedняться. А ведь в трудной, лишенной столичного блеска и комфорта провинциальной жизни есть своя прелесть, свои достоинства: «деревенская свобода» (Пушкин), «тишина» (Некрасов), естественность и простота человеческих отношений, неожиданность и оригинальность талантов.

В провинции у всех больше времени, а потому и больше радушия, благожелательности, чем в столицах, где все торопится, все нервные или хуже того – ведут себя нахально и агрессивно.

Повторю еще раз: чтобы провинциал мог выйти в люди и внести в общечеловеческую лепту нечто новое, важное, а может быть, и нечто особенное, местное, он должен, во-первых, не стремиться во что бы то ни стало быть «не хуже других», а во-вторых, он должен обладать не групповым («мы славяне», «мы русаки», «мы пскопские»), а личным достоинством.

Белинский всю жизнь отстаивал права своей личности. Чтобы подчеркнуть свою индивидуальность, он символически отмежевался от собственного рода, еще в гимназии демонстративно поменяв фамилию с Бельнского на благородно, как ему казалось, и по-западному звучащее «Белинский»¹³. Когда он поехал учиться в Москву, мать велела ему в письмах больше ходить по-церквам, как делают все благочестивые люди. На это он отвечал:

«Штататься мне по оным некогда, ибо чрезвычайно много других, гораздо важнейших дел, которыми должно заниматься. Вы меня еще в прежнем письме упрекали в том, что я был в театре, а не был во всех соборных и приходских церквах. Театр мне необходимо должно посещать для образования своего вкуса и для того, чтобы, видя игру великих артистов, иметь толк в этом божественном искусстве <...> И потому я прошу Вас уволить меня от нравоучений такого рода: уверяю Вас, что они будут бесполезны» (XI, 35; курсив В. Г. Белинского – В. Щ.).

«Вселенная не храм, а мастерская, и человек в ней работник», – говорил герой «Отцов и детей». Белинский был не только благороднее, но и умнее Базарова.

В 1837 году, в период обуревавшего его религиозного восторга (многим ли известно, что в 1834–1839 гг. этот якобы «революционный демократ» был глубоко верующим христианином?) он писал Д. П. Иванову: *«Бог не есть нечто отдельное от мира, но Бог в мире, потому что Он везде <...> Мир, или вселенная, есть Его храм, а душа и сердце человека, или, лучше сказать, внутреннее Я человека, есть Его алтарь, престол, Его святая святых. Итак, ищи Бога не в храмах, созданных людьми, но ищи в сердце своем, ищи Его в любви своей» (XI, 145; курсив В. Г. Белинского – В. Щ.)¹⁴.*

Но, взяв на себя смелость провозгласить божественность собственного «Я», чембарский интеллигент – не только повторяя идеи европейского Просвещения XVIII века, но и в полном соответствии с духом современного персонализма – потребовал любви и уважения к личному достоинству другого человека. Не скрывая, что этим другим может быть не счастливый обладатель белой косточки, а тот, кого называли «подлым» – дурно

говоривший по-французски разночинец, лекарский сынок, провинциал из какой-то Пензы, хуже того – из Чембара.

Счастливыми обладателями белой косточки были Бакунины: Мишель, его отец и три его сестры. Мишель был человеком умным, начитанным, дерзновенным. Но внутренне холодным. И к тому же вообразившим себя мерилом гениальности и смотревшим на таких, как дикий, неотесанный и к тому же безнадежно влюбленный в его сестру Александру Висяша Белинский, с менторской снисходительностью.

В Прямухине, родовом имении Бакуниных, где он прожил несколько месяцев в 1836 году, ему посчастливилось погрузиться в атмосферу не только интенсивных философских поисков и дискуссий, но и в ауру благородства, образованности, высокого искусства и, что, наверно, было важнее всего, женской нежности и красоты. И это после многолетних унижений, отцовских побоев, скитаний по мерзким квартирам в Пензе, а потом в Москве, после визитов в московские публичные дома...

Ну как было не влюбиться в одну из прелестных обительниц прямухинского дома? Мучительное желание прижаться к женской груди мучило Белинского долгие годы. И это тоже было следствием того огромного социального скачка, который пришлось совершить Виссариону из Чембара: в его семье, в его среде никто и не слышал о подобном рода «телячьих нежностях».

«Одно меня ужасно терзает, – писал он В. П. Боткину в апреле 1840 года, – робость моя и конфузливость не ослабевают, а возрастают в чудовищной прогрессии. Нельзя в люди показаться: рожа так и вспыхивает, голос дрожит, руки и ноги трясутся, я боюсь упасть. Истинное Божие наказание! <...> Вспомнил я

рассказ матери моей. Она была охотница рыскать по кумушкам, чтобы чесать язычок; я, грудной ребенок, оставался с нянькою, нанятою девкою: чтоб я не беспокоил ее своим криком, она меня душила и била. Может быть – вот причина. Впрочем, я не был грудным: родился я больным при смерти, груди не брал и не знал ее (зато теперь люблю ее вдвое), сосал я рожок, и то, если молоко было прокислое и гнилое – свежего не мог брать. Потом: отец меня терпеть не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно и площадно – вечная ему память! Я в семействе был чужой. Может быть – в этом разгадка дикого явления. Я просто боюсь людей; общество ужасает меня. Но если я вижу хорошее женское лицо: я умираю – на глаза падает туман, нервы опадают, как при виде удава или гремучей змеи, дыхание прерывается, я в огне. Я испытываю тут всё, что испытывает человек, долго волочившийся за женщиною, возбудившею в нем страсть, и делающий последнюю атаку на нее. Если бы я очутился (предположим это хоть для шутки) в подобном положении, мне кажется – у меня хлынула бы кровь изо рта, из носа и из ушей, и, как труп, упал бы я на ее грудь. Если при мне называют по имени не только знакомую мне женщину, но и такую, имя которой я слышу в первый раз в жизни и которая живет за тридевять земель в тридесятом царстве, мне уж кажется, что я люблю ее и что все, смотрящие на меня, как сквозь щели, видят мою тайну, и я краснею, дрожу, изнемогаю... Адское состояние!.. Мне кажется, я влюблен страстно во всё, что носит юбку (XI, 512).

Эти и подобные им отчаянные строки, кроме всего прочего, следствие несчастной любви Белинского к Александре Бакуниной¹⁵.

Но Виссарион Чембарский не был бы самим собой,

если бы не сумел, как всегда в трудных ситуациях, поступить достойно и благородно. В данном случае мужественно принять удар судьбы и следовать далее, только вперед и только выше.

Неудача с Александринкой, а впоследствии переезд из радушно-идеалистической Москвы в деловой и беспощадный Петербург заставили его развить в себе нечто такое, чем пренебрегала тогдашняя, всё время оглядывавшаяся на романтизм дворянская культура. Это нечто было не что иное, как р е а л и з м .

В своих статьях Виссарион называл его очень красиво – «поэзия действительности». Инстинкт действительности, хотя бы в наиболее простых своих формах, таких как здравый разум или практическая сметка, свободно витал в чембарском и пензенском воздухе, где-то между черными бревенчатыми домами и высокими заборами. Его там было больше, чем в Москве или в Прямухине.

Высокий идеализм кружка Станкевича и «прямухинская гармония» были огромным шагом вперед. Без них Висяша Бельнский никогда бы не стал Виссарионом Белинским – великим русским интеллигентом, оригинальным теоретиком, лидером западничества.

Но лишь преодолев в себе бескритичное восхищение идеалистами и идеалистками, лишь отдав себе отчет в том, что безукоризненно воспитанные Бакунины относятся к нему, как существа высшего рода к бедному недоучившемуся провинциалу с дурными манерами и плохим французским прононсом, он сумел перековать оскорбленное подобной снисходительностью самолюбие в колоссальную, откуда ни возьмись взявшуюся энергию новаторской мысли и высокого творчества.

Реализм уже давно существовал в русской литературе, но как-то незаметно, под чужими именами и мас-

ками. Белинский первым поднял его знамя так высоко, что его увидела вся Россия. Тем самым он привнес в сокровищницу отечественной культуры нечто личное и в то же время глубоко «почвенное», плебейское и провинциальное.

Реализм стал нашей гордостью и нашей национальной философией культуры, как ренессанс в Италии, классицизм во Франции или романтизм в Германии, во многом именно благодаря Белинскому, который отважился поднять чембарский здравый смысл на уровень экзистенциального кредо и эстетического идеала. Любовные страдания и снисходительные взгляды Бакуниных немало помогли этому процессу.

Завершив в себе мучительную перемену, критик написал Боткину, что он не видел для себя выхода в потустороннем, в мистицизме, что не мог он и спиться, как спиваются на святой Руси «все умные, по общественному мнению, люди», и что ему оставалось только одно – «сделаться действительным» (XI, 416).

Жизнь Виссариона Чембарского – превосходный пример для любого честолюбивого и от природы талантливого человека, чье социальное или национальное происхождение составляют серьезное препятствие на пути к карьере. Белинский с детства желал быть не как все, а лучше всех.

Он понимал, что у сына лекаря, родившегося в Своборгской крепости, выросшего в Чембаре и с грехом пополам кончившего дурную гимназию в Пензе, нет иного пути, кроме как путь вперед, и притом обгоняя тех, кому довелось родиться удачнее его. Так поступают все разумные существа, не желающие быть «как все» и влачить растительное существование.

Потому-то евреи стараются быть талантливее и удачливее русских в России, немцев в Германии или бри-

танских потомков в Америке. Потому же самому русские за границей работают гораздо лучше, чем у себя дома, зная, что если придется выбирать между иностранцем и туземцем, а оба одинаково хороши, то местные всегда выберут своего. И русаку не остается ничего иного, как постараться быть лучше его.

И потому же провинциалы во что бы то ни стало старались заткнуть за пояс столичных баловней, снобов и лоботрясов, весьма часто достигая головокружительных успехов.

Жизнь Виссариона Белинского, выдающегося русского демократа – это состоявшийся триумф человека, обладавшего особым чувством личного достоинства и готового решительно за него сражаться. Он стал превосходным литературным критиком, навсегда вошедшим в историю. Он произнес новое слово мировой философии и эстетике, творчески развив учение Гегеля о разумной действительности.

В конце концов он нашел свою любовь и создал хорошую, дружную семью.

Но кроме того – это последнее, но не менее важное (или, как говорят англичане, last but not least) – жизненный путь Виссариона Чембарского оказался триумфом таланта, порожденного глубинной Россией. Русской провинцией, в темном, во многом еще непознанном лоне которой хранятся реальные, действительные сокровища.

Подумайте об этом, гуляя по парку Белинского или читая одноименный «журнал вольнодумства».

Примечания

1. Наряду с Герценом, Бакуниным, Спешневым и Добролюбовым.

2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд. АН СССР, 1953–1959. Т. XI. С. 386 (письмо к Н. В. Станке-

вичу от 29 сентября – 8 октября 1839 г.). В дальнейшем все ссылки на произведения Белинского приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.

3. В кружке Станкевича Белинского называли неистовым Виссарионом по имени героя поэмы Лодовико Ариосто «Неистовый Роланд» («Orlando Furioso»). Автором сочетания «неистовый Виссарион» был, по всей вероятности, поэт Иван Ключников (1811–1895).

4. Ср.: «Что такое Россия? С одной стороны, богатырь, которому море по колено, а с другой – пьяный мужик, который валяется в луже» (XI, 241–242; письмо к М. А. Бакунину от 20–21 июня 1838 г.).

5. Николай Владимирович Станкевич родился в усадьбе своих родителей Удеревке Острогожского уезда Воронежской губернии.

6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – Санкт-Петербург, 1994. С. 15. Курсив Ю. М. Лотмана – *В. Ц.*

7. Сообщения Д. П. Иванова при чтении биографии В. Г. Белинского А. Н. Пыпина (ноябрь 1875) // Белинский В. Г. Письма. Т. I–III / Ред. и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. III. С. 417. Цит. по: Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности, 1811–1830. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 101.

8. Письмо к А. П. и Е. П. Ивановым 21- 31 декабря 1829 г.

9. Ее дочь Александра, младшая сестра Белинского, всю жизнь оставалась неграмотной. См.: Нечаева В. С. В. Г. Белинский... С. 74.

10. Сообщения Д. П. Иванова... С. 401.

11. Село Бельнь расположено в 135 верстах от

Пензы и в 37 верстах от Нижнего Ломова. В конце XVIII в. его населяли государственные (по-местному, «ясашные») крестьяне.

12. См., напр., письма Белинского-студента к отцу и брату Константину в Чембар (XI, 76–78, 87–97).

13. Подробнее см.: Нечаева В. С. В. Г. Белинский... С. 40, 415. Мне ежегодно приходится разочаровывать моих польских студентов, которые спрашивают, не было ли у Белинского польских предков. Белинский (Bielinski) – распространенная в Польше шляхетская фамилия.

14. Подобных слов в защиту личного достоинства в письмах и статьях Белинского немало. Эта тема – одна из доминант его духовного наследия. Приведу красноречивый пример из письма к В. П. Боткину от 10-11 декабря 1840 г.: «Идея либерализма в высшей степени разумная и христианская, ибо его задача – возвращение прав личного человека, восстановление человеческого достоинства, и сам Спаситель сходил на землю и страдал на кресте за *личного человека*» (XI, 577; курсив В. Г. Белинского – В. Щ.).

15. А вот и другие примеры. Осенью 1837 года В. П. Боткин, также влюбленный в Александру, сказал Белинскому, чтобы он не надеялся на любовь этой девушки. Спустя некоторое время, Белинский написал в письме к М. А. Бакунину: «...слова Боткина болезненно потрясли меня. Дня три я был сосредоточен, грустен, носил в душе своей страдание и вместе с ним веру, силу, мощь какую-то, а на четвертый почувствовал припадок чувственности, дни два бледнел, дрожал, трясся в жгучей лихорадке сладострастия и кончил тем, что поехал к Никитским воротам. Хорош – не правда ли?» (XI, 215). У Никитских ворот в то время находился публичный дом, услугами которого часто пользовались

студенты университета. Позднее, когда его популярность в читательских кругах возросла, нищий и одинокий Белинский стал мечтать о том, чтобы некая читательница полюбила его не только как блестящего критика, но и просто как человека, мужчину: «...читатель скажет – сколько души, сколько любви в этом человеке! Лестная награда! Может быть, и прекрасная читательница мне скажет то же, да еще со вздохом прибавит: какое счастье любить такого человека; а поставь перед нею этого человека рядом с каким-нибудь молодцом-офицером и заставь, под условием смертной казни, непременно выбрать одного из двух, она скажет: не хочу ни того, ни другого, но если уж нельзя иначе, то вот этого – и подаст руку г-ну офицеру, а меня попросит написать еще что-нибудь с душою... пойдешь же к блядам – к Эмили, к Шарлотте, Амалии... но вот беда – денег нету, штаны того гляди спадут, а новых и не предвидится скоро (XI, 427; курсив Белинского – В. Ш.).

Выписки: подражание Гаспарову

«Мы много говорим о спорах. «Надо спорить, спорное утверждение, пьеса, книга» – встречается на каждом ходу. Но как-то забывают, что словесный спор – это всего лишь схоластика, не более. Единственный серьезный и реальный спор – делом, не словом. Спорный опыт – поставьте другой, спорная книга – напишите другую, с других позиций, спорная теория – создайте другую. Причем по тем же самым вопросам и предметам, не иначе».

Иван Ефремов. Лезвие бритвы. М.: Издательство «Молодая гвардия», 1965, стр. 155.

Выписки: подражание Гаспарову

«В России все те, кто читают, ненавидят власть; все те, кто любит ее, не читают вовсе или читают только французские пустячки».

А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Сочинения в девяти томах. Том 3. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1956, стр. 467.

* * *

«Люди по большей части самолюбивы, беспонятны, легкомысленны, невежественны, упрямы; старая истина, которую всё-таки не худо повторить. Они редко терпят противуречие, никогда не прощают неуважения; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяют всякую новость; и, к ней привыкнув, уже не могут с нею расстаться».

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. Письма. М.: Издательство «Наука», 1966, стр. 98.

* * *

«Всегда все знать, всегда быть правым – в одном этом нет величия. Ошибаться и вопреки этому все же продолжать верить в себя – вот человек, говорит один из моих «Трех стариков», и по ту сторону победы и поражения начинается его слава. Честь взять на себя отмеренную каждому долю того, что назначено мойрами или, если угодно, волею случая или обстоятельств».

Готфрид Бенн. Двойная жизнь. Главы из книги. «Иностранная литература», 2000, № 2, стр. 229.

ИМЕНА

ЦБ

Аркадий Пригожин

Феномен Ахиезера

Это имя упоминается в Ветхом Завете.

Представьте: оно прошло столько тысячелетий, передаваясь по мужской линии через множество поколений. И вдруг движение этого древнего имени оборвалось. У Александра Самуиловича две дочери. Впрочем, одна из них даже в замужестве сохранила отцовскую фамилию, как бы желая продлить во времени её звучание. Но ясно, что эти усилия – последние.

Так это было

Я помню его с начала 70-х годов. Это был приземистый, рыжеволосый человек с большой лысиной, медлительный, очкастый, неразговорчивый, любил слушать и редко высказывался сам. Глаз его почти не было видно из-под густых бровей и очков, за которыми скрывался сильный характер.

При общении с ним угадывались большое мыслительное напряжение, интенсивная внутренняя работа.

У нас тогда в ходу был общий вопрос друг другу: над чем ты думаешь? Имелся в виду предмет размышлений, исследований. На этот вопрос он отвечал осторожно и уклончиво.

И только когда мы сошлись поближе, спустя, на-

Аркадий Пригожин, 72 года, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, гуру в сфере управленческого консультирования.

верное, год с начала знакомства, он признался: «Я занимаюсь философией российской истории».

Меня до сих пор удивляет странность советской системы: поняв ценность фундаментальной науки прежде всего для имперских задач, Сталин создал для неё элитарные условия. Он и его последователи стремились развивать в первую очередь физику, математику, технику, энергетику.

А остальные отрасли исследований финансировались и возвышались как бы по инерции, потому что тоже относились к науке. Время от времени советские идеологи расправлялись с какой-то из второстепенных для них ветвей научной интеллигенции: то с биологией, то с историей, то с филологией.

Но всегда почему-то оставались лакуны, где активнее мыслящее меньшинство могло укрыться от надзора во вполне комфортных условиях. В Академии наук СССР существовали настоящие оазисы мысли, которые охраняла даже институтская администрация.

Например: вдруг был создан Институт международного рабочего движения. Его директором стал внебрачный сын главы американской компартии Л. Тимофеев. Как наследник знаменитого коммуниста, он пользовался доверием ЦК, и ему позволили набрать в ИМРД много талантливых людей.

Вот так Ахиезер, будучи кандидатом философских наук, попал в интересный коллектив с большой автономией в том, что касалось выбора тем исследований и форм научного общения, при совсем неплохой зарплате. Он справлялся с плановыми работами и не особо «высовывался» на общем фоне.

В Академии было принято оставлять планирование рабочего времени на усмотрение сотрудников.

И ещё одно. Те, кто хотели заниматься наукой все-

рьёз, а это было явное меньшинство сотрудников, регулярно посещали Ленинскую библиотеку.

А её интерьер был таков, что всегда можно было найти какие-то углы, ниши для вполне конфиденциальных разговоров, обсуждений, недоступных для посторонних ушей.

Так вот, то самое признание, которое я процитировал выше, Саша произнёс мне в одном из таких укромных мест, у большого окна, где мы время от времени встречались для обсуждения политических новостей, интересных публикаций, литературных новинок. Иногда собирались группы по 4-5 человек, но нередко мы с ним где-нибудь разговаривали с глазу на глаз.

Помнится, я его стал расспрашивать: какие у тебя идеи насчёт философии российских судеб? Он отложил разговор, от прямого ответа уклонился.

Однажды, когда я был у него дома, он посвятил меня в свою тайну: он скрытно от жены работал над гигантским исследованием по загадочным циклам российской истории. И по теме, и по идеям это исследование было совершенно нелегальным и грозило суровым наказанием.

Ему помогали дочери-старшеклассницы тем, что перепечатывали его рукопись на портативной машинке, используя т.н. папиросную бумагу. В этом случае 3-4 закладки получались вполне читабельными.

Жена Александра, Изольда, преподавала в Суворовском училище, и, конечно, от неё всю эту работу приходилось держать в секрете: она была бы напугана, и страх не позволил бы ей нормально жить. Помогало ещё и то, что она не особо интересовалась содержанием работы мужа.

Как вы понимаете, хранить эту тайну приходилось не только от жены, но и от большинства друзей, знако-

мых и сослуживцев. Примем во внимание и то, что в ИМРД Ахиезер имел достаточную нагрузку.

Наконец, очень много времени и сил у него занимал уход за больной матерью. Тогда не было социальных работников, и снабжать её продовольствием и другими вещами мог только он. А это означало стояние в больших очередях, долгие поездки с пересадками на городском транспорте. Вот в каких условиях готовилась эта выдающаяся работа.

Тогда же дома он рассказал мне о своих идеях и результатах, и я стал совладельцем его тайны. Конечно, это нас сблизило, мы стали встречаться чаще, сдружились.

Я в то время жил за городом, и у меня не было домашнего телефона. Он как-то попросил меня помочь ему в хранении одной из машинописных копий его монографии. На первой странице я увидел заголовок: А. Наумов, «Россия: критика исторического опыта». Такой он выбрал псевдоним.

Я перевёз экземпляр к себе домой, прочитал его внимательно и убрал в книжный шкаф, на всякий случай прикрыв нейтральными материалами.

Каково же было моё удивление, когда в 1982 году, в какой-то из выходных дней, поздно вечером, он неожиданно появился у меня, встревоженный, с большим портфелем, переполненным, как оказалось, рабочими и подготовительными рукописными и машинописными материалами к той же монографии.

Мы уединились, и он рассказал мне: одну из копий он хранил у приятеля, который участвовал в диссидентских группах.

По совсем другому поводу к нему явились гебисты, провели обыск и среди прочих компрометирующих материалов обнаружили рукопись А. Наумова.

Всё это они отвезли к себе, и Александр не мог добиться от пострадавшего приятеля, назвал он настоящего автора или нет.

Тем не менее, он решил уничтожить весь архив, связанный с этой работой. Мы стали думать, как всё это уничтожить. Если бы это была весна, то на какой-то из ближайших дач при сжигании обычного мусора я мог бы заодно сжечь и эти материалы. Но дело было зимой.

Я заверил Сашу, что в течение двух дней я уничтожу его бумаги, и отправился к одному знакомому художнику в Малаховку.

Кратко рассказал ему суть дела, он согласился без опаски, поскольку неурочный костёр мог привлечь чьё-то внимание. И всё же мы сожгли бумаги в два или три приёма.

А тот экземпляр, который был у меня на хранении, я перепрятал подальше, хотя в случае обыска его вряд ли бы удалось скрыть.

Мы напряжённо ждали вызова Ахиезера на Лубянку, но ничего такого не последовало. От того приятеля после обыска гебисты почему-то отстали, и мы успокоились.

И снова вдруг: весной 1991 года после некоторых задержек появился знаменитый трёхтомник Ахиезера. Под эгидой Философского общества СССР, отпечатанная на ротапинтере на скверной бумаге, тиражом в тысячу экземпляров вышла знаменитая, уже под настоящим именем автора, монография «Россия: критика исторического опыта».

Она стремительно разошлась среди интеллигенции и даже партийных работников. Однако признание пришло далеко не сразу: в те годы поднялась целая волна неподцензурных публикаций на ту же тему.

Кроме того, все три тома были изданы в непрезента-

бельном виде, и бумага быстро приходила в негодность, затрёпывалась. Знаю также, что тома эти расходились по отдельности, и ко многим попадал только какой-то один из трёх, из-за чего не складывалось цельное понимание концепции автора.

Но самая главная причина отложенного признания в том, что это была не публицистика, а кропотливый научный труд, написанный сложным языком, а, значит, требовалось немало умственных усилий для понимания.

Так или иначе, но только через десять лет автора стали обильно цитировать, ссылки на уже новое издание трёхтомника появились в большом количестве.

Проклятие инверсий

Главное открытие автора – инверсионные циклы, т. е. периодический возврат к синкретическим ценностям после периодов ослабления этатизма и усиления импульсов развития.

А. С. Ахиезер показывает, что определяющей ценностью российской истории был вечевой идеал. В преобразованном виде он прошёл через все века до наших дней. Этот идеал сугубо синкретичен, т. е. возвышает такие надындивидуальные сущности как семья, род, община, но более всего – государство.

Именно оно, и только оно обеспечивает целостность, управляемость, устойчивость нашего социума. При этом остаются неразвитыми общественная самодеятельность, солидарные действия, правовой порядок. Всё это подавляется, как правило, персонифицированным владельцем государственного аппарата.

Но проблема в том, что России отведен дальний и холодный угол Евразии, который краями соприкасается с азиатским Востоком и европейским Западом. И тут

нельзя миновать борьбы двух векторов, двух противоречивых устремлений в одном социальном организме.

На этой оси страсти издавна раздирали русское общество, порождая склонность к крайностям и жестоким конфликтам.

Раскол, считает Ахиезер, – почти непрерывное состояние народа, находящегося на столь напряженной социально-географической растяжке.

Раскол у Ахиезера – это одна из ключевых категорий, наиболее пригодных для анализа нашей истории. Везде есть противоречия, антагонизмы.

Но далеко не везде они с такой непримиримостью ведут к разрыву общества на части, к разлому его целостности, доходят до расщепления самого нравственного основания культуры, как это произошло у нас.

Абсолютизация даже естественных различий – увы, склонность нашего социального ума. В основе его лежит логический и социальный механизм, называемый автором инверсией, т. е. обращением в противоположность.

Инверсионная логика довольно быстро переводит то, что ранее оценивалось как исключительно доброе, в безусловно злое, друга – во врага, полезное – во вредное и т. д.

Потрясаемые сегодня очередной исторической инверсией, мы остро чувствуем, как расшатывает она социальный Порядок, изматывает нравственную силу народа, из памяти которого еще не стерлись следы подобных же превращений идеалов в крамолу, вождей – в преступников, господ – в париев.

Инверсия подменяет один полюс другим. Это просто и примитивно. Главное же тут – тяжкий грех перед историей, ибо так неизбежен повтор того же заблуждения, лишь со сменой знака.

Как же выйти из спирали инверсии, преодолеть раскол?

«Инверсионная ловушка» захватывает тех, кто находит уверенность в правоте нового решения, прежде всего в том, что оно противоположно предыдущему: административная система не оправдалась – спасет рынок, была ваша власть – будет наша и прочее.

Но есть еще путь и средство медиации, выводящие на социальное творчество через взаимопроникновение оппозиций, существование их друг через друга.

Человечество долго и трудно вырабатывало это средство переживания крайностей, на которые когда-нибудь заносит любую нацию.

Медиация (посредничество) – средство гармонизации крайностей, но она же, возможно, главный способ развития, наращивания культуры.

Трудность здесь в том, что тем социальным институтам, которые берут на себя риск управления расколотым обществом, необходимо обеспечить соединение в единое целое его частей, в гигантском разнообразии их взаимодействия, но именно так, как это способна допустить массовая социальная база.

Не лучшим образом вообще, как часто предлагают реформаторы, а в соответствии с возможностями и ограничениями этого общества в данный момент его жизни.

Эффективное управление предполагает контроль над обществом, но не поглощение его. Оно выступает как посредник не только между целым и частями, но между этими последними.

И тут все упирается в меру. В меру лидерства и спонтанности, партнерства и покровительства.

Исторический диагноз Ахиезера: в культуре России всегда не хватало квалифицированной медиации, отче-

го она не сумела пока отойти от господства древнего инверсионного способа принятия решений, не вырастила средние слои – главную социальную базу общества, основанного на медиации, не преодолела раскол. Этим объясняются ее странный колебательный маршрут, срывы от одной крайности к другой.

Таков метод автора, его познавательный аппарат. Что же он дал? Исследователь открыл новую цикличность в отечественной истории. Прежде всего это глобальный модифицированный инверсионный цикл, где инверсия представлена как историческое явление, воплощение массовых социальных процессов.

Долгий период распадается на модификации – этапы. Весь цикл – период – представлен как массовое движение от догосударственного состояния к авторитарной государственности в крайних тоталитарных формах и обратно, в инверсиях, – к отрицанию государства, к вечевому, соборному локализму.

Исчерпываясь, локализм снова отбрасывался к деспотии все разраставшегося государства, и каждый раз массы вдохновлялись очередным нравственным идеалом – модификацией вечевой нравственности.

Проследим за их сменой.

Во времена Киевской Руси ценилось соборное согласие, почвенным прообразом которого было собрание членов сельского мира. Оно, однако, грозило междоусобицей, было недостаточно для осуществления задач собирания великого государства.

И уже в Московской Руси вплоть до смутного времени царил ранний авторитарный идеал. Необходимость учета интересов сословий, отвечающих росту, сложности организации общества, породила ранний идеал всеобщего согласия, пришедший в упадок при царе Алексее Михайловиче.

Опять авторитаризм, но в крайней форме, утвердился при Петре I: национальные задачи были решены, но силы общества подорваны.

Поздний идеал всеобщего согласия – следующий виток инверсионной исторической кривой – принес освобождение дворянству, он исчерпался восстанием декабристов, показав иллюзорность надежд на преодоление раскола. Поздний вариант авторитаризма затем господствовал до кончины Николая I.

Снова соборность, но в либеральном виде, реализовалась Великими освободительными реформами и оборвалась катастрофой 1917 года.

Так окончился первый инверсионный цикл. Сочетание инверсионного и прогрессивного типов изменений раскалывало общество по разным ориентациям, традиционность и растущие новые ценности либерализма не завершили свой спор в рамках этого цикла.

Переходом власти к большевикам началась новая история. Второй глобальный инверсионный цикл был основан на псевдосинкретизме, т. е. некоем варианте гибридной нравственности, где господствовала вырожденная форма традиционализма.

Предложив новый нравственный идеал, собственно идею нового общества, современный вариант русской идеи, большевизм по сути реализовал некую форму примирения с расколом, законсервировал его.

Притерпелость – слово, которое в данном случае может быть отнесено не только к бытовому поведению, но ко всему сжившемуся, примирившемуся с расколом обществу, к каждому его слою, к каждой личности. Это не означает, однако, полную неподвижность. Инерция циклов продолжалась.

Попытка воспроизвести локальную прежде общину в масштабе страны сочеталась с вечевой стихией пер-

вых послеоктябрьских месяцев. Неспособность Советов, этих новых вариантов веча, выработать эффективные решения, заставила обратиться к ценностям авторитаризма, что проявилось в эпоху военного коммунизма.

Элементы медиации, попытки добиться согласия в обществе соответствуют НЭПу, откачнувшись от которого общество достигло высшего пика цикла – сталинского крайнего авторитаризма, высшего нравственного напряжения в осуществлении своей мечты о справедливой жизни.

Затем – попытка возврата к ценностям всеобщего согласия (хрущевские реформы), умеренный авторитаризм брежневского застоя и, наконец, возврат к соборно-либеральному идеалу в годы перестройки, где ценности общей работы на благо всех слоев общества, утверждения нового «мы» окрашены в либеральные тона, под поверхностью которых вызревает многоголосоца освобожденного хаоса, питательной среды возможной будущей инверсии.

Ты оказался прав, Саша!

У меня с ним был постоянный предмет обсуждений и разногласий: Ахиезер предупреждал общество о возможности новых повторов по тому же кругу.

В прогнозах он не оптимистичен, хотя в целом книга исполнена пафоса преодоления. А мне хотелось этот пафос перевести в нечто прагматичное.

Мой контртезис был таков: фатализм цикличности отступает перед массовым усилием, субъективной напряженностью человеческого действия, продуктивным синтезом нравственных оснований общества, соразмерным сложности современного мира.

Главное же моё возражение состояло в том, что у мировой истории появилось новое качество – глобаль-

ность развития, т. е. усиление взаимозависимости народов. Россия не может оказаться в стороне от этих процессов. Войдя в общечеловеческую цивилизацию, она способна обогатить ее новыми яркими красками.

«Русской культуре есть что внести в этот диалог народов, – пишет Ахиезер. – Это прежде всего идея всеединства».

«Именно поэтому, – говорил я ему, – открытые им инверсионные циклы наконец обрываются, точнее, они гасятся глобальным, прежде всего европейским влиянием. Если эта цикличность и будет появляться, то в виде попыток маргиналов, и никогда она не захватит центральную ось развития. Иначе говоря, мы будем колебаться вместе с развитым миром, и местные традиции будут синхронизироваться с глобальными».

Но наступил 2003 год, и постепенно я вынужден признавать, что инверсионный цикл опять возобновляется, надеюсь, не в критической, как раньше, степени. Так что, правда Ахиезера всё ещё действительна, к моему большому сожалению.

Да и сам он не торжествовал, выслушивая мои признания по этому поводу. Возрождение авторитаризма и этатизма он воспринимал клинически.

Клинический взгляд на общество и историю у него был вообще развит. Он был мощным диагностом, но далёким от терапии, он никогда не предлагал никаких средств лечения социальных патологий. Для него социум был чем-то объективным, почти как биота.

Между прочим, к своим трудам и научной судьбе он тоже относился как-то отстранённо.

Однажды я высказал ему свою досаду, дескать, Андрей Платонов, величайший наш мыслитель: «Котлован», «Чевенгур» – куда более философичны и художественны, чем Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький.

Так надо же, первый почти неизвестен, а вторыми страна гордится на весь мир.

Он ответил кратко: «Мир несправедлив!»

А спустя какое-то время я посетовал: смотри, без конца цитируют такого-то и такого-то, а ведь у тебя всё это выстроено сильнее и концептуальнее, но ссылки на тебя редки.

Тут он рассмеялся и повторил те же слова: «Мир несправедлив!»

Что ж, ты и в этом прав, старина Ахиезер!

Выписки: подражание Гаспарову

«Русский, к какому бы классу он ни принадлежал, нарушает закон всюду, где он может сделать это безнаказанно, точно также поступает правительство».

А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Сочинения в девяти томах. Том 3. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1956, стр. 500.

* * *

«Стиль – лишь сосуд, в котором подается миру горькое питье».

Торнтон Уйалдер. Мост короля Людовика Святого. Сборник. М.: «Радуга», стр. 28

* * *

«Жизнь осуществляет только ту сторону мысли, которая находит себе почву, да и почва при том не остается страдательным носителем, а дает свои соки, вносит свои элементы».

А. И. Герцен. С того берега. Сочинения в девяти томах. Том 3. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1956, стр. 306.

Выписки: подражание Гаспарову

«Наука – это *поиск*, а не приобретение чего-то неизменного; новые теории в качестве новых точек зрения стоят больше, чем открытия количественно увеличивающие объем знаний».

Джон Дьюи. Реконструкция в философии. М.: Логос, 2001, стр.14.

* * *

«...оправданное явление, становясь неоправданным, объективно перестает существовать. Но история не терпит пустоты. Только новое может вытеснить старое. Чтобы умертвить идею, нужна идея».

Ежи Анджеевский. Мрак покрывает землю. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Художественная литература, стр. 108

* * *

«Власть находится в руках политиков, берущихся управлять не умея и потому громоздящих пирамиды ошибок и нелепостей. Усложняющаяся жизнь всего мира настойчиво требует прочности всех без исключения звеньев, чего политики достигнуть не могут. В результате ткань общественного устройства постоянно рвется. Люди становятся беззащитными жертвами неумелого и устарелого политического управления. Стремясь обеспечить устойчивость власти, политики организуют последовательную иерархию привилегий, очень похожую на иерархию бандитских шайк, замкнуто сужающих свои круги со все большими привилегиями для олигархической вершины».

Иван Ефремов. Лезвие бритвы. М.: Издательство «Молодая гвардия», 1965, стр. 314.

Валентин Мануйлов

Как объединить «демократов» и «патриотов»: ретроспективный анализ

Цель предполагаемого объединения может состоять единственно в том, чтобы обеспечить формирование новой российской государственности с учётом существующего расклада политических сил, отечественных традиций, опыта западных демократий.

Формой объединения, приемлемой для большинства участников политического процесса, мог бы стать **либерально-консервативный консенсус** по типу современного Запада. Он должен включать в себя ценностный консенсус и институциональный и интегрировать консервативный традиционализм* с либеральным.

** Термин «традиционализм» употреблён в данном случае для обозначения сравнительно устойчивой совокупности ценностных ориентаций, форм поведения и институтов консервативного или либерального характера.*

Валентин Мануйлов, 54 года, директор Института региональной политики (г. Пенза), кандидат философских наук, редактор журнала «Парк Беллинского».

Сфера исследовательских интересов: методология социального познания, экономическая история России первой четверти XX в., политические процессы, элитообразование, социально-психологические факторы детерминации исторического процесса.

Ни один здравомыслящий политик не станет, вероятно, отрицать, что консенсусная модель функционирования политического процесса является для нас желательной и целесообразной.

Проблема в том, достигим ли консенсус нами в ближайшей перспективе?

При каких условиях он может сложиться?

Сколько лет понадобится на его превращение в России в источник рационализации Политики и Истории?

Цель анализа – исследовать вероятность формирования либерально-консервативного консенсуса в России с точки зрения исторического опыта.

Либерально-консервативный консенсус в России в аспекте сравнительно-исторического анализа

Цель – осмыслить уроки становления либерально-консервативного консенсуса в России в период с 1855 года по 1917 год в сравнении с опытом Западной Европы. Формирование консенсуса на Западе явилось результатом длительного исторического развития.

Можно выделить три варианта его становления; «русский» вариант, сравнительно с ними, будет четвёртым.

Вариант А. Ярче всего представлен **Англией**.

И ценностный консенсус, и институциональный складывались здесь сравнительно одновременно, стимулируя и упрочивая друг друга.

Институциональный консенсус формировался на почве ценностного. Ценностный же консенсус «венчал» здание институционального.

Накопление ими «запаса прочности», позволявшее минимизировать общественные потрясения, протекало на фоне стабильного экономического процесса. Последний «задавал» такой уровень жизни, который неизменно «свидетельствовал» в пользу классового со-

трудничества и против классовой конфронтации. Это влияние можно назвать «эффектом надёжности».

В то же время для «английского» варианта характерен эффект упреждающего действия. Консенсус «включался» всякий раз, когда объявлялась перспектива возникновения ситуации, способной потрясти «основы».

Согласительные ценности противостояли разделительным, а институты власти блокировали рост конфронтационных устремлений. В итоге – формирование консенсусного традиционализма,

Ни либерализм, ни консерватизм в этом варианте не претендовали на право первородства и абсолютную политическую монополию. Преобладание в консенсусной паре то одного, то другого являлось относительным. Либерализм, оказываясь господствующим, принимал на себя функции консерватизма» И наоборот: консерватизм, обретая лидерство, обретал и обязанность быть либеральным.

Исключительная особенность «английского» образца – сбалансированность между либерализмом и консерватизмом, законченность и ценностного, и институционального консенсуса.

Как результат – укоренённость консенсусных традиций в толще политической культуры нации. На этой почве – плавный и организованный переход от одного вектора развития к другому, устоявшееся исключение вероятности революционного экстремизма.

Вариант Б. Представлен главным образом **Францией.**

Характерная черта – настойчивая склонность либерализма к преобладанию над консерватизмом. Истоки – в традициях Просвещения: право народа на политическую свободу выше права власти на её ограничения. Это сквозной императив политической истории Франции нового времени.

Консенсусные традиции формировались на почве преодоления издержек революционного экстремизма. Консерватизм усваивал дух либерализма, утрачивая монархическую вульгарность и тяготение к реставраторству. Либерализм же осваивал институты консерватизма, утрачивая анархичность и стремление к свободе любой ценой.

И ценностный консенсус, и институциональный сложились во Франции сравнительно одновременно. Институциональный – в конце XIX в. на почве преодоления конфронтационного синдрома, раздиравшего французскую нацию в XVIII-XIX вв. Ценностный – на рубеже XIX-XX вв. – на почве осмысления феномена культурно-демократического капитализма и перспектив его социализации.

Специфические особенности «французского» варианта – «повторное открытие» консенсусных традиций, их проявление в «социалистической» окраске, возврат к «доводке» и ценностного консенсуса, и институционального.

Как результат – смена «вялотекущего» консенсуса «динамичным». На этой почве – кажущиеся неожиданными повороты от одних целей к другим.

Вариант В. Прежде всего представлен Германией.

Характерная черта – принудительная реализация консенсусного проекта при политической гегемонии консерватизма (эра Бисмарка). Причина – жестокая конкуренция с Англией и Францией за место «под солнцем» на фоне запоздалого включения немецкой нации в общеевропейский процесс.

Отсюда – стремление максимально ускорить процесс «европеизации» Германии за счёт соединения ценностей и институтов либерализма с институтами и ценностями консерватизма при безусловно монополярной роли

последнего. В результате – сравнительно быстрое и одновременное становление консенсусных традиций в последней четверти XIX – начале XX вв.

В то же время – их известная ограниченность вследствие сохранения традиций абсолютизма. Одна из них состояла в сохранении за монархом права силового разрешения конфликтов. Другая – в той роли, которую в политической жизни Германии конца XIX – начала XX вв. играл патернализм.

На этой почве – особое значение для существования либерально-консервативного консенсуса приобретали экспансионистские настроения, рождавшиеся на почве абсолютизации национальной идеи.

В этом специфическая особенность «германского» варианта. Национальная идея катализировала укрепление и ценностного консенсуса, и институционального. Но, оказавшись источником роста экспансионизма (в форме пангерманизма), а следовательно, и Первой мировой войны, она способствовала упразднению «раннего» немецкого консенсуса.

Вариант Г. Нагляднее всего представлен **Россией**.

Характерная черта – отсутствие как либерального, так и консервативного традиционализма, т. е. тех сил, которые единственно могли бы сформировать консенсусные традиции.

Ни либерализм, ни консерватизм до 1905 года не имели ни легально оформленных концепций, ни сколько-нибудь прочной массовой поддержки. Их проявления ограничивались идейными исканиями узкого слоя элитарной, преимущественно аристократической интеллигенции.

Ценностные ориентации, формулировавшиеся ею, не становились, как правило, достоянием общественности, не оказывались предметом публичной критики. Они

декларировали общие принципы, обнаруживая недостаточное внимание к анализу текущих событий.

И консервативные ценности, и либеральные в равной мере заимствовались на Западе, если и не всегда напрямую, то непременно как реакция на противоречия развития европейской цивилизации.

На этой почве обе ориентации были склонны оправдывать самодержавие, якобы не допускавшее отрицательных сторон капитализма и в то же время охранявшее «особый путь» России. Понятийное оформление, логическая аргументация развиваемых концепций не могли найти понимания за пределами круга авторов и их оппонентов.

Как бы «не-бытие» политической борьбы в России, наряду с сохранением абсолютизма, не позволило развиться новым институциональным формам, в коих либерализм и консерватизм могли бы найти условия реализации в качестве устойчивых политических традиций.

Единственным властным институтом, могущим, как казалось, явиться прибежищем для становления либеральных и консервативных традиций, было земство. Однако притязания отечественных либералов и консерваторов на придание земству политического значения не увенчались успехом ни до 1905 года, ни после.

До 1905 года земствам не удалось взять на себя функцию политического противовеса самодержавию и бюрократии прежде всего по причине крайней неразвитости либерализма и консерватизма. В то же время по причине ограничительно-репрессивной политики правительства в отношении земств.

После 1905 года формой становления антиабсолютистских традиций выступила Государственная Дума. Земства же сосредоточились преимущественно на ис-

полнении своих административных функций, на осуществлении хозяйственно-культурной миссии.

События 1905 года расширили поле свободы для становления либерализма и консерватизма в качестве устойчивых политических традиций. Открылась возможность «рождения» либерально-консервативного консенсуса. По какому пути оно могло пойти?

Ни «английский», ни «французский» варианты России не подходили. «Почва» была не та. Приемлем был «вариант Бисмарка».

Роль «русского Бисмарка» оказалась разорвана: вначале её «примерял» Витте, затем Столыпин. Ни тому, ни другому она не удалась.

Оба не верили в целесообразность конституционных реформ на русской почве. Оба встретили колоссальное сопротивление своим начинаниям. Оба ушли с политической сцены не по своей воле.

Становление консенсусных традиций в предвоенной России оказалось «отдано» на волю случая. Случай представился в лице 1914 года.

Либерализм и консерватизм сплотились на почве защиты национальных интересов России от германского экспансионизма. Концептуальные разногласия были отложены. Борьба за влияние в институтах власти прекращена.

Поиски форм «сожительства» привели к сложению Прогрессивного блока думских партий. Его роль свелась к организации политического влияния на самодержавие с целью создания условий для победоносной войны. В то же время имелась цель придать антиабсолютистскому протесту организованность, устойчивость, направленность.

Соглашение между «думцами» не допустило экстремистского варианта Февральской революции. Но его

оказалось недостаточно, чтобы не допустить к власти «революционную демократию».

У революций своя логика. Февраль 1917 года обнажил неизбежность крушения российского абсолютизма в роковой для страны момент войны с Германией. Режим рухнул, и на месте старых властных структур стали спонтанно возникать новые, исключительно в форме Советов, представлявших преимущественно классовые или узкопартийные интересы.

Единственный орган власти, пытавшийся возвыситься до отстаивания общенациональных интересов – Временное Правительство – повис в воздухе. В условиях обескровливания страны войною и отстаивания Советами всех уровней классовых интересов, Временное Правительство не могло ни довести войну до победного конца, ни начать политику широких социальных реформ.

Развернувшаяся в составе Временного Правительства борьба между представителями «революционной демократии» и «прогрессивного блока» по-новому поставила вопрос о консенсусе в России.

В тот момент (март-август 1917 года) он принял форму вопроса об условиях достижения соглашения между «демократами» и «патриотами».

В какой форме и по каким вопросам обсуждалась вероятность такого соглашения? Почему оно не свершилось, и какие уроки из опыта тех согласительных поисков можно извлечь сегодня?

«Демократически-патриотический» консенсус в России в аспекте ситуационно-исторического анализа

«Демократическая» альтернатива образца 1917 года, представленная социалистами всех оттенков, сравнительно известна. Её крайний вариант – «демократический» популизм – долгие годы был нашей официальной

идеологией. Поэтому предмет моего анализа – «патриотическая альтернатива».

На исходе второго месяца русской революции её идейным вдохновителям стало ясно, что революция дала стране столько свободы, сколько Россия сразу усвоить не может (В. А. Маклаков). Возникшее в этих условиях двоевластие не позволяло Временному Правительству проводить вполне самостоятельную и независимую от «революционной демократии» политику.

В этой ситуации возникла идея учредить орган, который имел бы совещательный характер и дал бы возможность Временному Правительству обмениваться мнениями с представителями различных политических партий (В. В. Шульгин). Большинство членов Государственной Думы поддержало идею и признало необходимым проведение «частных совещаний».

С 22 апреля по 20 августа состоялось двенадцать таких совещаний, на которых с анализом ситуации и предложениями по предотвращению нарастающего кризиса выступили А. И. Гучков, П. Н. Милюков, М. В. Родзянко, В. В. Шульгин, С. И. Шидловский, А. А. Шингарев, А. А. Бубликов, Н. Н. Львов, И. Н. Ефремов, В. М. Пуришкевич. Обсуждавшаяся на этих совещаниях альтернатива была предложена лидерами «думцев» на Государственном Совещании 12-15 августа.

К этому времени умеренные представители «революционной демократии» (Г. В. Плеханов, Н. С. Чхеидзе) осознали необходимость компромисса между демократично ориентированными «думцами» и патриотично настроенными «социалистами».

Государственное Совещание объективно и было нацелено на уяснение общности мировоззренческих ориентации, на формирование ценностного базиса возможного соглашения.

«Патриотическая» альтернатива «не сработала». Почему? Какие уроки из этого можно извлечь? Первое, что бросается в глаза при чтении стенограмм и «частных совещаний»¹, и Государственного совещания², – это искренняя обеспокоенность «патриотов» за судьбу отечества на почве осознания рокового движения революции. Искренними видятся не только выступления, но и мотивы, стоявшие за ним.

В то же время, рождается ощущение того, что, видя и понимая гибельную кривую революции, пытаюсь противопоставить ей разумную альтернативу, «патриоты» не положили на её весы ту «гирию», которая бы перевесила и уберегла страну от ужасов якобинства. Точнее так: они даже не понимали, какую «гирию» нужно положить.

Что же представляла собой **«патриотическая» альтернатива?**

Исходная посылка «патриотов»: критика протекавших процессов как нарастающего кризиса. Критика распалась на два пласта. Один носил чисто эмоциональный характер. Другой – интеллектуальный.

Первый обращался к массовому сознанию, был расчитан на пробуждение патриотических инстинктов «Аргументы» здесь проявлялись в форме хлёстких, обвинительных фраз, имели оттенок апокалипсического провидения (В. В. Руднев).

Второй апеллировал к политическим элитам тех сил, что боролись за власть, был рассчитан на «включение» здравомыслия. Аргументы здесь основывались на анализе ситуации, носили взвешенно-реалистический характера.

Первый пласт разжигал дух «политического активизма». Второй – смещал политические аппетиты на решение общеэкономических задач.

В качестве примера эмоциональной критики можно привести фразы «родина на краю гибели», «полный хаос русской жизни», «Россия заболела: утратился моральный критерий целого народа».

Критика же интеллектуальная требует более пристального внимания. В ней можно обнаружить две линии. Одна – это анализ экономического состояния. Другая – это попытка определить источники кризиса в сфере политики.

Начну с последних. В качестве таковых называлось прежде всего двоевластие, которое выразилось в существовании, наряду с Временным Правительством, массы Советов разных уровней, подчинённых партийным комитетам (Н. Н. Львов) и стремившихся реализовать классовые интересы в первую очередь».

Это привело к возрождению основного принципа старого порядка – к разделению власти и ответственности (А. И. Гучков). Временное Правительство имело ответственность, но не имело власти, т. к. на среднем и нижнем уровне отсутствовали органы, выражавшие его политическую волю. Советы же имели власть, но не желали иметь ответственности, т. к. были «связаны» достижением узкопартийных и синдикалистских целей.

Как в этой связи виделась проблема ответственности сторон, образующих двоевластие?

Одна позиция (А. И. Гучков) обвиняла во всё «революционную демократию», как не имеющую государственных традиций, инстинкта государственности.

Другая (С. И. Шидловокий) склонна была возложить определённую ответственность за происходящее на бывший правящий класс, т. к. это происходящее было следствием бывшего самодержавного правления.

На каких путях возможно было **спасение государства от краха?**

На пути создания коалиции патриотически настроенных «демократов» и демократически настроенных «патриотов». Коалиция мыслилась на почве общей платформы, общего договора (Н. Д. Кондратьев).

Предполагалось, что единению сверху, на уровне центральной государственной власти, должно соответствовать единение общественности на местах (В. В. Руднев).

Полагали обязательным упразднить всякие революционные комитеты на местах и вмешательство общественных организаций в сферу государственного управления (Заявление членов Государственной Думы 1-го созыва). Это должно было придать государственной власти независимость, твёрдость, единство воли.

Только сильная власть способна спасти страну.

В чьих она руках – вопрос второстепенный (А. И. Гучков). Желательнее всего, чтобы коалиционное правительство было надпартийным, надклассовым.

Более конкретный и обстоятельный характер носил анализ экономического состояния. Его можно резюмировать следующим образом.

Война подорвала и без того слабые производительные силы страны. Главная проблема – дефицит капиталовложений. Именно он тормозит подъём экономики. Необходимо создать условия для накопления капиталов внутри страны, а также для привлечения иностранных капиталов (Тезисы группы южных торговых промышленных организаций).

Другая проблема – гигантская эмиссия и, соответственно, инфляция. Она создала заколдованный круг. Накопление денежной массы на руках у населения в начале войны создало иллюзию роста жизненного уровня. В действительности был запущен механизм перманентного роста цен.

В результате – сочетание высоких цен и обесцененных денег. На этой почве – стремление трудящихся «вырвать» рост заработной платы любой ценой.

Но рост цен ударил и по промышленникам тоже. Средств на гарантированное повышение заработной платы нет.

Дальнейшее удовлетворение неумеренных классовых appetitov в этой области в сочетании с сокращением производств приведёт страну к финансовому краху. Финансовое же банкротство приведёт к банкротству революции (М. Ф. Родзянко).

Каким виделся **план финансового оздоровления?**

Он должен иметь целью увеличение доходов и сокращение расходов. Увеличение доходов возможно на почве интенсификации народного труда, объединения естественных богатств с бездействующей рабочей силой. Для этого необходимо сократить часть армии и вернуть эту часть к производительному труду.

Важнейшее условие – «уничтожение» обесцененных денег. Возможны два пути: 1) выкуп этих денег государством в форме обмена «кредиток» на государственный заём; 2) предоставление «кредиткам» такой работы внутри страны, которая вернула бы им значение орудия обмена (А. А. Бубликов).

Последнее предполагало форсирование торгового оборота страны. Это должно было обеспечить протекание частной эмиссии и направить деньги на создание новых ценностей (А. А. Бубликов).

Одновременно предлагалось: увеличение налогов (А. А. Бубликов, Н. В. Некрасов), государственное регулирование цен (С. Н. Прокопович, Н. Д. Кондратьев), поддержание частной хозяйственной инициативы (Н. В. Некрасов), сокращение личного потребления, ограничение прибылей предпринимателей.

Оба замысла – и спасения государства, и спасения финансов – исходили **из концепции «исторической перспективы» русского капитализма**. Её содержание можно проинтерпретировать так: капитализм в России вступил в свою начальную фазу и далеко не раскрыл всех своих потенциалов; совершаемая революция имеет буржуазно-демократический характер и приближает Россию к странам культурно-демократического капитализма.

Отсюда вытекала идея примирения классов, тезис о необходимости подчинения классовых, групповых, личных интересов интересам общенациональным, общегосударственным.

Это понимало абсолютное большинство интеллектуальных и политических лидеров 1917 г.: А. Л. Пучков, М. Ф. Родзянко, В. Д. Набоков, В. В. Шульгин, П. Н. Милюков, А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов, А. А. Бубликов, Н. Д. Кондратьев., Г. В. Плеханов, Н. Д. Авксентьев, С. Н. Прокопович, Н. С. Чхеидзе.

Они, казалось бы, говорили не только от своего имени, но и выражали определённые общественные настроения, представляли широкий спектр организаций, образующих гражданское общество тогдашней России.

Почему же «патриотическая» альтернатива оказалась несостоятельной? Почему массы, поддерживавшие на протяжении полугода Временное Правительство и ту политику, которую оно вело, «сменили курс» и «уплыли» к большевикам?

Тому единственное объяснение: «державный» настрой не позволил лидерам «патриотов» понять, в чём собственно состояли те общенациональные интересы, которые они усиленно выдвигали выше классовых.

Они были абсолютно уверены в том, что высший интерес нации – довести войну с Германией до победного конца. Ради этого, дескать, и совершилась рус-

ская революция (М. Ф. Родзянко), ради этого и нужно единение всех классов и ограничение эгоистических интересов.

Но могла ли страна, переживавшая экономический и финансовый крах, выдержать такое испытание, как продолжение войны, конца которой не было видно?

Могло ли население, уровень жизни которого упал до уровня 1900 г. (С. Н. Прокопович), согласиться на бесконечное несение тягот, не имея перед собой никакой перспективы?

Лидеры «патриотов» не поняли, что единственная «гирия», которую нужно было «бросить» на весы Временного Правительства, – это немедленный сепаратный мир с Германией. Такой шаг позволил бы им положить затем другую «гирию»: начать эру широких социально-политических реформ (предлагавшихся Г. В. Плехановым) и в её рамках в первую очередь осуществить земельную реформу, конституционную и реформу социального законодательства.

Все эти реформы предполагались, но откладывались до созыва Учредительного Собрания, которое, дескать, единственно правомочно было решить эти вопросы.

В то же время, расценивая события 27-28 февраля как переворот, открывший путь скорой победе над Германией, «патриоты» не поняли, что эти же события положили начало глубоким сдвигам в психологии и сознании русского общества.

Произошёл **гигантский рост ожиданий**: массами всецело завладела мечта о скором приближении справедливого общества, о немедленном удовлетворении всех их потребностей.

Всё то, что накапливалось десятилетиями после реформы 1861 года, вышло в виде «залпового» выброса наружу после обретения страной свободы. Возможно,

что свободы оказалось слишком много, и Россия не смогла её «переварить».

Но вернее другое: Россия в условиях свободы столь быстро оказалась иной, что лидеры «патриотов-государственников» не успели осознать перемену интересов и ожиданий.

Подытожим. У лидеров «патриотов» отсутствовало ощущение того, что в массах произошёл перелом по отношению к войне: массы уже не воспринимали её как защиту Отечества. В то же время у них отсутствовало осознание того, что массы могут спонтанно двинуться на почве растущего разрыва между колоссально выросшими ожиданиями и практической невозможностью их удовлетворения, не было понимания вероятной неожиданной радикализации масс.

Почему же лидерам «патриотов» не удалось «прочитать» изменения ситуации? Этому можно дать вполне объективистское объяснение.

Имело место несовпадение «правильного» понимания необходимости классового сотрудничества и «неправильного» развития конфронтационной логики политической борьбы.

А это, дескать, явилось отражением глубинного социокультурного противоречия: именно того, что осознание необходимости классового сотрудничества возникло на уровне культурной парадигмы значительно раньше, нежели социальные отношения до этого действительно дозрели.

Но при таком объяснении «выпадает» проблема ответственности «вождей» за своё видение жизни и политики, за своё понимание происходящего. В том, что «патриоты» неверно оценили ситуацию, сказался также раскол русского общества на культуру «верхов» и культуру «низов».

Интеллигенция русская привыкла думать и действовать за русский народ. Ей казалось, что она лучший народ знает и понимает его интересы. В эту «ловушку» попались в 1917 года и «патриоты».

Есть ещё одно объяснение, не столь ощутимое на первый взгляд. Оно лежит в мировоззрении и методологии, коих «государственники» придерживались.

Возвысившись до идеи классового сотрудничества внутри страны, они не смогли преодолеть в себе комплекс конфронтационности по отношению к международным делам. Мир для них был расколот на Германию, желавшую поработить Россию, и на Россию, стремившуюся отстоять свою независимость.

Сепаратный мир с Германией казался унижительным и невыгодным (в этом заблуждении пребывал и Г. В. Плеханов). Ведь при победе Россия рассчитывала продиктовать Германии такие условия, благодаря которым можно было бы уничтожить её экономическое превосходство. Восприняв кантовское учение о правовом государстве, «патриоты» не дозрели до его идеи единого мирового государства.

Что касается методологии, то в тот момент даже П. Н. Милюков «не пожелал» ею воспользоваться, принеся свой талант аналитика в жертву политической борьбе.

Те же из них, кто, подобно А. А. Бубликову, пытался дать непредвзятый анализ и говорил А, т. е. то, что именно война довела страну до экономического и финансового краха, не рискнули сказать Б, т. е. то, что войну нужно немедленно закончить сепаратным миром.

Какие же «уроки» можно извлечь из опыта согласительных поисков 1917 года?

Их, на мой взгляд, четыре: методологический, мировоззренческий, тактический, институциональный.

Методологический состоит в том, что кадеты, бесспорные интеллектуальные лидеры России той эпохи, не сумели в нужный момент «приложить» свои знания и своё понимание буржуазных революций на Западе, истории России и особенно её аграрной истории, «правил» политической игры на русской почве, к анализу очень короткого (март-август 1917 года) отрезка русской революционной истории.

Можно сказать, что 1905 года их в этом отношении ничему не научили. Им не удалось постигнуть истинную загадку русских революций, т. е. ответить на вопрос: почему масса, вчера трепетавшая от одного вида полицейского исправника или волостного старшины, сегодня сокрушает целое полицейское государство.

А ведь отгадка была очевидна: в России никогда не было настоящей политической жизни (это было ясно не только либералам, но и консерваторам), даже то, что «состоялось» после 1905 года, не более чем «суррогат» политической жизни (а это кадеты признавать уже не хотели).

Или точнее так: «нормальная» политическая жизнь периода 1905-1913 гг. не смогла «родить» либерально-консервативного консенсуса, т. е. дать русскому обществу того, что естественно рождалось в любом другом.

Не смогла уже не потому, что этому мешало самодержавие, а по причине колоссального политического индифферентизма буквально всех слоев русского общества.

В условиях, когда абсолютное большинство населения исповедует политический конформизм, когда оно совершенно индифферентно к режиму, попытки «устроить» политическую жизнь способны превращаться в политические «игры», попытки же «столкнуть» власть способны неожиданно принести успех.

То, что на Западе нормально, в России вызывало раздражение. То, что в Европе невозможно, у нас оказалось «обречено» на удачу.

Кадеты не успели сообразить, что политически конформная масса русского общества образца 1917 года раздражена была именно европейской нормальностью в деятельности Временного Правительства.

Кадеты не захотели осознать того, что «толпа», долгое время индифферентная по отношению к вопросам «большой» политики, способна в одно мгновение бессознательно изменить своё настроение и обнаружить «кумулятивный эффект» в достижении того, в чём она в этот момент ощущает кажущиеся ей истинными цели.

Им не хотелось верить в вероятность того, что «демократичный по природе» русский народ, за свободу которого кадеты столь много и искренно боролись, окажется способен изменить своей природе и кадетам и поддержит крайнее левое крыло русской революционной интеллигенции.

В этом трагизм кадетов как либеральных мыслителей. Трагизм этот находит своё продолжение **в сфере мировоззрения**. И здесь можно найти ещё один «урок».

Он в том, что в условиях становления целостного и взаимозависимого мира кадеты не смогли отрешиться от принципа «силового «решения» международных вопросов.

Война продолжала казаться им естественным состоянием человечества. Война являлась для них символом патриотического единения. Война мыслилась ими как условие процветания России в будущем.

Эта ошибка стоила кадетам власти. И отсюда «урок» **в области тактики**.

Его можно представить как отсутствие умения своевременно сменить цели, даже если эта смена совер-

шенно противоречит предшествующему опыту и устоявшимся принципам.

Представим себе, что, вместо подготовки героического, но неудачного наступления русской армии летом 1917 года, Временное Правительство заключает сепаратный мир с Германией и затем обращает свою энергию на решение внутренних проблем...

Как бы повернулось «колесо» русской истории?!

Но Временное Правительство цели не сменило. И просчиталось. Возможно, что в другой стране всё бы обошлось.

В России же случился маленький «дворцовый» переворот. Власть, «выпавшую» из рук Временного Правительства, легко «подобрали» большевики.

Почему? Потому, что за время, прошедшее с марта, Временное Правительство не смогло создать таких институтов власти, которые бы надёжно гарантировали избранный политический курс.

Для замышлявшегося объединения «патриотов» и «демократов» не было даже институциональных форм. Способствовал институциональному кризису, лишив себя поддержки тех сил, которые её реально могли оказать, Временное Правительство оказалось без власти. **И это последний «урок».**

Что из исторического опыта следовало бы учесть, имея планы на объединение «демократов» и «патриотов» сегодня?

Очевидно, что объединяющим началом может или должна выступить национальная идея. Проблема в том, какую ей дать интерпретацию.

В чём состоят сегодня «высшие интересы нации»? То есть такие интересы, которые разделяются абсолютным большинством населения.

Вот проблема, обсуждение которой позволит начать

формирование ценностного базиса для образования либерально-консервативного консенсуса в России.

Написано в сентябре-октябре 1992 года, после разговора с Александром Сергеевичем Ципко. Ранее не публиковалось.

ИСТОЧНИКИ.

1. См. Буржуазия и помещики в 1917 году: Частные совещания членов Государственной Думы, М.-Л.: Партиздат, 1932.

2. См. Государственное Совещание 12-15 августа 1917 г. (Стенографический отчёт). М.-Л.; Госиздат. 1930.

Выписки: подражание Гаспарову

«Когда мы изучаем, разбираем, анализируем какую-либо реальность, мы представляем ее такой, какой она является нашей памяти. Любую реальность мы осмысляем только в прошедшем времени. Мы не знаем ее такой, какова она в настоящем времени, в минуту, когда она происходит, когда она *есть*».

Милан Кундера. Мой Яначек. «Иностранная литература», 2009, № 12, стр. 160.

* * *

«Среди всеобщей неразберихи всегда найдется человек, способный обратить в свою пользу чужое неведение. Кто-то обязательно возвысится над остальными и присвоит себе право на обладание истиной. ... Если кому-то удастся заставить поверить остальных в то, что он лучше их *знает* будущее, значит, он способен диктовать свою волю другим».

Хорхе Вольпи. В поисках Клингзора. «Иностранная литература», 2005, № 8, стр. 237.

Выписки: подражание Гаспарову

«...ведь степень вероятности определяется не по универсальной шкале – она зависит от меняющихся обстоятельств».

Павел Хюлле. Касторп. «Иностранная литература», 2005, № 6, стр.48.

* * *

«...да, ничего в том прекрасном городе не боялись больше, чем предвестников перемен, ибо переменам свойственно все хорошее сперва ухудшить, а затем и вовсе обратить в свою противоположность – так полагали во Львове и его окрестностях, во всяком случае, на протяжении последних пятидесяти лет существования Австро-Венгерской монархии...»

Павел Хюлле. «Мерседес-бенц». Из писем Грабалу. «Иностранная литература», 2004, № 1, стр. 123.

* * *

«У каждого своя собственная вера, – проговорила она наконец. – Это насущно необходимо в нашем веке, который агонизирует так жестоко и безобразно. Вам не кажется?.. Все революции уже совершились и провалились. Баррикады опустели, герои, некогда связанные солидарностью, превратились в одиночек, хватающихся за все, что попадет под руку, лишь бы уцелеть. – Светлые глаза так и буравили его. – Вы никогда не чувствовали себя пешкой, забытой на шахматной доске, в каком-нибудь углу? Она слышит за спиной затихающий шум сражения, старается высоко держать голову, а сама задает себе вопрос: остался ли еще король, которому она могла бы продолжать служить?»

Артуро Перес-Реверте. Кожа для барабана, или Севильское причастие. СПб.: Азбука, 2001, стр. 177.

Дина Мануйлова

Толерантность и конфессиональность в секулярном обществе

Одной из очевидных характеристик современности, наряду с глобализацией, компьютеризацией, возникновением универсальной системы массовых коммуникаций, является сформировавшееся секулярное общество. Подобно тому, как не везде присутствуют все технические достижения и удобства ими обусловленные, секулярное общество тоже не повсеместно.

Секулярное общество – производная европейской культуры. Оно возникает и развивается вместе с развитием научного знания и формированием техногенной цивилизации. Правомерно говорить о том, что секулярное общество развилось в лоне европейской христианской цивилизации.

Началом становления секулярного общества стало

Дина Мануйлова (1936-2012) окончила философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова в 1959 г. и, начиная с 1964 г. 48 лет преподавала философию в Пензенском политехническом институте – Пензенском государственном университете.

Автор работ «Социальные функции религии» (1975), «Церковь как социальный институт» (1978), «Церковь и верующий» (1981), которые, судя по интернету, до сих пор хранятся в областных и вузовских библиотеках России.

Статья «Толерантность и конфессиональность в секулярном обществе» – одна из последних работ Дины Мануйловой.

антиклерикальное движение в Западной Европе. Триединый процесс развития буржуазных отношений, возникновения научного знания в его современном смысле и кризис католической церкви и ее установлений, в конечном счете, привели к появлению секулярного общества. Его синонимом можно считать сформированность светской, внеклерикальной культуры.

Формой, в которой происходил процесс движения к светскому обществу, были антиклерикализм, рациональная аргументированная критика догматов и установлений католической церкви с позиций, как полагали критики, раннего, не замутненного наносами христианства. Одним из последствий утверждения секулярного общества в Европе стало то, что конфессиональная идентичность человека несколько уходит в тень, но полностью сохраняет свое значение для верующего.

Все секулярные страны прошли извилистый путь преодоления взаимного конфессионального неприятия, ненависти, вражды. Но в итоге европейская секулярная цивилизация и её отпочкования (обе Америки, Австралия) приняли вполне однозначно общую систему ценностей.

Секулярное общество не равно обществу обезбоженному. Секулярность общества – показатель изменений, которые происходят в соотношении светского и религиозного сознания, показатель некоторой переоценки ценностей с обеих сторон.

Вряд ли можно говорить о сближении конфессий по их догматам. Конфессиональное разномыслие сохраняется, но не провоцирует возникновения социального конфликта. Межконфессиональные столкновения (от публичных диспутов до религиозных войн) завершились с сохранением модифицированной, но устоявшей культурно-национальной идентичности.

Традиционно толерантность определяется как терпимость по отношению к чему-либо или кому-либо. В этом случае терпимость требует от человека и социальных сообществ некоторого преодоления себя, изменения своей психической и интеллектуальной установки.

При некотором стечении обстоятельств, случае или событии, терпимость может превратиться в свою противоположность, в нетерпимость, с возможным непредсказуемым результатом.

Терпимость или нетерпимость – это не только состояние сознания субъекта, но и параметры массового сознания. Терпимость или нетерпимость как состояние массового сознания могут стать в обществе стимулом изменения и элиминации некоторых присущих обществу не положительных социальных феноменов, но может способствовать и их сохранению.

Применительно к межконфессиональным отношениям толерантность предполагает взаимоотношения людей без возникновения фрустрации и конфликта, чреватого социальным взрывом.

Если уместна аналогия, то толерантность в межконфессиональных отношениях может быть сопоставима с пониманием толерантности в фармакологии, где толерантность равнозначна сочетанию лекарственных препаратов в лечении без токсического эффекта при их одновременном присутствии в организме.

Толерантность, как неизбежная компонента европейской секулярной культуры, является следствием преодоления межконфессиональных противостояний, сотрясавших Европу не одно столетие.

Секулярное общество не тождественно христианской цивилизации. В Европе исторически присутствует ислам, это прежде всего ислам в России, в Турции и в

ряде других стран. Европейский ислам ничего не утратил в своих принципах, не изменил традиционным устоям веры.

Европейские мусульмане вполне спокойно и толерантно принимают современную секулярную культуру, не усматривая в ней угрозу своим религиозным принципам и установкам.

Но в начале XXI века в Европе начинается новая волна межконфессиональной напряженности. В явной форме межконфессиональные столкновения происходят на территории Европы, но по сути они глобальны.

Традиционные столкновения между индуистами и мусульманами на границе Индии и Пакистана дополнились противостоянием через океан. Действия фанатичного пастора в США вызывают с некоторым временным интервалом отклик в Афганистане. Протестантский пастор демонстративно сжигает Коран, мусульмане в Афганистане в ответ убивают военных из США и дипломатов ООН.

Межконфессиональные конфликты на территории Европы (во Франции, Германии, Голландии) – это столкновение между коренным традиционным населением и беженцами из Юго-Восточной Азии и Северной Африки. Новые беженцы, появившиеся на территории Западной Европы из-за войн, столкновений, житейской безысходности, принесли с собой свою культуру, образ мыслей и образ жизни. Все они представители ислама, сохранившегося там, откуда они бежали, в его ранне-средневековом варианте.

Последователи ислама, пришедшие в Европу в последние десятилетия, нормально овладели всеми техническими достижениями эпохи глобализации. Хиджаб сочетаем с мобильным телефоном, ноутбуком и всеми информационными технологиями.

Но овладение результатами технических достижений современного общества вряд ли равнозначно вписанности в современную культуру.

«Новое» мусульманское население не успело вписаться, у них не оказалось времени, т. к. скорость современных исторических процессов неизмеримо выше того, что было в прошлом. Колоссальное негативное деформирующее влияние на этот процесс адаптации оказал терроризм.

Терроризм сумел обыграть принципы мусульманского единства, принадлежность всех мусульман к единой умме. Те мусульмане, которые свою принадлежность к умме сделали определяющей социальной меткой, поддались соблазнам и предложениям вербовщиков и оказались в числе террористов. К счастью, их меньшинство.

Но в массовом европейском сознании, и особенно в сознании политической элиты, это не могло не породить некоторой вполне объяснимой тревоги. Это, несомненно, усугубило ситуацию и осложнило установление толерантных отношений, что и проявилось в ряде заявлений политиков разных государств.

Сейчас правомерно говорить не столько (и не только) о межконфессиональной напряженности, сколько о нетолерантном поведении представителей не европейского, средневекового ислама по отношению к секулярной культуре. У выходцев из исламских стран присутствует не принятие христианства, а неприятие именно секулярного образа жизни, типичного для европейской культуры.

Но, во-первых, толерантное отношение предполагает взаимность. Оно не может быть односторонним. Усилия по созданию и обеспечению толерантности должны быть предприняты каждой из сторон.

Во-вторых, конфессиональное неприятие носит явно нерациональный характер, и это создает трудности для общения и диалога.

В-третьих, все попытки разрешить эту ситуацию с применением силы обречены на неудачу, на углубление конфликта и создание нежеланных и опасных последствий.

В-четвертых, нерациональное отношение, в конечном счете, разрешимо только через обращение к собственному разуму, а на это необходимо историческое время. Можно надеяться, что это будет гораздо быстрее, чем в прошлые века. И залогом тому являются новые информационные технологии и сжатое или единое пространство планеты.

Человечество вплотную подошло к необходимости понимания того, что все люди (верующие, неверующие, христиане, мусульмане, буддисты, иудаисты) живут на одной не очень большой планете.

Выписки: подражание Гаспарову

«Наша способность веры дана нам не для того, чтобы делить людей на правоверных и еретиков: она дана нам для того, чтобы мы жили ею».

Уильям Джемс. Зависимость веры от воли и другие опыты популярной философии. С.-Петербург: Издание М. В. Пирожкова, 1904, стр. 63.

* * *

«Голая вера не может держаться сама по себе. Людям нужны символы, в которых они могли бы укрыться, потому что снаружи слишком холодно».

Артурос Перес-Реверте. Кожа для барабана, или Севильское причастие. СПб.: Азбука, 2001, стр. 306.

ДЕТАЛИ

ЦБ

Георг Мясников

«Власть опьяняет людей больше, чем водка»

Фрагменты из дневников второго секретаря Пензенского ОК КПСС в 1962-1986 гг.

Зачем автор писал дневник

19 марта 1972 г.:

«Естественен вопрос: зачем пишу дневник? Ответить однозначно трудно. Да, иногда страх берет, что «уйдешь», а записи останутся. Кому они попадут в руки, как поймут их те, кто станут их обладателями? Тешишь себя мыслью, что едва ли хватит терпения прочитать многое из того серого и скучного, что написано. Дневник – это детали моей жизни, какие-то быстро приходящие в голову мысли, наблюдения. Они нужны мне и только мне. А вдруг доживу до старости, до того пенсионного возраста, когда будет время полистать странички, вспомнить далекое былое. В памяти всего не удержишь, а бумага сохранит.

В дневнике много субъективного. Я никогда не хотел писать то, что очень правильно, но не отвечает моим

Публикуется по книге: Г. В. Мясников. «Страницы дневника». М., 2008 г. Книга подготовлена к печати сыном автора М. Г. Мясниковым и краеведом М. С. Полубояровым.

Фрагменты даны в формате тематических выписок.

Развернутая биография Георга Васильевича Мясникова (1926-1996) дана в Википедии.

Для понимания особенностей авторского подхода к описываемому в дневниках периоду уместно отметить, что Г. В. Мяс-

понятиям, убеждениям. Мало радостных, восторженных записей. И это не потому, что мало радости. Просто таков склад мысли (не характера, по характеру я оптимист). Хорошее, оно остается, а вот мысли, если их не поймаешь, быстро улетают. Отсюда это критический подход ко всем и всему. Часто это несправедливо, но это опять-таки только для себя!» (стр. 124).

Про бесхозяйственность и воровство

19 августа 1967 г.:

«Волосы встают дыбом от этой возмутительной картины антигосударственного отношения к использованию грузового транспорта. Только в нашем чересчур «демократическом» государстве возможна такая бесхозяйственность. Один едет в гости к матери за 100 верст, другой на дачу тащит навоз, третий поехал на охоту и т. п. Страшно! Любой хозяйственник считает грузовую машину своей собственностью и распоряжается ей, как вздумается. Всё списывается на убытки, никто денег не платит, всем наплевать, раз она государственная. Что-то не ладится у нас с этим делом. Нет рычагов, нет строгой государственной дисциплины» (стр. 40).

25 апреля 1968 г.:

«Бюро ОК КПСС. О хищениях и растратах. Если внимательно присмотреться, то проблема очень большая. Воруется много. Официально зарегистрировано, что

ников входил в группу руководителей, имевших корни в окружении А. Н. Шелепина, считавшегося конкурентом Л. И. Брежнева. Став вторым секретарем Пензенского ОК КПСС в 36 лет, Г. В. Мясников проработал на этом посту 24 года.

Принадлежность к группировке Шелепина помешала ему сделать карьеру, достойную масштаба его личности. Но при этом в Пензе он, по его собственным словам, «господствовал почти безраздельно 25 лет» (стр. 649).

в 1967 г. растрчено 790 тыс. рублей, а сколько не зарегистрировано? Учёт охватывает в основном сферы обслуживания, а в сферах производства всё покрывается. Это было и есть – бич. Непонятно, когда все-таки мы воспитаем принцип «общественное – это наше общее». Пока действует: «моё – это моё», а «общественное, если могу урвать, – тоже моё» (стр. 45).

27 апреля 1974 г.:

«По дороге страшная картина: «К-700» «гуляет» по трассе. Кое-как остановили. Тракторист пьяный, света не видит, и неисправное рулевое управление. Убийца! Пытались задержать, убежал. Заехали в милицию, задержали учёчика, поручили найти тракториста. Надо таких наказывать» (стр. 194).

26 августа 1974 г.:

«Заехали в Калдус, потом в Щепотьево. Директор где-то с утра пропал, бригадир пьяный. Машины стоят, шофера пьяные, стоят тракторы. Страшное впечатление. Самому в Щепотьево пришлось велозаводцев разводить по избам. Население не берёт на постой. Неприятный разговор с Гринем. Это хулиганство! В «Возрождении» тоже картина мертвечины, застоя, обмана. Сказал Гриню всё, чего он достоин. Дальше терпеть нельзя, да и не к чему» (стр. 206).

Про чиновников

9 января 1969 г.:

«Поразительная у нас особенность – верхушка крутится, вертится, падает от инфарктов, страдает от всяких выговоров, а средний слой, так сказать, «рядовое чиновничество», томится в безделье.

...Только настоящее богатство нашего государства, созданное трудом и потом рабочего и крестьянина, по-

зволяет довольно безболезненно переносить безделье немалой прослойки чиновников-обывателей. Они вреда обществу не приносят, но они паразиты на теле народа: сосут богатство, ничего не давая обществу. Внешне, когда с ними разговариваешь, вроде много делают, внутренне – пусты. Есть наглые: вроде делают одолжение, что работают и получают зарплату» (стр. 51).

30 мая 1974 г.:

«Много [спорим] о перестройке. Моя мысль: хоть и объявлена, но перестройки управления сельским хозяйством не будет. Чиновники так окопались, так все замели, что нет такой силы, которая была бы способна преодолеть сопротивление чиновника. Сила эта – страшная! Могут быть лишь полумеры, видимость, а коренное [изменение] абсолютно невозможно (стр. 198).

Про стиль работы московских чиновников

21 ноября 1970 г.:

«Впечатления от Москвы: чиновничество пухнет и пухнет, превращается в касту, все больше отрывается от народа. Чем больше чиновников, тем больше путаницы, неразберихи, безответственности. Весь этот мир построен на «самостоятельном вращении». Решить что-либо не только сложно, но почти невозможно. Каждый видит свою задачу в том, чтобы отбиться от решения вопроса. Решают только на самом верху. Остальные используют указания верха и отбиваются от вопросов, поступающих снизу» (стр. 100).

Про стиль работы пензенских чиновников

5 января 1971 г.:

«По дороге голову посещают раздумья: чем своеобразен типичный руководитель – пензяк? Когда даёшь ему поручение, он прежде всего думает, как от него

отбояриться, отказаться, отмотаться. [Тогда] делаешь первый лёгкий нажим. В глазах появляются намёки понимания, начинает думать. Но думает в направлении прямо противоположном тому, в котором идёт нажим. Он ищет и мыслит своеобразно: на кого бы свалить, чтобы самому не делать? [Наконец], терпение кончается, следует резкий окрик. Только после этого глаза принимают вид осмысленный. Он оглядывается вокруг, спасенья нет, и начинает подавать первые признаки того, что будет сам делать. Бодро говорит: «Хорошо, сделаем». Сказать «сделаю» ещё не значит вовсе, что будет сделано» (стр. 101).

Об уровне жизни пензяков

17 апреля 1972 г.:

«...Н. Толковка. Трактор у дома Хохловых. Зашел, ужас, я такого кошмара не встречал. Комната в кирпичном доме около 12 кв. м. В ней пятеро детей (старшему Мишке 10 лет, младшему в люльке 6 мес.), телок, ягненок и под печкой у крольчихи 5 крольчат. В комнате печь, стол, лоханка, три табуретки, две кровати без белья и люлька. Отец – тракторист, член КПСС, согнулся, мать Тося пьет беспробудно. Старший в семье – 10-летний Миша. Младенца успокоил конфеткой, кормит сырым молоком. Мать корову не доит, есть нечего.

...Разговор с Тосей. ... «Чего же рожаешь?» – «Пятерых родила, семь абортот сама себе сделала. Мишка только на два пальца наливает! Удавлюсь». ... «Чем кормишь?» – «Навожу «сыто». Что такое? Холодная родниковая вода с разведенным сахарным песком. Хлебуют и плюс хлеб. Три раза в день» (стр. 126).

28 февраля 1973 г.:

«В 9.00 начал прием населения. Вестибюль обкома КПСС забит просителями. Всего принял 42 человека.

Сидел до 2-х часов дня. Впечатление очень противоречивое. Много нужды, тяжелого горя, неудобств. Трудно себе представить, что так плохо живут люди, столько у них неприятностей от неустроенности с жильем, бытом. Жилье – проблема проблем. И чем дальше, тем она встает злее. Люди устают ждать, не могут и не хотят мириться, что одни живут нормально, а другие погибают от сырости, духоты, тесноты. Но есть заявители как результат роста благосостояния. Эти просят продать легковые машины, даже «Жигули» (стр. 156).

21 июня 1973 г.:

«С 17.00 – прием посетителей. ... Главный вопрос – жилье. ...Особенно жалко девчонку, у которой 7 месяцев беременности. Жили на частной квартире, муж ушел в армию, хозяйка попросила с квартиры. Теперь она скитается по знакомым и вокзалам, а через два месяца рожать. Куда потом идти с ребенком? Надо решить. Обещал ей. Хотела оставить букет цветов, пришлось ей вернуть. Неудобно, это уже «взятка». Сама – сирота из с. Кириллово Земетчинского района» (стр. 162).

20 сентября 1974 г.:

«Зашёл в домик в парке. Сложно живёт народ. Он – слесарь «Химмаша», она – уборщица в спорткорпусе. Две девочки. Доход – 200 рублей. У него – одни парадные брюки, у неё – одно платье. Всё уходит на питание. Да и питание – суп из консервированной кильки. Суп в обед и вечером. Нехорошо на сердце» (стр. 210).

24 апреля 1975 г.

«В 9.00 начал приём населения. Тяжёлое и сложное это дело. Люди бьются, они по-своему правы, но как одним караваем накормить досыта всех? Принял 33 человека. Абсолютное большинство – с просьбой о жилье. Живут крайне плохо, но не подошла очередь: как быть?»

Помогать – нарушать установившийся порядок, не помогать – жестоко, душа не соглашается. С приёма вышел, как из молотилки. Болит душа. Много, страшно много откровений, кричащей нужды» (стр. 233).

О борьбе с кавказцами

26 мая 1972 г.:

«Утром собрал заинтересованных в делах овощного рынка. Решили перестать мирно взирать на то, как грабят [кавказцы] народ русский: не стесняясь, нахально, откровенно. Поручил ОБХСС выслать из города немедленно главных воротил-перекупщиков, что касается остальных – ввести ограничение на рыночные цены. Мы обманывали себя, когда думали, что [свободный рынок] дополняет товарную массу. Товара не так много, а озлобление против них, а через них против нас, большое» (стр. 130).

4 июня 1972 г.:

«Меньше «азиатских» товаров, но без них можно жить. Главное, выигрываем политически: прекращаем грабёж и показываем народу, что есть советская власть, есть руководители, которые противостоят грабежу и проявляют заботу о людях. Здесь прямой выигрыш. Правда, как ни парадоксально, выигрыш основан на незаконии. В своё время Совет Министров СССР запретил всякое «регулирование». Этим воспользовались кавказцы и азиаты. Целые нации (грузины, армяне, азербайджанцы) превратились в откровенных оккупантов» (стр. 131).

21 мая 1975 г.:

«Был на крытом рынке. Прижали «восточников» ценой, и они разбежались. Ни их, ни яблок. С Украины торгуют клубникой по 8 руб. кг! Прижимать нельзя. Сбегут и все» (стр. 239).

6 апреля 1979 г.:

«...Русский народ тает, живёт хуже других, его грабят всякого рода армяне, азербайджанцы, осетины в виде диких бригад на стройках, увозящие миллионы рублей его денег. На эти деньги у себя сооружают замки, покупают машины, рожают детей, а Русь пустеет» (стр. 352).

О том, как решать конфликтные ситуации

9 октября 1975 г.:

«Занимался цыганами. Группа цыган «захватила» село Юлово. Директор связался с ними, заключив договор на ремонт борон. Условия заранее толком не обговорили. Они отремонтировали 400 борон и предъявили счёт на 14.000 рублей. Вышло, что ремонт одной бороны стоит 35 руб., а её покупная цена 3 руб. Директор испугался и отказался платить деньги. Они ввели таборы в село (человек 150-200), заняли контору. Ситуация сложная. Будешь действовать решительно – вызовешь противодействие, выльется в антисоветчину, а это хуже, чем просто хулиганство. Послал чекистов, милицию, управление сельского хозяйства. Доложили по телефону, что обстановка сложная, крестьяне боятся мародёрства, село волнуется. Дал команду выплатить деньги и выгнать их до темноты из села» (стр. 245).

Про экономическое положение области

21 февраля 1969 г.

«Народ потащил макароны, крупу. Скоро очередь дойдёт до хлеба. Увеличилось потребление подсолнечного масла. Не отоваривается рыба, плохо с мясом, и нет просветов» (с. 55).

25 марта 1969 г.:

«Рассмотрели положение дел с заготовками мяса, молока и яйца. «Специализация» всё больше даёт себя

знать. Объективно всё лучше: больше кормов, выросло поголовье, особенно «рогатки», а выполнение плана идёт со скрипом. Нет мяса, за яйцами сельские Советы с шапками пошли по крестьянским дворам. Позорная практика, но иного выхода нет. Много уничтожили, а комплексы жрут капиталовложения, не давая отдачи. Развращающе действует «стабильный план». Мы не привыкли и не умеем, да и смысла нет уметь работать при ненапряжённых планах. Всё вместе взятое ту же и ту же натягивает веревку, которая обязательно лопнет, если не будет урожая и в зиму сложится нередкая для нас бескормица. Народ избалован, привык к довольству и едва ли поймёт «трудности», часть из которых мы сами себе придумали всякими неоправданными, а главное, экономически неподкреплёнными новшествами, вроде стабильных планов, повышенных оплат, и т. п.» (с. 57).

22 июля 1969 г.:

«Всё больше и больше завязывается узлов. Было плохо с мясом, стало плохо с рыбой, теперь назревают обострения по белому хлебу. Не хватает сыра. Узел на узел. И самое странное, никого это серьёзно не беспокоит. Из Москвы идут телеграммы с красной полосой, требующие выполнения плана товарооборота и мобилизации «внутренних ресурсов» (стр. 68).

31 марта 1970 г.:

«Всего затрат дополнительных в 1970 г. 3,5-3,8 млрд. рублей. Что бросается в глаза? Идёт одна и та же деляческая и добряческая линия: опять доплачиваем, повышаем зарплату, увеличиваем пенсии, но... никак не связываем это с производством, заготовками. Думают, что деньги автоматически сделают дело. Ошибка. Нужна организаторская работа, а в основе ее планы, задания. Вероятно, бояться отступить от идеи «стабильного

плана». Выбросим еще денег, а чем их взять? Где товары? Положение белки в колесе. Не можем остановиться» (стр. 86).

11 ноября 1977 г.:

«Что бросается в глаза по области? Безусловно, бурное, потрясающее развитие промышленности, постоянное наращивание жилищного строительства, культурно-бытового и иного строительства. Огромный скачок денежных доходов населения. Что же касается сельского хозяйства, то здесь вся загвоздка. Кричит противоречие: невиданные масштабы вложений, пятикратное увеличение энергетических и электрических мощностей, рост внесения удобрений и... почти никакого отклика, особенно в полеводстве. Обозначился за последние 10 лет явный застой, топтание на месте. Сорим деньгами и техникой. По хлебу временами падаем до довоенного уровня, по овощам (хоть и специализация) не перешагнули 1940 год, стоим по картофелю и свёкле. Мясо, молоко при выполнении твёрдых планов дают мизерные прибавки, не идущие ни в какое сравнение с ростом доходов. Все хозяйства закредитованы настолько, что продай их с потрохами, расплатиться с кредитами не хватит. Ежегодно выплачиваю ссуды на уровне, близком к валовым. Отсюда многие сложности снабжения населения, прежде всего, мясом» (стр. 308).

27 сентября 1979 г.:

«Вопрос о чаадаевских домах. Картина страшная. Лев втянул – первый в России комбинат на шведском оборудовании. Отдали 5 млн. золотом за покупку линии, на производственную часть угрохали 15 млн. руб., а всего 27 млн. Построили, а делать дома не из чего, смолы и утеплителя нет, линия не идет. Требуют за 3 млн. золотом еще линию. Вместо 2000 домов выпус-

тили 120. Место для семьи стоит 50-60 тыс. Ужас! Только у нас возможно такое» (стр. 368-369).

О злоупотреблениях и коррупции

6 апреля 1978 г.:

«В 10.00 – бюро обкома. Страшный и неприятный вопрос о легковых машинах. Незаконно покупают, продают. Идёт чехарда, которую мы сами породили. Исходя из благих пожеланий, разрешили из рыночного фонда продать колхозам и совхозам продать свои «уазы» и «Нивы». Разрешили 100, а они хватили 600! Масса злоупотреблений таких, что руководителей надо сажать в тюрьму» (стр. 320).

20 марта 1984 г.:

«Московские жулики, снабженцы из министерств геологии и мелиорации, за взятки давали нужные колхозам и совхозам технику (сварочные агрегаты, «уазы», машины). Их схватили, но... запугались [и наши]: раз давали взятки, то по закону их надо судить. Как тут быть? Ещё один жулик наш из «Водстроя» – и опять масса взяток во имя дела. Всё прогнило. Коррупция. И не ради собственного обогащения дают взятки те, что в низах, а во имя дела, гребут же – чиновники на больших верхах» (стр. 562).

О стиле руководства

7 октября 1978 г.:

«...Когда освобождаются престижные места, на них подбирают близких и родных, когда же надо делать дело, но это не очень престижно, ищут дураков в Пензе и иных местах» (стр. 332).

7 ноября 1978 г.:

«После демонстрации пьянка в столовой обкома.

Опять «европейский обычай» при накрытии стола: пустая посуда и гвоздика. В тостах всё больше и всё настойчивее [упоминается] имя Льва. Он принимает всё как дань заслуженную, нисколько ни смущаясь подхалимским характером произносимого. Нравится. Чего же мы хотим выше? Власть опьяняет людей больше, чем водка. И это где-то в самой человеческой натуре» (стр. 336).

4 января 1983 г.:

«Думал: можно ли рассчитывать на серьезные перемены в содержании партийной и государственной деятельности? Пытался найти ответ в биографии (Андропова), но...теоретически – техникум водного транспорта, практически – огромная случайность в появлении на этом посту. Давно был Карельский (!) обком, а так – аппарат, КГБ. Нет знания промышленности, сельского хозяйства, вообще экономики. Жизненная база слабая, чисто аппаратная, далекая от живых потребностей. Скорее всего, дело ограничится суровой внешностью, выдержанностью формы и не очень коснется содержания. Революционных сдвигов едва ли можно ждать. Содержание останется в руках у аппарата, а он – консервативен» (стр. 522).

14 ноября 1984 г.:

«Сила» аппарата состоит как раз в том, что он своей серостью выравнивает индивидуальности, делает всех усредненными исполнителями чужой воли. Личности гибнут» (стр. 583).

О родимых пятнах развитого социализма

21 октября 1975 г.:

«Мы купили у США на 5 лет 6 млн. тонн зерна ежегодно, а продаём 10 млн. тонн сырой нефти. Доход их

годовой 1 млрд. долларов! Вот во что обходится благополучие со снабжением. Сделка своеобразная. Для нас – безвыходная, для американцев – выгодная. Вероятно, народу о ней объявим» (с. 246).

14 февраля 1980 г.:

«Заехали на ферму с. Алексеевка совхоза «Кулясовский». Жуткая картина: транспортеры порвались, водопровод не работает, воду таскают ведрами, бабы выгребают навоз лопатами. В углу конюшни на корточках сидит обалдевший мордвин. Глаза открыты, но ничего не воспринимает и не понимает. Бригадир говорит, что в магазин привезли примусную жидкость по 64 коп. за бутылку. Мужики её пьют и обалдевают. Заехали в магазин. Есть эта жидкость, крестьяне её зовут «огонёк». Крепость – 75%, синяя. Кроме жидкости, в магазине водка, чёрствый хлеб да [консервы] «Завтрак туриста». Мыла нет, соли нет, курева нет. Пустые полки. И кто-то придумал назвать это всё «развитым социализмом».

В московских кабинетах, за кирпичной стеной, откуда и сотой доли того, как на самом деле живёт народ, не видно, выдумали это определение. А оно снимает ответственность за элементарные вещи, недопустимые для элементарного социализма. Он чем больше «развивается», тем больше народу икается» (стр. 384).

31 октября 1980 г.:

«Кажется, мы страшно поторопились объявить «развитой социализм». Дело стоит на краю введения карточной системы на многие продукты. А мы от неё отказались в 1974 году, в разруху послевоенную. Теперь загнались «на собственной основе»! Дело не клеится во многих сферах и отраслях. Промышленность снижает темпы прироста валового продукта, сельское хозяйство

ни один показатель не выполняет, на строительство не хватает ни средств, ни материалов. Всё это гонит нас в ловушку: многое стали закупать за рубежом, истощая свои финансовые запасы и попадая в кабалу от тех, кому перекачиваем золото и платим проценты от капитала. Всё больший перечень товаров становится дефицитным (и ширпотреб, и продукты питания). Пожалуй, никогда на моей памяти, исключая годы войны, полки магазинов не были такими пустыми, как теперь. Что-то надо делать, но кто будет делать?» (стр. 453).

20 ноября 1982 г.:

«Рано по свежим следам делать оценку эпохи, которая закончилась со смертью Л. И. Брежнева. Нужны раздумья, обобщения, взгляд вперед. Сейчас для себя просто некоторые обобщения. Эпоха-самотек. Государство, экономика, получив толчок, шли вперед без особых корректировок и революционных поворотов по накатанному пути. Главное, что интересовало автора движения – его самоутверждение, непомерное честолюбие, создание своего культа личности» (стр. 514-515).

21 ноября 1982 г.:

«Самотек привел к падению промышленности, обострил до крайности проблему сырья, энергетики, транспорта, заставил по 30-40 млн. тонн ввозить хлеба из-за рубежа. И просвета нет. Появилась зависимость от международного рынка» (стр. 515)

9 июля 1984 г.:

«Кугушевка. Кладбище на холме и одна ограда. А было волостное село. Грачевки тоже нет. Степь до Иссы! Все [мужики] пьяные, [прозвища]: Валет, Мудак, Голубой, Кошелка. В два дома [заходил]. Жить не умеют. Развитой социализм. Дом [построен государством]

за 45 тыс. руб. Есть отдельная спальня, но нет света – оборваны провода. В Москве придумали, а жизнь не знают совсем» (стр. 573).

14 марта 1986 г.:

«Лёню Брежнева с почестями похоронили, а отголосок идёт, люди страдают от созданного им всеобщего разврата и растащиловки государства» (с. 635).

О культуре личности Брежнева

17 ноября 1974 г.:

«Опять пошло широкое и обязательное цитирование. Ни одна передача телевидения не обходится без нажима на имя [Брежнева]. Все передают по поводу и без чувства меры. Не знаю, сколько пользы принесёт эта назойливость, но трудности она создать может, особенно идеологическим работникам. Попробуй, объясни, зачем и почему надо партии выпячивать одно имя. Опыт учит, а выводов делать не умеем. Значит, есть что-то такое в самом человеческом характере, что без возвеличивания личности обойтись нельзя» (с. 215).

19 июля 1980 г.:

«Открытие XII Олимпийских игр по телевизору. Довольно внушительный и яркий праздник. Такое по силам только нашему государству. Своеобразен открыватель [Брежнев]. Не вызывает добрых чувств. Много внешней напыщенности, доходящей до смешного. Кажется, его распирает от внутреннего представления о своей выдающейся роли и величии. И так хочется этого величия, что становится смешным. Что-то снял регалии, но не стал от этого проще. Постоянно и искусственно носится маска величия и высоты, недоступности. Нет простоты и скромности. Соседи [члены Политбюро] уже побаиваются обращаться [к Брежневу]. Сами

старательно и долго создавали и создают видимость, от которой сами же страдают. Это неизбежный ход событий на всех уровнях» (с. 401).

Философское

9 мая 1972 г.:

«Ни читать, ни писать не хочется. Просто стал больше уставать. Ушли годы, ушли силы. Как мы были неправы, когда, приехав в область (нам было 35-39 лет), начали громить налево и направо тех, кто окружал нас. Им было около 50-ти. Мы никак не могли понять, почему они малоподвижны, не энергичны, со всем соглашались, не выступают зло против недостатков. Мы просто забывали о том, что их опыт приучил к этому, а сил бороться осталось не так много» (стр. 128).

12 января 1973 г.:

«У нас в характере поклонение божеству. Сколько история ни учила, всё равно не можем без богов. И странно, желание быть богом понимают люди и [тем не менее] делают бога. Делают, думая о себе и мало задумываясь, к чему это приведёт. Последствия могут быть разными. Раздел постов не разделяет власти. Постов может быть много, а власть одна. Бывает сложность: один, властвуя, ограничивается указаниями, другой отвечает за их исполнение, не имея власти. Отсюда порой раздвоение, которое предпочтительнее, чем единство власти и ответственности» (с. 153).

29 апреля 1979 г.:

«Кто знает, а может, зерно посеяно тогда, когда шли яростные споры о формулировке параграфа 2-го устава партии, а потом, с приходом партии, дополнено такими внешне безобидными решениями, как разгон Учредительного собрания, отказ от сотрудничества с другими

партиями в составе правительства, введением красного террора и расстрелами на месте без суда и следствия, решении X съезда РКП(б) о единстве партии и запрете какой бы то ни было фракционной борьбы (за фракционную мысль можно выдать любую, не соответствующую взглядам руководящего ядра). Без железной дисциплины невозможно было победить в жесточайшей классовой борьбе, но нужно ли и полезно ли для развития общества превращать её в абсолютизм в любых условиях? Тут есть вопрос и немалый вопрос. Отсутствие критики пагубно сказывается на развитии, снимает внутренние двигатели. Ещё об одной закономерности: чем старше общество, тем старше у него руководитель. Старших будут менять старшие. Без какого-то взрыва невозможен прорыв молодёжи к руководству» (с. 359).

11 октября 1979 г.:

«В государстве всё летит к ё-й матери: перебои с топливом, недостаток энергии, сбой по металлу, развалился транспорт, а мы всё в идеологии вспоминаем, как воевали на Малой земле, как восстанавливали Запорожье, осваивали целину. Кому и на кой х... это нужно? Для дела – пользы никакой, только удовлетворение тщеславия и самолюбования» (стр. 370).

25 октября 1979 г.:

«А не находимся ли мы сейчас у самого зарождения противоречивой ситуации? Судя по всему, верхи уже не могут. Самое страшное, трещит весь хозяйственный механизм. Стоит сомкнуться с нежеланием низов мириться с этим, как появятся острые противоречия. Выхода пока не видно. Кто знает, чем всё это закончится. Низы понимают, но молчат» (стр. 371).

28 февраля 1981 г.:

«У меня постоянное ощущение, что мы стоим на

перепутье, у истоков новых процессов, явлений, событий. Внешнее безразличие не может быть вечным. Оно – признак предстоящих бурь. Утратив энтузиазм, мы рождаем его противоположность, но и её отвергнет новый энтузиазм, но на какой-то иной основе. Чёрточки, знаменовавшие отступление, развились в абсолюты, и в этом диалектическая необходимость его естественного и насильственного отрицания. Развитие пойдёт через этапы: недоумение, критика, отрицание, борьба. В политической области – недоумение, в экономической – уже критика, в литературе и искусстве – нигилизм, мелкое копание в недостатках, отражающее общую неудовлетворённость» (с.475).

21 апреля 1983 г.:

«Ситуация сейчас своеобразная: долго и много шумели о богатстве чемодана и его владельца. Не раскрывая его, объявили о богатом наследстве и преемственности. Открыли и пришли в недоумение: он оказался пустым. Но объявить об этом страшно. Тогда прозвучал призыв нести его бережно, проявлять организованность и дисциплину при движении, но главное – наполнять его действительными ценностями. Какими, как это сделать и где найти эти ценности, вот вопрос, который стоит на очереди. И от того, найдут ли на него ответ правильный, зависит многое. Пока несём, пережив из рук в руки» (стр. 533).

8 ноября 1985 г.:

«Одиночество руководителя при нашей коллективной системе. Всё время на виду, а дома только семья. Никого нельзя подпустить близко, чтобы не дать повода для всякого рода кривотолков. Жуткий вакуум. Психологически выдержать его сложно. Но без выдержки нельзя быть руководителем» (стр. 625).

Личное

6 января 1974 г.:

«Начинаешь анализировать жизнь и становится страшно от мысли, что почти 30 лет прошло под общественным прессом, который всё время давит, не даёт быть самим собой, мешает заниматься тем, чем ты интересуешься. Вечно над тобой общественный «надзор», указания, инструкции, обычаи, нормы. Когда решил, что придётся уйти, то возникло три выбора: уехать в Москву, устроиться чиновником или окунуться в живую практическую жизнь, пойти в совхоз или спрятаться в тиши, вроде архивного управления, заняться пензенским краеведением, порыться в архивах» (с.183).

16 ноября 1982 г.:

«А все-таки я долго живу. Вчера вступил в четвертую эру правления государства. Каждая имеет свои особенности, о которых еще надо подумать и серьезно взвесить. Что касается лично меня, то в сталинскую эру я быстро рос, переходы исчислялись годами; в хрущевскую – начал хорошо путь на партийной работе, завершившейся избранием в 35 лет секретарем обкома КПСС; в брежневскую – выдвижение превратилось в пожизненную ссылку. Это время страшного кадрового застоя, плесневения, если ты не попал в разряд родных или выходцев из Украины, Молдавии или Казахстана. Создана версия «комсомольской оппозиции», под маркой которой распахали целое поколение кадров, прошедших школу комсомола и преданных партии. Четвертая эра – андроповская. Трудно сказать, что она может мне дать вообще: ушли лучшие годы» (стр. 513).

4 ноября 1984 г.:

«Как-то я очень устал в последнее время от бесконечного и суетного общения с людьми. Оно не прино-

сит мне большой радости. Одичалость от усталости» (стр. 582).

Про свой вклад в культуру Пензы

26 августа 1985 г.:

«Реализована одна из целей жизни – служить своему народу, своим землякам, возвеличивание подвига моих предков. Сделать удалось многое. Пенза из захудалого и малоизвестного города стала центром российской культуры, образцом для подражания. И это – главное. Могут сохранить, могут ухудшить небрежением, но основного из того, что сделано, уничтожить невозможно. Останутся музеи, памятники, обелиски» (стр. 618).

13 июня 1986 г.:

«Интересная мысль: многое, что мною сделано в Пензе, внешне кажется результатом творческого поиска, фантазии, увлеченности, а на самом деле – от скуки, желания проявить свои способности в чем-то реальном, конкретном, выделиться из серости окружения. Удача состоит в том, что всё выдуманное и сделанное оказалось неожиданным не только для Пензы, но и для развития советской культуры, для страны» (стр. 644).

Выписки: подражание Гаспарову

«Есть здоровое правило: хочешь многого – довольствуйся малым. Не жди ничего сверх. Это, может быть, все, что тебе отпущено».

Грэм Свифт. Свет дня. «Иностранная литература», 2004, № 8, стр. 41.

Михаил Архангородский

Тщеславие власти победило душевную тягу к науке

«Страницы дневника» Георга Мясникова как предмет психоанализа.

Безусловно, Г. В. Мясникову было присуще чувство историчности своего существования и деятельности, ощущение себя как значимого звена в цепи прежних и будущих поколений семьи, в культурной жизни области и страны.

Это и побуждало вести дневники очень занятого, часто устававшего руководителя на протяжении четверти века. Поэтому он и просил передать дневники на хранение в государственный архив, чтобы они были прочитаны позже, когда улягутся сиюминутные страсти и время все расставит на свои места.

Михаил Архангородский, 59 лет. Заведующий психотерапевтическим отделением Пензенской областной психиатрической больницы им. К. Р. Еврафова.

Автор книг «Человек-растение», «Очерки истории пензенской психиатрической больницы», «Он правды всей душой искал (исторический очерк о К. Р. Еврафове)», «Любовь нечаянно нагрянет (о психологии личности при авторитарных и тоталитарных режимах)». «Надежды маленький оркестрик (интегральная антология человеческого духа)».

Отнесен к лидерам российской психоаналитической традиции за 100 лет ее существования (В. И. Овчаренко, «Российские психоаналитики», Академический проект, М, 2000).

Статья написана специально для «Парка Белинского».

Георг Васильевич создал уникальный документ, свидетельствующий о его эпохе, деятельности, масштабе и свойствах его личности, глубине и самостоятельности мышления. Документ достойный изучения, анализа и глубоких выводов, многие из которых актуальны во все времена нашей истории и современности,

Дневник, как и любой творческий акт, отражает многие личностные особенности и чувства автора. Психологический анализ позволяет сделать ряд выводов, хотя в полной мере изучить по ним масштаб многогранной личности автора вряд ли возможно.

Личность Г. В. Мясникова можно охарактеризовать в значительной мере как личность аутистическую, живущую автономной, закрытой для окружающих духовной жизнью.

Вот как описывает некоторые особенности аутистической личности Э. Кречмер: «Холодный и прямолинейный эгоизм, фарисейское самодовольство и безмерно ранимое чувство собственного достоинства, теоретическое стремление осчастливить человечество в соответствии со схематическими доктринерскими принципами, желание сделать мир лучше, альтруистическое самопожертвование в большом стиле, прежде всего во имя общих обезличенных идеалов».

Существовавший политический режим, которому Мясников служит на высокой должности, вызывает у него глубокое неприятие по многочисленным фактам неустроенности жизни, всевластия чиновников-бюрократов, лживости, неэффективности и лицемерия власти. Неприятие это ни в коей мере нельзя показать, не потеряв должность.

Он временами начинает ненавидеть бессмысленную рутинную неэффективность своей работы, что проецируется раздражением выказываемым многим людям.

Просматриваются ностальгические нотки по сталинскому режиму. «Сталин – великая личность». Желание оправдать сталинские репрессии, т. к. «рабочего люду» мало репрессировали.

Имеется высокая ранимость в отношении своего душевного мира и равнодушие к душевному миру других людей, отстраненность от них, восприятие многих людей как застывших масок: «Сколько портишь людям нервов, крови, порой здоровья, а они зла не помнят, понимают, что все делается не ради прихоти, а ради дела, ради народа» (стр.27).

Как и многим людям, которые сформировались в тоталитарном государстве, Мясникову свойственны садо-мазохистские, по Э. Фромму, черты характера.

С одной стороны, это административное хамство с разгонами, нагоняями в отношении ниже стоящих. И внешне лояльное, терпимое, а иногда и подобоострастное отношение к московским начальникам. Положительные и отрицательные характеристики людей скупы, некоторые просто упоминаются фамилией. Без каких-либо характеристик и впечатлений.

Характеристики изменчивы, в зависимости от настроения автора и сиюсекундного отношения к нему человека или пленума обкома, на котором его избирают.

Политический режим продолжал благополучно существовать, ни мало не трогаясь душевными муками Мясникова, его тяжелым психологическим конфликтом: действовать по убеждениям и рисковать всем, что достигнуто в жизни, или остаться в безопасности, но чувствовать, что трусишь и предаешь самое дорогое.

Такой психологический конфликт разрушителен для психики многих людей. Иные спивались, деградировали или самоуничтожались психологически или физически.

Но Мясников, с его честолюбием, широтой душевно-интеллектуальной жизни, креативностью, бессознательно находит выход в культурно-исторических занятиях и пишет дневник. Таить и постоянно чувствовать в себе «сверх-Я» с его критикой общества, в котором он вынужден жить, крайне болезненно.

В целом это возможно, только если тебе доступны и другие, альтернативные образы сверх-Я. В истории и культуре находит он успокоение, радость, отдохновение. Его «расколотое Я» воссоединяется на время до счастливой целостности, когда он погружается в исторические и культурные пласты. Так он восстанавливал и самоуважение, и целостность личности, обретал смысл и цель своей жизни.

Это были чуть не единственные психологические подпорки, которые способны были поддерживать его, давая силу жить в мире, постоянно угрожающем морально-психологическим уничтожением.

Как это ни парадоксально, но и верная, по внешнему рисунку деятельности служба критикуемому внутренне режиму также помогала восстанавливать внутреннюю целостность душевной жизни, не чувствовать себя чужаком.

Как писал Бруно Беттельгейм: «На более глубоком, или высоком, уровне тоталитаризм притягателен тем, что восстанавливает внутреннюю целостность человека, подвергающуюся опасности, когда он вынужден поступать вопреки собственным чувствам». («О психологической привлекательности тоталитаризма». (Американский журнал экономики и социологии, 1952, интернет-публикация на русском языке <http://www.twirpx.com/file/223587/>)

Не присоединяясь к современной ему коммунистической партии по внутренним убеждениям и не разде-

ляя до конца ее ценности (особенно периода хрущевской оттепели, брежневского застоя), Мясников видел в режиме некие светлые стороны, хоть и сохранял критическое отношение ко многим аспектам системы, но при этом даже помыслить не мог, что она неверна в целом.

Глубокое, как на подводной лодке, заdraивание отсеков душевной жизни все же не спасало Георга Васильевича от психологической деформации мышления, которую нес режим своим подданным.

Убежденность, что он, как партийный деятель, служит людям, спасала от чувства вины, не переносимого для такой сильной личности, давала ощущение безопасности.

Мясников живет в постоянном страхе совершить ошибку, раскрыть свои подлинные чувства, поставив на карту карьеру, жизнь, свою, а то и своей семьи. Поэтому ему приходится быть еще и безукоризненным актером.

Душевная борьба, а также то, что к власти в Пензе и стране приходят люди куда более поверхностные, чем он, конформисты, не способные к системному анализу проблем, решительным, выверенным действиям, с годами приводит Мясникова к апатии, нежеланию ходить на работу. Он все более погружается в научно-историческую работу, прикладную культурно-историческую деятельность, часто сожалея, что не стал историком.

Архетипические основы личности Мясникова просматриваются в воспоминаниях об отце, построившем церковь в родном селе, самом детском воспоминании о церкви («Громадой на фоне садов возвышается церковь, темное, но родное прошлое. Здесь преклоняли колени и находили себе хлеб мои прадеды, прабабка и бабка,

здесь в купели приобщился к христианству и я. Сколько ног истоптало ее ступени, а она гордо стоит, задумчиво храня память о прошлом, и робко, тоскливо глядит в беспросветное будущее») как символе прежней, отмененной революцией русской народной культуры и духа.

Последняя есть имманентный вектор его деятельности по сохранению русского исторического наследия и русской нации. Ностальгия по образам ушедшего прошлого сублимируется в активном интересе к истории. Одновременно присутствует убежденность, что религия – это прошлое. Сегодня она подменяется развитием культуры. И он гордится, что строит клубы.

В этом проявляются элементы Эдипова комплекса с бессознательной конкуренцией с отцом и отвержением его ценностей. Бессознательная агрессия к отцу служит отождествлению с ним, и Супер-Эго развивается из агрессивности по отношению к отцу.

В этом необъяснимое для самого Мясникова влечение к истории, ценность которой отвергают его идеологические наставники. Либи́до сконцентрировано на образе матери, которая идентифицируется у атеиста Мясникова с иконным образом Богоматери как символа утешения, защиты, всепрощения.

Портрет матери берет он с собой в больницу в связи с предстоящей операцией по поводу аппендицита. Женские образы в дневнике, включая жену, представлены так же скупо, как и мужские, без всякого эротического налета.

Описанные Зигмундом Фрейдом два основных человеческих инстинкта: Эрос, то есть любовь в самом широком смысле этого слова, чью энергию он назвал либи́до, и второй инстинкт, который он назвал, в соответствии с его конечной целью, инстинктом смерти.

Инстинкт смерти представляется нам как импульс к разрушению. Он является противником Эроса, который всегда пытается создавать все большие и большие объединения, совместно связанные либидо. Оба инстинкта с самого начала одновременно наличествуют в психической жизни и редко когда-либо проявляются в чистом виде, а являются, как правило, перемешанными в различных пропорциях.

Либидо Мясникова сублимировалось в культурно-исторической деятельности, написании дневника, где единственно он и выражал свою могучую природную энергию.

Танатос, или разрушительный инстинкт, реализовывался в его механической, авторитарной партийной деятельности, которая с годами, в силу осознания своей бессмысленности, ему просто надоела.

Сложно перемешанные, эти выражения базовых инстинктов и составляют сложность и противоречивость личности Мясникова, до конца не понятой многими до сих пор.

Тяготится ощущением, что прожил не свою жизнь. «Нужно было родиться в иную эпоху; эпоху бурных страстей, митингов, решительных действий. Я же вышел в путь тогда, когда на смену всему этому пришли кабинетные страсти, митинги сменились бесконечными совещаниями и заседаниями, а главной фигурой стал не борец, а чиновник, бюрократ, умеющий вовремя вставить угодливое словцо, скромно опустить взгляд перед начальством и рычать на подчиненных, «аки лев». Мне не везет, потому, что никак не могу и не хочу быть таким чиновником» (стр. 16).

Часто употребляет слова «кошмар», «ужас», «волосы встают дыбом», «страшно», «жуткий». Это свидетельствует о многолетнем состоянии хронического эмо-

ционального стресса. С годами появляется и клинический симптомы невротизации – длительные периоды стойкой бессонницы, апатического настроения, когда не хочется идти на работу. Снижается интерес к жизни. Присутствует страх смерти. Почти каждый свой день рождения он думает о бренности человеческого существования, смерти.

Во многих чувствах и мыслях присутствует когнитивный диссонанс. Например, всей душой стремился к культуре, много сделал для культурной жизни города и одновременно: «Нищета и бесправие, кровь и муки – вот путь русского мужика, тащившего на своей шее Арсеньевых, Белинских, Тургеневых, Толстых... Лермонтовы, Белинские, Тургеневы, Толстые остались в истории на века. Но как бы они одни творили, не будь этого лапотного, задыхающегося в трудах русского мужика...» (стр.13).

Во многих местах текста его дневника критика истории партии большевиков, стиля и методов ее работы, «развитого социализма» и одновременно убежденное следование в своей деятельности этому же стилю и методам.

Амбивалентность мнений: на одних страницах – какой замечательный у нас народ, на других: «...умеют работать, но только тогда, когда дело доходит до скандала. Это – национальная особенность».

На одних страницах – любовь к культуре, на других: «Мейерхольд – не великий человек... стал «героем», как жертва культа... его режиссерство сомнительно...решил отклонить попытку» (открыть дом-музей Мейерхольда по ходатайству Эренбурга, Ильинского, Сиимонова).

Остро переживает свое душевное одиночество. 8 ноября 1985 г. Г. В. Мясников пишет: «..Одиночество

руководителя при нашей коллективной системе. Всё время на виду, а дома только семья. Никого нельзя подпустить близко, чтобы не дать повода для всякого рода кривотолков. Жуткий вакуум. Психологически выдержать его сложно. Но без выдержки нельзя быть руководителем» (с. 625).

Идентифицирует себя с Дон-Кихотом: «Выдумываем себе мельницы и начинаем с ними бороться» (стр. 4)

Здоровый национальный патриотизм чередуется с элементами ксенофобии: «Целые нации (грузины, армяне, азербайджанцы) превратились в откровенных оккупантов» (с. 131). Или вот запись от 6 апреля 1979 г.: «...Русский народ тает, живёт хуже других, его грабят всякого рода армяне, азербайджанцы, осетины в виде диких бригад на стройках, увозящие миллионы рублей его денег. На эти деньги у себя сооружают замки, покупают машины, рожают детей, а Русь пустеет» (стр. 352).

Крайне авторитарен в своих суждениях и действиях. Иногда до абсурда. Учит актеров и режиссеров театра, как ставить пьесу, играть роль.

Проскальзывают в дневнике Мясникова и мессианские нотки. «Реализована одна из целей жизни – служить своему народу, своим землякам, возвеличивание подвига моих предков. Сделать удалось многое. Пенза из захудалого и малоизвестного города стала центром российской культуры, образцом для подражания. И это – главное».

Роли других людей, реализовавших его идеи (свое иметь воспрещалось), не отмечает – это для него вторично.

Ощущение историчности своего существования во времени. Большое чувство внутреннего достоинства, совести, как он ее понимает.

Яркие описания природы, с годами все более частые, длинные, красочные, с образными сравнениями.

Снобизм, идущий от самоуверенности в том, что он крупный специалист во всех областях культуры: «Купил книгу В. Пескова «Шаги по росе». Странно, что таким мелким (хотя и очень интересным!) книгам дают такие крупные (Ленинские) премии» (стр. 8).

Автор не отрицает у себя тщеславия, помешавшего сделать жизненный выбор в сторону любимого дела: «Тщеславие власти победило, к сожалению, душевную тягу к науке, к поискам» (стр. 22).

Выписки: подражание Гаспарову

«Очевидно, сознание некоторой власти над нами доставляло ему величайшее наслаждение».

А. П. Чехов. Пустой случай. Из книги «Сумерки». Очерки и рассказы. М.: Наука, 1986, стр. 21.

* * *

«Знать истину нелегко, но все же легче, нежели высказывать ее, когда она не совпадает с общим мнением».

А. И. Герцен. С того берега. Сочинения в девяти томах. Том 3. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1956, стр. 329.

* * *

Неопределенность того, что таит в себе будущее, отбрасывает тяжелую мрачную тень на все аспекты настоящего».

Джон Дьюи. Реконструкция в философии. М.: Логос, 2001, стр.7.

Антон Инюшев

Как рождалась «Легенда»

За последние 5 лет Пензенская область спокойно, без особого шума обзавелась ежегодным событием международного масштаба. В 2012 г. симпозиум «Осень. Вдохновение. Пенза» проводился на Чистых Прудах уже в пятый раз. И уже несколько лет подряд к фразе «в Пензе практически нет меценатов» люди вынуждены добавлять: «кроме Константина Волкова».

Есть что-то правильное в том, что симпозиум «Осень. Вдохновение. Пенза» начинается именно на закате лета. В эти дни вся природа действует похожим образом. Белки запасают орехи на зиму, человеческие тела запотевают тепло последних летних дней, а скульпторы и художники сохраняют вдохновение в своих работах.

Скульптурный парк «Легенда» на Чистых Прудах с каждым годом все больше наполняется произведениями именитых авторов со всего света. Люди, желающие прикоснуться к искусству, приходят туда, чтобы полюбоваться на статуи и картины.

Но очень часто сами скульпторы и художники, принимающие участие в симпозиуме, оказываются еще интереснее, чем их творения. С некоторыми из них автору «ПБ» удалось пообщаться этой осенью на Чистых Прудах.

Антон Инюшев, 31 год, выпускник Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского (2003 г.). Сотрудник газеты «Улица Московская». Статья написана специально для «ПБ».

* * *

Юрий Ткаченко, скульптор, один из главных организаторов симпозиума. Беседуем с ним в холле гостиницы. За окном – осень, водная гладь и скульптуры.

Во время разговора Ткаченко активно высматривает знакомых, здоровается с ними на разных языках, уточняет рабочие моменты.

«Когда люди приезжают сюда в первый раз, они бывают ошарашены. Они не ожидают увидеть подобного в какой-то Пензе, которую никто не знает, черт знает, где в России, почти в Сибири.

И первые слова, которые они говорят, это «фантастика» и «уникально». И говорят это много раз. И потом, когда заканчивается симпозиум, многие называют его лучшим: по организации, по окружению, по отелю, по атмосфере, по питанию».

* * *

История симпозиума «Осень. Вдохновение. Пенза» началась с телефонного звонка и встречи скульптора Юрия Ткаченко и бизнесмена Константина Волкова. Предприниматель знал, что Ткаченко участвовал во многих скульптурных симпозиумах, и предложил ему сделать нечто подобное на Чистых Прудах.

Финансовую часть организации симпозиума взял на себя Константин Волков. Он же предоставил территорию для будущего действия: гостиничный комплекс «Чистые пруды» располагается в очень живописной местности. За техническую часть отвечал Юрий Ткаченко.

Президентом симпозиума стал Константин Волков. Он же придумал и название «Осень. Вдохновение. Пенза».

Первый симпозиум состоялся в 2008 году и проходил довольно тяжело. Его проводили во второй половине сентября, и погода не благоволила скульпторам.

Юрий Ткаченко вспоминает: «Это была уже настоящая осень. Было холодно так, что у людей просто замерзали руки, и почти каждый день лил дождь, причем с сильнейшим ветром. Те палатки, что мы делали, просто сносило. Каждый день у нас кто-то заболел».

Помимо обычных медикаментов, скульпторы использовали для исцеления от хворей народные средства – принимали русскую водку вместе с русским хлебом и намазанной на него русской же горчицей. И ничего, выздоравливали.

В 2008 году на Чистых Прудах еще не было ангаров. Японец Сатору Такада (своеобразный ветеран – он принимал участие во всех симпозиумах) сваривал свою композицию из металла прямо на территории строящегося второго гостиничного корпуса. А жили гости симпозиума в первом корпусе отеля, каждый день добираясь по грязи до места работы и обратно.

В общем, в первый год все померзли, вымокли, страдались. Но это было и весело.

Организаторы выучили уроки первого симпозиума, и второй проходил уже легче. К тому времени появился второй корпус отеля, хотя его верхние этажи еще не были оборудованы.

Уже со второго симпозиума на мероприятие стали приезжать представители федеральных каналов. Пишут про симпозиум и иллюстрированные журналы из Самары и Саратова, а также из Египта и некоторых стран Европы.

«Мы более известны за пределами России, чем в России», – утверждает Юрий Ткаченко.

Начиная с третьего симпозиума, участие в нем стала принимать небольшая группа живописцев. Это добавило событию цвета. Новшество показалось удачным, и его решили утвердить. С тех пор художники участвовали в каждом симпозиуме.

Четвертый симпозиум принес с собой новые проблемы из-за увеличения числа участников. Новые проблемы – новый опыт.

Пятый симпозиум оказался самым спокойным и организованным, хотя при этом он стал самым крупным по численному составу участников. И, как заслуга первых четырех симпозиумов, пятый проводился уже под эгидой ЮНЕСКО.

Юрий Ткаченко: «Когда мы все это изначально обсудили, была поставлена такая амбициозная задача – сделать по возможности лучший скульптурный парк. Лучший по России мы уже сделали, не зря ЮНЕСКО дало нам свою эгиду».

Эгиду ЮНЕСКО Юрий Ткаченко называет «признаком достижений без поощрений». Вроде бы и денег от нее не прибавилось, но почетно. В Пензенской области эгидой ЮНЕСКО может похвастаться только симпозиум «Осень. Вдохновение. Пенза». Даже знаменитые на всю Россию Тарханы не имеют подобного статуса.

В итоге за 5 прошедших лет симпозиуму удалось накопить большой опыт организации мероприятий международного масштаба.

«Есть проблемные моменты, но мы знаем, как их решать, и знаем, что мы их решим», – говорит Юрий Ткаченко.

* * *

Помимо опыта, со временем росла и известность симпозиума. Сегодня все скульпторы мира, которые участвуют в подобных мероприятиях, знают о Пензе.

Как результат, количество заявок на пятый симпозиум превысило 700. И это только известные, маститые скульпторы. Молодые и неизвестные уже знают, что в Пензе требуется высокий уровень мастерства, и не посылают заявок.

Основными критериями отбора работ на симпозиум Юрий Ткаченко называет имя художника, его заслуги и яркость предложения: «Если посмотреть на основной состав участников, то в основном это люди уже «возрастные». Есть и более молодые, но чтобы попасть в состав участников, им нужно прислать особое предложение. Мы не берем вообще новичков, которые вообще нигде не засветились».

* * *

Сатору Такада, скульптор. Это невысокий степенный японец. Когда ему что-то приходится по нраву, он разражается смехом, глубоким и низким. Так смеются японцы в черно-белых фильмах Куросавы. Разговариваем с ним по-английски, через переводчика.

«В молодости я много читал Толстого и Достоевского, и мне очень нравилось. И теперь, когда я каждый год приезжаю в Россию, я вижу, что глубинная ментальность русских и японцев схожа. Надеюсь посетить Пензу и в следующем году, но это может не получиться – в это время я буду проводить свой симпозиум в Японии.

Я работаю в смешанном стиле. Это не ортодоксальный японский стиль. Я использую западные, европейские стили, но все равно моя работа основывается на японский традиции, традиции дзен. Я смотрю, как моя будущая работа вписывается в окружающую среду, как гармонирует со средой, и в этом проявляется японское отношение к искусству».

* * *

На симпозиуме представлено большинство направлений, кроме специфичных кинетических вещей. Но большая часть скульптур – это «фигуратив». Он более понятен для людей, неискушенных в искусстве.

Парк «Легенда» – публичный, и создан он для лю-

дей всех возрастов и любого уровня образования. А в Пензе вообще мало искусствоведов, хотя на симпозиум и приезжают специалисты из Третьяковки.

Скульпторы работают с серьезными и долговечными материалами – металлом, гранитом, мрамором, бронзой. Участники симпозиума работают очень профессионально: быстро и качественно выполняют огромные объемы работ. Приблизительно за 3 недели скульпторы успевают превратить двухметровые глыбы мрамора в произведения искусства, а художники за это же время пишут по 20 полотен.

Людмила Маневич работала и в скульптуре, и в живописи. Она считает, что написать 20 картин за 3 недели – это каторжный труд, по сравнению с которым создание скульптуры – просто отдых.

* * *

Людмила Маневич, художник и скульптор. Невысокая женщина со светлыми волосами. Она заметно сосредоточена на своей работе, но все-таки уделяет нам несколько минут и отвечает на вопросы.

«Безусловно, здесь работают хорошие мастера. По камню и металлу – вообще супер, по живописи тоже приехало несколько интересных авторов. У каждого свои нюансы.

Мастера приезжают все лучше и лучше, это безусловно. Кроме того, мы встречаемся уже с теми, с кем успели подружиться, насколько это возможно. Мы очень рады видеть друг друга в работах – что же новое может сказать мастер?

С русскоязычными авторами мы общаемся, а с иностранцами это трудно. С ними мы общаемся визуально, обожаем друг друга на расстоянии. А на прощание говорим друг другу приятные вещи, насколько это позволяет знание языка».

* * *

Рабочим языком симпозиума является английский. Однако не все знают его достаточно хорошо. Итальянцы и латиноамериканцы стараются не знать английского языка. Французы тоже знают его не всегда. Немцы – лучше. Русские – как повезет.

На симпозиуме основное общение участников идет на кухне. Там достаточно показать пальцем на желаемое блюдо, и это понимается, тем более что сейчас на каждую еду есть табличка на русском и английском языках.

Обедают все за огромным П-образным столом. Общаются на разные темы: о выставках, совместных работах, технических новостях, ценах на оборудование и т.д.

Кроме англоговорящего персонала гостиницы, на симпозиуме трудятся переводчики. Наибольшее их количество было на первых двух симпозиумах. Тогда по Чистым Прудам курсировали студентки педуниверситета. Качество перевода, увы, страдало: девушки быстро находили какого-нибудь выдающегося скульптора (желательно – помоложе и посимпатичнее) и основное внимание уделяли ему. Это создавало проблему.

Сейчас на симпозиум приглашают более опытных переводчиков. Они работают профессионально и со всеми. На пятом симпозиуме задействовано было 3 переводчика.

Проблемы культурных различий проявлялись не только в языке. Например, буддисты из Индии или Бангладеш говядину не едят. Они могут есть рыбу, могут есть курицу; свинью – тоже не едят.

Свинью не едят мусульмане. Более того, свинина не должна даже лежать рядом с говядиной. Все это узнавалось и утрясалось с течением времени.

Вообще, на симпозиуме для его участников создают весьма благоприятную обстановку. Им обеспечивают все условия для работы, хорошее питание и проживание, устраивают концерты и праздники.

* * *

Виктор Норкин, пензенский художник. Он сидит, положив руки перед собой. Когда слышит вопрос, как будто бы немного удивляется ему. Говорит тихим голосом, часто улыбается.

«На симпозиуме было очень много праздников, и праздники не помешали работе. Я даже съездил на экскурсию по Пензе. Ничего нового я там не узнал, просто я уже со школы не был на подобной экскурсии.

Недавно у меня была презентация. Теперь люди узнали, что я не просто дяденька, который зачем-то тут ходит, но еще и художник. Все ко мне с того дня приходят, поздравляют».

* * *

Презентации, о которых рассказывает Виктор Норкин, происходят каждый день. По вечерам художники представляют свои работы в большом конференц-зале, знакомя других участников со своим творчеством. Взглянуть на подобные презентации в принципе может любой желающий.

Во время симпозиума Чистые пруды посещают пензенцы и гости из других городов. Обычно они приезжают по выходным, но многое здесь зависит и от погоды.

Кроме того, пензенцы уже привыкли подтягиваться ко второй половине симпозиума, когда скульптуры уже более или менее готовы. Тот, кто приезжает один раз, как правило, приезжает еще и еще. Потому что это очень интересно – наблюдать, как рождается произведение искусства.

Кроме того, во время симпозиума проводятся

мастер-классы. Делятся они обычно по 2-3 часа, хотя многие хотели бы продлить это время. Дети общаются с русскоговорящими мастерами, и мастера делятся своими знаниями и умениями. Это производит большое впечатление на детей и надолго остается в их памяти.

Сами мастера на симпозиуме работают почти по-стахановски. Они трудятся от зари до зари, иногда возвращаясь на рабочее место и после ужина. Более того, некоторые просят поставить им освещение, чтобы работать и по ночам, но организаторы на это не идут: скульпторам тоже надо отдыхать.

При этом большинство участников заканчивают работу раньше срока. После этого они либо доводят свою работу до совершенства, либо начинают помогать кому-то еще. Помимо большой работы, многие успевают сделать еще и маленькую в дар для музея.

* * *

Бату Сихарулидзе, скульптор, профессор Бостонского университета. Во время разговора энергично разминает в руке кусок пластичного материала, из которого создаются заготовки для будущих скульптур. Для человека, родившегося в Грузии и уехавшего в Америку 20 лет назад, он очень неплохо говорит по-русски.

«Художники – это такой круг, где все друг друга знают. Мы общаемся, у нас такой параллельный образ жизни. Мы занимаемся скульптурой и подобными вещами, мы этим питаемся. На этом симпозиуме набор людей очень хороший – художники со всего света. Мы каждый вечер с ними общаемся, они представляют свои работы. Это все очень хороший момент – встречать старых друзей и находить новых.

Для нас это счастье. Как для музыкантов участвовать в концерте, как для спортсменов выступать на соревнованиях. Это все вдохновляет».

* * *

Проблему с вдохновением скульпторы решают профессионально – оно приходит к ним во время работы.

«Когда есть драйв и азарт, когда рядом с тобой очень активно работают другие люди, ты либо чувствуешь себя ущербным, либо становишься таким же», – говорит Юрий Ткаченко.

Большинство участников симпозиума отмечает, как с каждым годом растет уровень и качество создаваемых работ. Юрий Ткаченко считает, что примерно половина скульпторов лучшие свои работы создали именно во время симпозиума «Осень. Вдохновение. Пенза».

Каждый скульптор соперничает не только с теми, кто сейчас живет, но и с теми, кто уже ушел. Стремление превзойти не чуждо им, хотя вслух об этом никто и не говорит. На симпозиум собираются люди с большими именами, и чтобы встать в один ряд с ними, нужно делать качественные, классные вещи. И молодые мастера, попадая сюда, стараются изо всех сил.

Все картины и скульптуры после окончания симпозиума остаются на Чистых Прудах. С каждым годом их ценность, материальная и культурная, будет только расти. И все это останется на пензенской земле, об этом надо помнить.

* * *

Сейчас в парке «Легенда» уже оформились 3 самостоятельные части: «Мифы и легенды», «Сновидения» и «Приключения». Еще краше парк станет, когда подрастут деревья. Тогда появится другой масштаб, скульптуры будут восприниматься совсем иначе.

«Осень. Вдохновение. Пенза» – проект долгоиграющий. Места на Чистых Прудах хватит еще на много симпозиумов. Также существуют планы создания на этой базе парка развлечений.

Пока это лишь проекты, которые начнут осуществляться, только когда будет достигнуто согласие всех заинтересованных сторон. Чтобы организовать большой центр для культурного отдыха широких масс населения, планируют создавать фольклорную деревню, аквапарк, экскурсионную автодорогу и пр. Оптимистичные сроки для создания такого парка – 10 лет.

Туристы посещают Чистые Пруды уже сейчас. Ежедневно приходит автобус с экскурсантами из Самары. Для пензенцев отчего-то подобные туры не проводятся.

Если кто-то приехал на Чистые Пруды и увидел там лишь статуи и картины, то он не заметил еще одного важного аспекта. Парк «Легенда» вместе со скульптурным симпозиумом представляют собой по сути действующий механизм создания живого искусства.

Мы имеем уникальную возможность наблюдать процесс рождения произведений искусства, общаться с творцами, узнавать их мысли и чувства во время работы, открывать для себя всю тонкую кухню художников и скульпторов. Мы имеем право сами писать легенды о создании статуй и картин, чтобы через годы экскурсоводам было о чем рассказывать.

Благодаря скульптурному парку и симпозиуму, новые легенды рождаются уже сейчас. Осталось лишь записать их и поведать людям.

Выпуски: подражание Гаспарову

«Речь идет о наследии, принадлежащем всему человечеству. И никто не вправе бросать его на произвол судьбы».

Артуро Перес-Реверте. Кожа для барабана, или Севильское причастие. СПб.: Азбука, 2001, стр. 64.

Выписки: подражание Гаспарову

«...вторая ваша обязанность, развивая и распространяя вкус к чтению, развивать вместе и чувство изящного. Это чувство есть условие человеческого достоинства: только при нем возможен ум, только с ним ученый возвышается до мировых идей, понимает природу и явления в их общности; только с ним гражданин может нести в жертву отечеству и свои личные надежды и свои частные выгоды; только с ним человек может сделать из жизни подвиг и не сгибаться под его тяжестью. Без него, без этого чувства, нет гения, нет таланта, нет ума – остается один пошлый «здравый смысл», необходимый для домашнего обихода жизни, для мелких расчетов эгоизма. Кто откликается на одну плясовую музыку, откликается не сердцем, а ногами, чью грудь не томит, чью душу не волнует музыка; кто видит в картине только галантерейную вещь, годную для украшения комнаты, и дивится в ней одной отделке; кто не полюбил стихов смолоду, кто видит в драме только театральную пьесу, а в романе сказку, годную для занятия от скуки, тот не человек, хотя бы он умел болтать о Россини, о Роберте-дьяволе, о чугунных дорогах и паровых машинах. Эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности.

Виссарион Белинский. «Ничто о ничем, или отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы». Собрание сочинений в трех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1948. Том 1. Статьи и рецензии. 1834-1841. Стр. 220.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ ЦБ

Сергей Долженков, Юрий Фадеев

След на земле

Памяти Владимира Петровича Чижова

Скажи:
Какой ты след оставишь?
След,
Чтобы вытерли паркет
И посмотрели косо вслед,
Или
Незримый прочный след
В чужой душе на много лет?

Леонид Мартынов

Он родился и вырос в селе.

Это и стало определяющим для его вкусов, привычек, пристрастий.

Его родители принадлежали к сельской интеллигенции.

Отсюда трудолюбие, любознательность и стремление все делать на хорошо и отлично.

Он – Владимир Петрович Чижов.

Семья и школа

Отец, Петр Чижов, после ускоренного выпуска артиллерийского училища был отправлен на фронт. Шёл критический для страны 1942 год.

В сорок третьем на Курской дуге он был тяжело ранен, чудом остался жив. Затем на много месяцев были госпитали, госпитали.

В сорок четвёртом его комиссуют по инвалидности. И Петр возвращается на родину в село Литомгино Кучкинского (ныне Мокшанского) района Пензенской об-

ласти. Работает учителем в местной начальной школе.

Да, было такое время, когда в школе в начальных классах преподавали мужчины.

Неизбежная встреча с девушкой Машей, которую знал еще до войны. Мария жила в соседнем селе. Петр и Мария поженились в победном сорок пятом. В 1946 году родилась дочь Татьяна, а в феврале 1950 года – сын Владимир.

Из-за своего ранения отец не мог физически работать. Мать – сельский библиотекарь и завклубом в одном лице постоянно пропадала на работе. Поэтому с малолетства на детях лежат практически все хозяйственные обязанности по дому и подворью.

Утром мать выходила в огород и кидала камешек. Сколько пролетел, столько и надо прополоть.

Это не трудовое воспитание, это не трудовая повинность, это образ жизни. Хочешь хорошо жить – работай. В селе прохладжаться некогда.

Только не надо жалеть бедных детишек: это обычное деревенское детство. Телевизор – редко у кого в доме. О компьютерах, дискотеках, о том, что дети должны отдыхать и развлекаться, и в помине не слышать.

А времени хватало на все – и поработать, и побегать. Чуть просохло – лапта, все лето – футбол, всю зиму – лыжи. Велосипед – кто дальше проедет без рук, с закрытыми глазами, задом наперед.

Было время и почитать: зря, что ли, мать – библиотекарь. Но притом роман-газету выписывали на дом. И каждый номер читали вслух всей семьей.

Надо сказать, что семья Чижовых была у сельчан на особом счету. В их дом все шли за советом. Сельский учитель никому из сельчан не отказывал, помогал правильно написать заявление, помогал советом в житейских передрягах.

Пётр Чижов всегда заступался за людей, когда считал, что с ними обошлись несправедливо. Вот конкретный пример. В селе жила женщина, у которой муж погиб на войне. Она жила на ничтожную пенсию.

Однажды Петр Алексеевич вычитал в газете, что вдовам фронтовиков полагается повышенная пенсия. И помог женщине оформить все бумаги в районном центре. Сама не смогла бы: увидев, сколько всяких справок надо, только махнула рукой.

И первые после надбавки деньги принесла Петру Алексеевичу – отблагодарить. Он отказался принимать, заявив, что это всё принадлежит ей, а чужого ему надо.

В 6 лет отец привел Володю в первый класс. Сестра и брат учились хорошо. Честно говоря, и возможности такой, учиться плохо, у них не было. Дети учителя у одноклассников всегда на виду, им любое лыко в строку. Повлиял и наказ родителей быть примером в учёбе и поведении. Позорить отца дети не имели никакого права.

Старших классов школы в родном селе не было. Татьяна и Владимир продолжали учёбу в школе-интернате в селе Нечаевка. Это в 10 километрах от дома. Жили в интернате рядом со школой. Топили там плохо, за ночь все тепло выдувало, на стенах местами проступала наледь. Школьники постоянно мёрзли. Спали по двое: кровать одна, а одеяла два. Да еще сверху два пальтеца для тепла.

Владимир Муханов, одноклассник Владимира Чижова:

Меня всегда поражало в Чижове, что, несмотря ни на какие бытовые трудности, он всегда был жадным до знаний – много читал и многим интересовался. Готовясь к занятиям в большой общей комнате, где было шумно, где мальчишки буквально ходили на головах,

он мог читать книгу, отключившись от внешнего мира, сосредоточившись на чём-то важном для него самого.

Этапы пути

Старшеклассником Владимир Чижов думает пойти по стопам дяди, военного моряка. Однако тот племянника отговорил.

Чижовы переехали в Загоскино, здесь Владимир окончил среднюю школу и подал документы в Пензенский политехнический институт. Шел 1966 год. Особенный, больше таких не было. В средних школах сразу два выпускных класса – 10-й и 11-й.

В институтах небывалый наплыв абитуриентов. На вступительных экзаменах резали даже серебряных медалистов. Не удивительно, что сельский паренек пролетел с поступлением.

Владимир Чижов идет работать на пензенский завод ВЭМ. Через год поступает во ВТУЗ: днем – работа, вечером – учеба. Словно мало этой нагрузки, он еще активно, на уровне кандидата в мастера спорта, занимается велосипедным и лыжным спортом. Одна из тренировок чуть не закончилась трагически. Чижова сбивает машина. Велосипед всмятку, но велосипедист счастливо отделался ушибами.

Обзаводится семьей.

Вместе с дипломом молодой инженер получает повестку в армию – служить офицером на два года. Он отбывает в летную часть, где получает взвод связи. Командование части ценит молодого способного лейтенанта, назначает командиром роты и уговаривает остаться в армии.

И быть бы Чижову полковником или генералом, но по семейным обстоятельствам он увольняется из армии.

В 1975 году Владимир Чижов пришел на «Рубин».

Не стремительно, чего нет, того нет, но неуклонно идет вверх по служебной лестнице: старший инженер, ведущий инженер, начальник сектора. Последняя его должность звучит так: заместитель начальника научно-исследовательского отделения разработки подвижных комплексов и систем управления.

Тут надо заметить, что в середине 70-х годов прошлого столетия Пенза вполне могла стать аналогом Силиконовой долины, которая в США. Многие НИИ и предприятия работали над электронно-вычислительными машинами. Первые ЭВМ, как и во всем мире, были ламповыми, занимали много места. Но наши ЭВМ по некоторым параметрам превосходили зарубежные, а теоретическая мысль опережала конкурентов лет на 20.

Но тут кремлевские старцы решили, что в СССР это направление не нужно. Экономика должна быть экономной. Эпоха ЭВМ кончилась, началась эра компьютеров.

«Биокор»

«Рубин» работал в том числе и на космос.

Но тут наступило перестроечное время, финансирование науки неуклонно сокращалось. «Рубину» пришлось осваивать хоздоговорные темы. Им предложили изучить, как различные продукты питания воздействуют на работоспособность космонавтов. В эту работу был включен и отдел Чижова. Опытный инженер-электронщик заинтересовался новой для себя отраслью знаний.

Чижев вообще имел счастливую особенность: чем занимался, тем и увлекался, а чем увлекался, тем и занимался. Пришлось общаться с институтом фармакологии, с биологами. Чижев изучает литературу. Узнает многое о природных веществах, способных благоприятно воздействовать на организм человека. Знако-

мится с апитерапевтом Лудянским, автором монографии о пчелах и удивительных свойствах продуктов их жизнедеятельности. От латинского апис – пчела.

В 1991 году Чижов, не покидая «Рубин», начинает самостоятельное дело, создает «Биокор». Начали тяжело: ни помещения, ни оборудования. В активе только знакомые и одноклассники, такие же бедолаги, оставшиеся без работы – Владимир Муханов, Галина Жлобич, другие.

А в стране безраздельно царствует «Гербалайф» – панацея от всех болезней, в том числе и социальных. У вас нет здоровья? Покупайте «Гербалайф» У вас нет денег? Продавайте «Гербалайф».

На этот монополизированный агрессивным сетевым маркетингом рынок и вступает никому неизвестный «Биокор» со своими пчелопродуктами. Однако начальный капитал и первые оборотные средства у предприятия появляются не от реализации БАДов, а от расфасовки ванильного сахара, выданного сестре Владими-ра Чижова вместо зарплаты.

Чижов арендует помещения и оборудование на «Биосинтезе». Чижов покупает крайне необходимый для производства экструдер в долг, даже кредиты в то время взять негде.

Постепенно у предприятия появляются связи, рынок сбыта, устойчивая репутация. В 1995 году, проработав в «Рубине» 20 лет, Чижов официально покидает его.

Научно-исследовательская работа

Невысокий, плотный, подвижный, словно мяч, накаченный энергией Чижов относил себя к разряду людей, которые работают только по задачам с экстремумом, то есть когда ставятся жёсткие сроки, в которые

нужно получить новый продукт или придумать то, чего раньше не было. Такая работа была ему интересна.

Андрей Васильев, заведующий лабораторией НИИ питания Российской академии медицинских наук: «Лет 16-17 назад Чижов приехал ко мне, как к одному из главных экспертов НИИ питания РАМН, для согласования технических условий на продукцию предприятия.

Вопросов по доработке практически не было, какие-то мелочи. Помню, я несколько удивился: не царское дело генеральному директору заниматься мелочами. Но все прояснилось после первых пяти минут.

Владимир Петрович рассказал мне, как судьба привела его из совершенно другой области науки к разработке и производству пищевой продукции оздоровительного питания. Он прекрасно владел проблемами экологии сырьевой базы, оценкой качества и безопасности производимой продукции.

В ту пору государственные надзорные органы весьма мягко относились к рекламе биологически активных добавок к пище: пиши, что хочешь на этикетке и в инструкции, увеличивай объём продаж. Создавались благоприятные условия для мошенничества в этой сфере.

Но Чижов хотел иметь внутреннюю убеждённость в эффективности своей продукции, основанную на клинических исследованиях. И он приехал к нам посоветоваться, как организовать эту работу. В результате она началась и в Пензе, и в клинике нашего института.

Но и это не до конца устраивало Владимира Петровича. Он хотел организовать совместно с нашим институтом плановую научную работу по изучению биологических свойств соединений селена. С этой целью он направил в аспирантуру НИИ питания РАМН по специальности «Биохимия» своего сотрудника – Юлию Кравченко.

В результате Юлия получила очень интересные научные данные и прекрасно защитила кандидатскую диссертацию. С этими результатами Владимир Петрович направил её в Мюнхен на международный конгресс по биологическим свойствам микроэлементов, где она сделала доклад о научных разработках компании «Биокор».

Владимир Петрович был неукротим в движении мыслей, генерации идей и их реального воплощения».

В 2001 году в «Биокоре» появилась собственная лаборатория с виварием. На крысах протестировали продукцию. Посмотрев результаты, Чижов сказал:

«Лучше мы не будем выпускать что-то, даже пользуясь спросом, если не убеждены в положительном эффекте».

И некоторые добавки были сняты с производства, хотя уже потратили деньги на рекламу и заключили договоры.

Кадры решают всё

Новые сотрудники приходили в «Биокор» в основном по рекомендации. То есть изначально отбор был жесткий. И все равно оставались только те, кто мог работать ответственно. Система контроля качества не предусматривает каких-либо карательных мер.

Да и сам генеральный директор не был жестким диктатором. Однако его претензии к качеству продукции сотрудники воспринимали как личную драму. А драм, тем более по собственной халатности, лучше не допускать.

На предприятии много рабочих династий. Все они дорожат своей честью, репутацией. Позор одного ложится пятном на всю фамилию. Поэтому каждый старается работать без «косяков».

У Чижова была удивительная способность выстраивать личные отношения с каждым работником. Его считали другом, соратником и учителем. И радостью в первую очередь старались поделиться с ним.

Он знал всё о каждом работнике вплоть до членов семей. Всегда находил время расспросить человека, интересовался бытовыми условиями и зачастую помогал решить жилищные вопросы.

Юлия Кравченко, заместитель генерального директора ООО Фирма «Биокор»: «Он растил нас как заботливый садовник, учитывал особенности характера каждого человека, вникал во всё и всё время вёл нас, повышая наш уровень и планку задач. И мы росли».

Даже в кризисном 2009 году объёмы продаж «Биокора» выросли на 11%.

Сам Владимир Чижев считал, что нет никакого кризиса, просто отечественная экономика возвратилась к своему нормальному состоянию, которое соответствует истинному положению дел. Он говорил:

– С рынка исчезли «надутые» предприятия, которые работали в пору сверхдоходов, получаемых от реализации нефти и газа. Проще говоря, исчезла мишура, на первый план вышли те, кто действительно работает и что-то производит.

Экономика должна опираться на истинный валовой национальный продукт, а не на стоимость нефти и газа. Это приводит к тому, что с падением их стоимости приходится сворачивать национальные проекты. Именно это сейчас и происходит. Естественное состояние глупо называть кризисом.

Царевщино

Привычки детства из души не вытравишь. С годами потянуло Чижова к земле. Были, конечно, и объек-

тивные причины. «Биокор» столкнулся с тем, что в России найти ответственного сельхозпроизводителя крайне трудно. Даже отруби, но качественные, не всегда можно купить. А китайское сырье вообще не отвечает требованиям.

В 2004 году в «Биокоре» появилось новое подразделение – ООО Агрофирма Биокор-С. В 70 км от Пензы, в родном для Чижова Мокшанском районе, арендовали земли. В селе Царевщино на тот момент проживало 506 жителей. Заброшенное, порушенное село. Кто не уехал, потихоньку спивались и вымирали.

Когда прибыли первые тракторы, жители вышли встречать. Наверное, в пору коллективизации так встречали в селе колесные «фордзоны». Чижов обошёл всех, поздоровался с каждым – от мала до велика. Через некоторое время он и в Царевщино всех знал по имени, знал их проблемы и заботы.

Теперь на промплощадке в Царевщино – часть переработки, комбайны с навигаторами, сеялки, веялки. В сезон работает до 30 местных жителей. Многие бросили пить – появилась перспектива, село возрождается.

На полях выращивают масличные культуры – лен и рапсовую. Рапсовая – удивительное растение, похожее на чертополох. Если размять семечко, очень много масла, по своим свойствам превосходящего облепиховое. А жмых после отжима тоже весьма полезен.

Выращивают рожь, пшеницу, специальные сорта овса и ячменя.

Кстати, доказано, что овсяные отруби снижают содержание холестерина. А вот аналогичное действие других продуктов пока подтверждения не нашло.

Павел Аленин, исполнительный директор ООО Агрофирма Биокор-С: «У Владимира Петровича была мечта – перевести всё производство из Пензы в село, при-

влекь сюда как можно больше молодежи. Им была разработана программа, чтобы и достойная зарплата, и отдельный дом, и автомобиль для молодой семьи. Несколько молодых семей уже воспользовались этой программой, живут и работают здесь.

Им было сделано много, но это только малая часть того, что он планировал сделать».

В Царевцино Чижов влюбился. Мог сесть за руль и за день раза три смотаться туда. Обиходил окрестные родники. Любил косить траву.

Он считал, что в наше время бизнесмен в России – это прежде всего патриот:

– Я для себя так решил. Поэтому занимаюсь и сельским хозяйством, и инновационным бизнесом... Если мы сейчас начали говорить о необходимости развития сельского хозяйства и об уходе от продовольственной зависимости России, то нужно прежде всего развивать сельские поселения, строить там жильё и создавать городские условия жизни. Нужно превращать их в малые города. Только тогда молодёжь потянется в село.

Немного мистики

В то засушливое лето в соседнем хозяйстве случился пожар. Когда огонь пошёл к полям «Биокора», Владимир Петрович, мобилизовав всех, кто был под рукой, первым ринулся тушить пламя. Но огонь наступал, и дело казалось уже безнадёжным. И вдруг в считанные минуты на чистом небе появилась тучка, накрыла поле и пролилась спасительным дождём.

Мистика.

Владимир Петрович Чижов умер скоропостижно и неожиданно для всех в марте 2012 года. Ему было всего 62. Для мужчины это не возраст, это расцвет, это синтез знаний и опыта.

Но так бывает у здоровых мужчин, которые не любят и не умеют болеть.

У многих сотрудников «Биокора» до сих пор сохраняется ощущение, что Владимир Петрович даже после смерти каким-то образом остаётся с ними и помогает им «оттуда». Некоторые даже утверждают, что при упоминании Чижова небольшие предметы начинают самопроизвольно двигаться.

Возможно, это уже перебор людей, насмотревшихся мистических передач по TV. Но то, что никогда еще не было такого успешного сезона, не вызывает сомнения. Обычно летом наблюдается спад продаж, а в этом году наоборот.

А в Царевщино в один голос говорят:

– Владимир Петрович нас всех вытащил из болота. Благодаря ему село не погибло. Дороги отремонтировал. Родники обустроил. И храм построил, и школу помогал. Светлый был человек. Он делал всё для людей, и люди стали иначе жить и душой стали чище. Без него наше село осиротело.

Выписки: подражание Гаспарову

«...вера – это готовность действовать ради цели, удачное достижение которой не гарантировано нам вперед. И действительно, это в сущности то же моральное качество, которое в практических делах мы называем мужеством».

Уильям Джемс. Зависимость веры от воли и другие опыты популярной философии. С.-Петербург: Издание М. В. Пирожкова, 1904, стр. 103.

ТЕКСТ

ЦБ

Юрий Фадеев

Боже, царя храни

Роман Юрия Фадеева «Боже, царя храни», фрагменты из которого можно прочесть в «Парке Белинского», написан в жанре альтернативной истории.

Сюжет прост: после смерти премьера Петра Столыпина, император Николай II очнулся и переменялся: отправил в ссылку в Ливадию свою жену, императрицу, с неизлечимо больным сыном Алексеем – наследником престола, с Распутиным и с фрейлиной Вырубовой.

А сам вернулся в Санкт-Петербург, приблизил к себе полковника Николаева, и вдвоем они замыслили и начали реализовывать план реформ, т. е. переустройства России. Начали с промышленности и образования.

Царь пытался взять себе в союзники членов императорской семьи, но они отказались и составили против него заговор. Он сослал их на Соловки.

Партнерами Николая II по преобразованию России стали его дядя великий князь Александр Михайлович, его двоюродный брат великий князь Дмитрий Павлович и его дочери Татьяна и Ольга.

Царь женился на любимой женщине – фрейлине Арсентьевой, а наследницей престола назначил дочь Татьяну. Кроме того, в интересах России Николай II встречался со

Юрий Фадеев, 63 года, прозаик, поэт, литературный критик, журналист, автор цикла неопубликованных романов о начале христианства и книги стихов «Беседы с ветром». Зарабатывает на жизнь статьями в газете «Улица Московская» и книгами по корпоративной истории.

своими идейными противниками – революционерами Плехановым и Ульяновым.

Короче, роман в четырех частях затягивает: начинаешь читать и не замечаешь, что уже светает.

«Парк Белинского» знакомит читателей с теми главами первой части, где Николай II приступает к реформам.

«ГБ» известно, что роман был задуман еще в начале 90-х годов, порядка 10 лет автор изучал историческую и прочую литературу, собирал материалы. И еще порядка 10 лет писал текст романа.

И за то, что дописал его до конца, он благодарит свою дочь Татьяну, которая своими вопросами и ценными советами помогла ему завершить сей труд.

Глава 11

ДЕЛА ГРАЖДАНСКИЕ

1

Царь отодвинул папку с докладом Николаева и погрузился в раздумья.

Он видел бесконечные ряды цифр. Как ни странно, за этими цифрами стояла реальная страна с её проблемами. И царь пока не мог ухватить главного: как маршировали эти цифры и что надо делать, чтобы они начали маршировать в строго предписанном порядке. Какую команду надо отдать? И главное – кому?

А статистика неумолимо показывала неуклонное разорение деревни. На самом деле это означало, что в деревне миллионы крестьян недовольны своей жизнью. Они бунтуют, пока ещё с кольями, вилами и прочим нехитрым крестьянским инвентарём. А если у них появится оружие?

Страшно представить.

Значит, нужно сделать так, чтобы разорение деревни сначала хотя бы остановилось. А затем жизнь нача-

ла улучшаться. Если этого в ближайшие год-два не произойдёт, страну захлестнёт крестьянский бунт.

От всех этих забот начинала болеть голова.

Хотелось поехать в офицерское собрание и выпить до чертиков. До того состояния, как в молодости, когда голыми выбегали на снег и лакали водку из корыта, как волки.

Но он знал – это самоубийство. Лучше сразу пустить пулю в лоб.

Между прочим, когда Николай чего-то очень сильно хотел, он мог этого добиться. По крайней мере, такое произошло однажды. Все были против его брака с Аликс: мать, отец, все великие князья, даже королева Виктория. Но Николай хотел жениться на Аликс – и он женился.

Теперь он так же страстно хотел, чтобы Россия стала процветающим государством.

Он понимал, что все будет против этого. Во-первых, против будут союзники по Антанте – Франция и Англия. Против будут Германия и САСШ, Япония и Турция. Все!

Но он добьется своего.

Придется резать по живому. Терапией, то есть медленными реформами, тут не обойдёшься – слишком мало времени оставалось.

Понимал он и другое: развернуть огромную страну на новый курс сразу не удастся. Нужно учитывать силу инерции. Тем более что сначала надо хотя бы затормозить падение в пропасть, неуклонное скатывание к революции. А страна стоит на пороге гражданской войны. В 1905 её удалось предотвратить. Но если будет война с Германией, а война будет обязательно, она с роковой неизбежностью перерастёт в гражданскую.

И кто останется цел – неизвестно.

Но ведь можно что-то делать уже сегодня, не дожидаясь, пока произойдёт непоправимое. И по видимости не нарушая сложившийся порядок. Чтобы противники преобразований не смогли ничего понять, а когда поймут – будет поздно.

Поздно для них.

Им придётся или подчиниться новым правилам, или...

Николай хотел обойтись без этого «или».

2

И тут приехал пензенский губернатор.

Анатолий Павлович фон Лилиенфельд-Тоаль, закончив доклад о состоянии дел в губернии и не дожидаясь вопросов царя, осмелился спросить:

– Ваше величество, разрешите построить церкви в губернском городе. На вокзале Сызранско-Вяземской дороги мы хотим построить часовню в память Императора Александра II. И в пригороде, чрезвычайно живописном месте, служащем для отдыха чиновников, в Ахунах, – церковь Серафима Саровского.

– Уважаемый Анатолий Павлович, – мягко начал царь, – сколько у вас церквей уже существует в Пензе?

– Пятьдесят пять, ваше величество.

– А сколько населения в Пензе?

– 80 тысяч жителей.

– Таким образом, если мы вычтем иноверцев, то получается – по церкви на каждую тысячу жителей, включая грудных младенцев и немощных стариков. А теперь скажите, Анатолий Павлович, как церковь помогла во время бунтов 1905 года? Она усмирила паству? Она внушила уважение к престолу?

– Но я тогда ещё не был губернатором, ваше величество.

– Не важно. Вы были вице-губернатором Санкт-Петербурга, а значит, обстановку в целом по стране представляете. Итак, помогла нам в те революционные годы церковь? Или губернаторы больше полагались на казаков?

– На казаков и войска, – вынужден был признаться губернатор под пристальным взглядом царя. В этот момент глаза императора отнюдь не напоминали глаза испуганной лани. Скорее, это был взгляд удава, готового проглотить свою жертву.

– Вам не кажется это странным?

– Я об этом не задумывался, ваше величество.

– Вашей вины тут нет, милый Анатолий Павлович. Мы все над этим не задумывались, воздвигая бесчисленные храмы. А может быть, народу нашему уже недостаточно храмов?

Может быть, ему нужны заводы и фабрики? Жильё? Земля, в конце концов. Скажите, сколько заводов и фабрик в губернии?

Фон Лилиенфельд-Тоаль подобрался, голосом, дрожащим от почтения перед императором и от гордости за общее положение дел в Пензе, о которых он весьма и весьма осведомлён, сказал:

– Я счастлив доложить вашему величеству, что во вверенной мне губернии насчитывается 6746 предприятий.

Цифра вызвала почтение. Но царь уже научился обращаться с цифрами. И потому он спросил:

– Может быть, вы помните и сколько человек работает на этих предприятиях?

– Безусловно, – в голосе губернатора обозначилась даже гордость. – 24806 человек, ваше величество.

– Замечательно.

Царь на листке записал обе цифры, а затем начал

делить. Процедура заняла некоторое время, губернатор почтительно ждал, слегка потея от неизвестности.

– Итого, милый Анатолий Павлович, получается, что в среднем на одном предприятии вашей губернии работает три с половиной человека, – объявил царь, закончив деление. – А поскольку имеются и крупные предприятия...

– А как же, ваше величество, – поспешил губернатор с радостной вестью. – Именно. И очень крупные. На бумажной фабрике трудятся 952 рабочих, на четырёх чугунолитейных – 370, на трёх лесопильных – 118, – губернатор так и сыпал цифрами, радуясь, что вызубрил статистические показатели. – На механическом заводе Кракка – 156, на механическом заводе Воронцова – 102, на спичечной фабрике Файдша – 150. Даже в кондитерском заведении торгового дома Кузьмина и Чикирева работают 60 человек.

– Похвально. Значит, более половины ваших предприятий обслуживает один человек. Не считая, естественно, приказчика.

Лицо губернатора вытянулось.

– Так вот, я не о таких заводах говорю. Я говорю о заводах, где работали бы 500 человек, тысяча. И даже больше. И чтобы их продукцию можно было продавать по всему миру. России срочно нужны крупные заводы по производству часов, оптики, автомобилей, самолетов, консервов. Стыдно, что все это мы вынуждены закупать за границей. И для этого вывозить хлеб, в то время, когда свои крестьяне голодают. Ведь голодают?

– Такой народ, ваше величество, сам не съест, а на базар повезёт. Подлые людишки, ваше величество.

Царь дёрнул щекой.

– Выбирайте, какой завод будете строить: часовой? Оптикой? Консервный? Автомобильный?

– Часовой, ваше величество, у нас имеется рядом – в Саратовской губернии, в городе, извольте видеть, Сердобске.

– И какие часы там делают?

– Ходики! Весьма популярны...

– А я говорю о наручных часах. Для армии, для обывателей. Недорого. И лучше, чем в Швейцарии. Ступайте, милый Анатолий Павлович. Через полгода жду обстоятельного доклада о построенных заводах с приложением образцов продукции.

– А как насчёт церквей, ваше величество? В рассуждении благолепия? – всё-таки осмелился напомнить губернатор.

Так и хотелось крикнуть: запрещаю. И топнуть ногой, а может, и вдарить в ухо дураку. Но ведь не успеет губернатор доехать до своей Пензы, все священнослужители поднимут вой – рушатся устои православия. И пойдут с этими речами в народ. А такое допустить нельзя ни в коем случае. Император помолчал, соображая, как извернуться.

– Я вот что думаю, милый Анатолий Павлович. Дело это очень важное. Согласитесь, что ещё одна или две церкви ничего не решают. Тем более строить вы их будете абы как, лишь бы построить. А что если нам построить новый Иерусалим? В смысле, чтобы от края империи до её края пронизать её единым замыслом? Чтобы из единого центра как лучи или невидимые нити благолепия пронизывали Россию? Вы согласны?

– Г-грандиозно, ваше величество, – губернатор от восторга даже стал заикаться. – Какой размах! Истинно – государственный подход.

– Вот и хорошо. Вы подготовьте свои соображения по этому поводу. Но пока, прошу вас, никому ни слова. Это будет наш с вами маленький секрет.

Губернатор задохнулся от монаршего доверия, а сам уже прикидывал: сколько можно взять под это дело из казны, да при верном подрядчике... Взглянул на императора и вдруг понял: ни копейки не прилипнет к рукам. А если прилипнет, каторга на Сахалине покажется райским местом. Уж очень нехороший взгляд был у императора.

– Ваше величество, как бог свят, – перекрестился на образа, – вот как бог свят...

– Но о заводах не забываете: через полгода – отчитаетесь. И непременно с приложением образцов.

4

Феликс ещё не бывал в кабинете царя. И хотя головой не вертел, но глазами косил. Правду сказать, кабинет не впечатлял. Вот только большой письменный стол, который явно служил не для украшения, а для работы. Столько бумаг Феликс ещё не видел. И труды венценосной особы представлял по-другому, во всяком случае, без этих монбланов докладных, отчётов и прочего, что стекалось со всей империи в ожидании царской резолюции. Феликс думал, что для этого существуют министерства. Хотя, если честно, у министров на столе чисто.

А ещё Феликс с удивлением заметил «Капитал» немецкого экономиста Карла Маркса. Книга известная, о ней много говорили, вот только читать её невообразимо скучно.

Царь, заметив взгляд Юсупова, усмехнулся в усы:

– Очень познавательная книга. Я узнал очень много нового и интересного. Советую и тебе прочитать.

– Зачем, ваше величество? – дерзко спросил Феликс.

– Об этом я и хочу с тобой поговорить, – улыбнулся царь, с удовольствием разглядывая красивого молодого

го человека. – Садись, – царь показал на стул, сам сел напротив. – Как поживает матушка?

– Спасибо, она здорова.

– Все так же обольстительно красива?

– Да, годы её не берут.

– И все так же миллионы жертвует на благотворительность?

– Да, государь.

– А ты не думаешь, Феликс, что эти деньги уходят в никуда? Нужна не благотворительность, нужно дело, чтобы не возникала нужда в благотворительности.

Феликс не понял: жертвовать деньги на нужды сырых и убогих – это истинно христианское поведение. Царь убеждать не стал, Феликс пока не поймёт то, что и сам царь понял только недавно.

Поторопился, подумал царь, увидев недоумение Феликса. Вернулся к неспешному разговору о семейных делах.

– Что делает отец? Не надумал ехать в Москву?

– Пока нет.

– Жаль. Мне нужен дельный глава города. Передай ему, что я жду его приезда. А ты чем занимаешься? Не надоела праздная жизнь? Не хочешь послужить империи? Ведь у тебя прекрасное образование. Я слышал, ты любишь машины?

– Только ездить, государь.

– Неважно. Любишь кататься, научись и возить.

– Не понял, ваше величество.

– Я хочу, чтобы ты создал автомобильную промышленность в России. Я хочу, чтобы ты стал русским Фордом. Ты ведь хочешь стать русским Фордом?

– Ваше величество, «форд» уже есть, а вот «юсупов» – не очень хорошее название для автомобиля, – пошутил Феликс.

– Назовем автомобиль «Феликсом», – тут же ответил царь.

– Тогда лучше – железным Феликсом.

– Я рад, что ты склонен шутить, а не впадать в панику.

– Но, государь, я имею склонность к литературе, к искусству.

– Чепуха. Скажу тебе по секрету, Феликс, что я тоже больше склонен колоть дрова и охотиться. Даже Александр I не хотел царствовать. Но похоронил величайшую армию мира и дошёл до Парижа. Вот и я, как умею, тащу воз под названием Россия. И я прошу тебя – помощи. Нам нужны автомобили. Нам нужна современная промышленность. Хватит жить только за счет свечных заводиков.

– У нас есть Руссо-Балт.

– Русско-Балтийский вагонный завод, – тут же подхватил царь. – 50 цехов, 553 станка, около четырёх тысяч рабочих. Основная продукция – вагоны. Пригоден к выпуску 300 автомобилей в год. Между тем во Франции в 1904 году – извини, других данных под рукой не оказалось – собрали 17100 автомобилей. Если говорить о Североамериканских Штатах, там фирмы выпускают сотни тысяч автомобилей в год. И получается, что Россия только за этот год ввезла около трёх тысяч автомобилей из-за границы. Это несправедливо. Тебе, Феликс, не обидно за нашу державу?

– Я не знаю, государь, я об этом не думал.

– А ты подумай.

– Хорошо, – кисло пообещал Феликс.

– Обязательно нужно привлечь специалистов. И всё-таки главным в этом деле будешь ты.

– Хорошо, я построю завод. Тысяча автомобилей вас устроит, ваше величество?

– Вполне.
– Вот и хорошо.
– Ты не понял, Феликс. Тысяча – в день.
– Сколько? – растерялся Феликс.
– Ну, хотя бы пятьсот, – повторил царь. – Для начала. Я же сказал: нам нужна промышленность. В том числе и автомобильная. Ты должен переплюнуть Форда. Мы, Феликс, должны заполнить Европу нашими автомобилями. Самыми лучшими и самыми дешевыми. А для этого ты должен выпускать 500 штук в день. А лучше всё-таки тысячу. Без выходных и праздников, как часы, изо дня в день.

– Ваше величество... – Феликс развел руками.
– И учти: из казны ты не получишь ни копейки.
– Ваше величество...

– Понимаю, трудно. А кому легко, Феликс? Посоветуйся с матушкой. Она умная женщина. И скажи ей, чтобы она помогла тебе с деньгами. Сырые и убогие пусть подождут. Создай акционерное общество. Но желательно, без огласки. Пока держи это в секрете. И, наверное, лучше будет строить завод не в окрестностях Москвы или Петербурга. Где-нибудь подальше. И строй проще: стены и крыша. Без колонн и прочих украшений. Строишь не на века. Вскоре придется улучшать, расширять.

– Ваше величество, я в этом ничего не понимаю.

– Я думаю, что в России сейчас никто ничего не понимает, – печально сказал царь. – Но я в тебя верю. И вот что, Феликс. Поговори с полковником... – царь запнулся. Вешать на Николаева ещё и контрразведку будет неразумно. А кто, если не он? – с полковником Николаевым о твоих связях с британской разведкой.

– Ваше величество! – воскликнул ошеломлённый Юсупов.

– Ничего страшного. Твои связи могут принести пользу отечеству. А вот о поездках в Париж и Лондон, боюсь, тебе придётся забыть.

– Почему?

– Некогда будет, милый Феликс. Просто некогда. Ты думаешь, так просто стать русским Фордом? В лучшем случае – две недели в твоём имении в Крыму. Но я в тебя верю, Феликс, – повторил царь с нажимом.

Скорее ошеломленный, чем вдохновлённый, Феликс вышел из кабинета.

Царь слегка усмехнулся. Несмотря на растерянность, в глубине глаз Феликса зажегся огонек азарта.

5

Следующим был великий князь Дмитрий Павлович. Единственный сын великого князя Павла Александровича и его первой супруги греческой принцессы Александры Георгиевны, сейчас ему едва исполнился 21 год.

Получил домашнее образование. Вышел корнетом лейб-гвардии. Красивый статный юноша. Он очень нравился царю. Он даже помышлял выдать за него замуж свою старшую дочь Ольгу.

– Садись, Дмитрий. Разговор предстоит непростой.

– Я слушаю, ваше величество, – с вызовом ответил Дмитрий, присаживаясь к столу, на котором лежали горы бумаг, и с любопытством рассматривая императора. Что-то изменилось в Ники. В нем меньше просматривалась нерешительность, словно он поставил перед собой определенную цель. И шёл к ней, не заботясь о том, как выглядит, поскольку главное теперь – цель.

– Я хочу назначить тебя министром, – сказал император.

– Что? – Дмитрий едва не подпрыгнул на стуле.

– Причем такого министерства пока нет, – продолжал император, делая вид, что не заметил замешательства собеседника. – Но оно должно быть, и я хочу, чтобы ты возглавил его.

– Что за министерство?

– Промышленности.

– Ники, ты забыл: такое министерство есть. Министерство промышленности и торговли.

– Министерство есть. И даже торговля есть. А промышленности нет. Вот ты этим и займешься. У тебя будет автомобилестроение, самолетостроение, тракторостроение. Пока. Возможно, что-то еще. Но все остальное ты определишь сам, что нам требуется. Кстати, портфеля министра у тебя не будет. И соответственно, не будет чиновников, канцелярии.

– Но, Ники! А как же...

– Просто ты найдешь нужных людей, и пусть они строят заводы, привлекают специалистов. А ты будешь направлять их, чтобы не распылялись. Силы надо пробовать смолоду, Дмитрий. Мне тоже было не так много лет, когда я принял империю. И по молодости наделал много глупостей. А тебе глупости я делать не позволю. Обрати внимание на Юсупова и великого князя Александра Михайловича. Великий князь нечист на руку. Тебе придется его очень жестко контролировать. Но он человек умный, любит авиацию. И я хочу, чтобы он этим занялся вплотную. Нам нужна авиация. Самая лучшая в мире. Придется тебе присмотреться к нашим ученым, инженерам. Не обязательно, чтобы они имели громкие родословные. Лучше если у них будут разумные головы.

Император говорил, словно размышлял вслух. И говорил не столько Дмитрию, сколько себе.

– И вот что, Дмитрий, строй заводы здесь, – царь

провёл рукой по карте, отсекая самые западные части империи вместе с Польшей и Украиной. – И здесь, – растопыренная ладонь легла на Сибирь.

– Почему? – спросил Дмитрий, чтобы обозначить, что он следил за размышлениями императора.

– Потом поймёшь, – усмехнулся царь.

Дмитрий Павлович вышел, едва ли не придерживаясь рукой за стенку. От ноши, которую неожиданно взвалил император на его плечи, слегка шатало. Но если бы он представлял, что нужно делать и в какие сроки, шатало бы сильнее.

Глава 12

ДЕЛА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ

1

На всё требовались деньги. Ладно, автомобили он целиком спихнул на Феликса. Выдержит, состояние Юсуповых громадное. А тракторы? А пока неведомая машина для защиты солдат от пулемётов?

Это всё заводы, заводы и снова заводы. А значит, деньги.

Явился на доклад премьер-министр Коковцов.

Царь выслушал Владимира Николаевича с большим вниманием, не перебивая. Но в уме всё время держал доклад, подготовленный полковником Николаевым. И счёл разговор с премьер-министром удобным моментом, чтобы проверить выводы, содержащиеся в документе.

– Давайте поговорим, Владимир Николаевич.

– Я слушаю, ваше величество.

– Присаживайтесь. Не скрою, что мне этот разговор крайне неприятен, однако я вынужден к нему приступить.

Царь закурил, встревоженный Коковцов сел в предложенное кресло.

– Сколько у нас монополий?

На высокий лоб премьер-министра набежала туча.

Законодательство против монополизации существовало, но его легко обходили: для управления предприятиями, входившими в монополии, использовались акционерные общества, различные управления и советы. И хотя все об этом знали, но за руку не ловили, ибо кто же будет ловить, если рука регулярно расточала весомые дары.

– В сорока пяти отраслях промышленности насчитывается около 140 монополистических объединений, – сказал премьер-министр.

– И они устанавливают цену?

– Для того и существуют монополии, ваше величество.

– Мы их можем каким-то образом прижать?

– Трудно. Они тут же прекратят работать. Возникнет нехватка товаров.

– Откровенно. А банки в свою очередь добавят хаоса?

– Непременно. Финансовые магнаты, к коим относятся Нобель, Кнон, Бобринский, Вышеградский, Манташов, Каминка, Утин, Елисеев, Солодовников и другие воспользуются ситуацией. И правительство вынуждено будет пойти на уступки. А в результате они вздуют цены.

– Эти господа хуже революционеров.

– Они поддерживают промышленность империи, – не согласился Коковцов.

Да, не союзник, подумал царь о своём премьер-министре.

Банки...

Один только Русско-Азиатский банк распространил своё влияние на предприятия военной промышленнос-

ти, вагоностроительные заводы, железные дороги, Табачный трест, Русскую Генеральную нефтяную компанию... Ну, ещё и так – по мелочи. И Бог бы с ними, что прибрали. Но ведь они – союзники и младшие партнёры зарубежных монополистов. А значит...

Об этом даже не хотелось думать. Поскольку это означало, что Россия своим трудом обогащает иностранцев, сама оставаясь нищей. Просто-напросто это значило, что иностранные монополии обдирают русский народ, как липку. Оттого народ бунтует. Но усмирять бунты все эти Морганы, Дюпоны и Рокфеллеры любезно предоставляют русскому царю. А тот поднимает казаков, казаки машут нагайками, а где и сабельками. Отчего ситуация в России всё ухудшается.

Да, не союзник господин Кокцов. Но, в то же время, человек решительный и предусмотрительный. Не побоялся снять полки с царского смотра и двинул в Киев, когда почувствовал угрозу еврейских погромов.

– А сколько мы платим по заграничным займам? – спросил царь.

– В 1900 году платежи по процентам составили 267 миллионов рублей, а сейчас приближаются к 400 миллионам. За 20 лет, с 1891 по 1910, выплаты составили 2 миллиарда 760 миллионов рублей.

– Так ведь это сущий грабёж, – не выдержал император.

– Так точно, ваше величество.

– И что мы можем сделать?

– Ничего, – развёл руками премьер-министр. – Таковы мировые правила. Не мы их устанавливали, не нам их менять.

– М-да. А следовало бы, – пробурчал царь.

– Должен сказать, государь, что внешний долг составляет более 8 миллиардов рублей.

У царя дёрнулся ус, через некоторое время царь спросил:

– В сельском хозяйстве, надеюсь, дела обстоят лучше?

– В сельском хозяйстве занято три четверти населения, оно даёт в казну половину всех доходов. При этом крестьянство составляет 84 процента всего населения, мещан – 10,6, купцов – 0,6, а дворян и чиновников – полтора процента.

Цифры были сухие, голос премьера – бесстрастен. Но в душе государя началась буря. Оказывается, императором он был только для полтора процентов населения. Ради них писались законы, ради них существовала полиция, ради них казачки упражнялись с нагайками. Однако Коковцов не сказал главного – о реформах, предложенных Столыпиным. Пришлось напомнить.

– Если и есть положительные перемены, государь, то они касаются частных владений, обеспеченных машинами. Крестьянская община беднеет, меньше стало скота, меньше собирают зерна. Участились случаи, когда крестьяне выступают против новых богачей, так называемых кулаков: поджигают дома и хозяйственные постройки, портят посевы. Имеются убийства.

Невольно Коковцов повторял то, что содержалось в докладе полковника. Только в смягчённом варианте.

– Получается, что у нас нет ничего? – в растерянности сказал император.

– Кое-что есть, но легче сказать, что у нас имеется в избытке?

– И что же это?

Царь взглянул на премьер-министра, Коковцев слегка смутился от пристального взора.

– У нас в избытке земля и людшки, – и сам почувствовал – прозвучало пренебрежительно по отношению

и к стране, и к людям, её населяющим и, между прочим, составляющим её главное богатство, потому что без людишек ничего бы не было.

– Итак, у нас 85 процентов крестьян, у которых нет земли. Вы представляете, что будет, если вся эта масса всколыхнётся разом?

Премьер-министр представлял. Но что он мог сделать? А вопрос требовал быстрого и решительного действия. От этого зависела судьба империи. Между тем 61 процент всей земельной собственности приходился на 2 процента владельцев. И они будут против, чтобы их собственность делили между крестьянами.

– Представьте ваши соображения, Владимир Николаевич. И я прошу вас: вы должны быть дальновиднее меня, предусмотрительней, осторожней. Но запомните: у нас мало времени, поэтому надо делать всё как можно быстрее.

– Государь, у нас нет денег, и главное – у нас нет людей для необходимых реформ.

– Да, я понимаю, – сказал царь задумчиво. И вдруг вспомнилось, что коронация в 1896 году обошлась казне в 100 миллионов рублей. Вот сейчас бы эти деньги... – Но вы поищите, милый Владимир Николаевич, я на вас надеюсь.

А что искать, не уточнил.

Глава 15

БРИЛЛИАНТЫ ДЛЯ ИМПЕРИИ

3

Зимний дворец светился всеми окнами, оживляя заснеженную пустынную площадь. Кареты и автомобили подъезжали к подъездам бесконечной вереницей, но, хотя приглашено было 3 тысячи гостей, толкотни не возникало.

Все великие князья с женами входили через Салтыковский подъезд.

Состоявшие в штате двора входили через подъезд их величеств.

Гражданские лица шли через Иорданский подъезд, а военные – через Комендантский.

Несмотря на холодную погоду, подчиняясь придворному этикету, все дамы были без головных уборов, причём замужние женщины с диадемами на головах, а незамужние девицы – с живыми цветами в волосах.

Поскольку своих лакеев в Зимний дворец приводить было нельзя, верхнюю одежду сдавали слугам с прикрепленными визитными карточками.

Поднимались по широкой белого мрамора лестнице, шаги глохли в толстом ковре. В простенках стояли пальмы и корзины с цветами. Огромные зеркала отражали придворных в черных с золотым шитьем мундирах, генералов с множеством орденов, гусарских офицеров в парадных мундирах. И дам в бесчисленных драгоценностях, каждая как созвездие. Драгоценности были на голове, на шее, в ушах, на запястьях, на пальцах, на груди, на талии.

Вдоль лестницы при входе и в коридорах стояли кавалергарды в белых мундирах с посеребрёнными кирасами, сияя начищенным императорским орлом. Стояли казаки собственного его величества конвоя в красных черкесках. В общем, всё необычайно красиво.

Большой Николаевский зал украшали живые цветы из царских оранжерей. Щедро залитый электрическим светом, он сиял от блеска эполет, переливов бриллиантов на дамах и золотого шитья на мундирах.

Играла музыка. Голоса сливались под высокими сводами, и казалось, что гудит золотой улей. Только флигель-адъютант Николаев во всём этом великолепии чув-

ствовал себя не в своей тарелке. А ещё он услышал, как кто-то, проходя, обронил:

– Последний раз в Зимнем мы собирались в январе 1903 года – на большой костюмированный бал.

– Аликс – известная жадина, – колокольчиком рассыпался женский смех.

4

Ровно в 20.30 распорядитель трижды ударил железом из чёрного дерева с золотым двуглавым орлом наверху. Знака ожидали, и сразу установилась тишина. Два негра в белых чалмах распахнули большие из красного дерева двери гербового зала. Церемониймейстер громоподобным голосом возвестил:

– Их императорские величества!

Вошел Николай II, ведя под руку Ольгу в белом платье. Она была необыкновенно хороша и очень похожа на отца. За ним шла вдовствующая императрица в черном платье, которое она носила после смерти мужа, со знаменитой бриллиантовой диадемой в черных тронутых сединой волосах. За императрицей следовали члены императорской фамилии и свита.

Дамы зашуршали юбками, склоняясь в реверансе. Император кивал, по обыкновению несколько смущённо. Вдовствующая императрица улыбалась и оглядывала собравшееся общество живыми черными глазами.

Оркестр заиграл полонез. Император – по этикету – начал первый танец с женой главы дипломатического корпуса. Великие князья танцевали с женами послов, а послы – с великими княгинями. При этом обергофмаршал в окружении церемониймейстеров прокладывает танцующим дорогу среди гостей.

Николай смотрел на всё с особым чувством – это было в последний раз. Никто об этом ещё не знал, но

он твёрдо решил, что Зимний дворец ему больше не нужен.

Слишком много услуги. Слишком много трат. А деньги ему теперь требовались во всё возрастающем количестве для более важных дел.

Тем временем начались общие танцы. Открывали их именинница с великим князем Дмитрием. По залу закружились сотни пар, а к флигель-адъютанту Николаеву подошёл специально посланный человек:

– Её императорское величество Мария Фёдоровна спрашивает, свободны ли вы, господин полковник, на следующий танец.

Отказывать императрице не полагалось.

– Смелее, Владимир Николаевич, – улыбнулась Мария Фёдоровна, когда полковник осторожно, словно к фарфоровой вазе, прикоснулся к её талии, чтобы вести в танце. – Я вполне живая женщина. А сейчас все в зале гадают, кто вы такой. И делают вывод, что вы – мой новый любовник.

Николаев чуть не сбился с очередной фигуры танца, императрица смеялась. Происходящее явно доставляло ей удовольствие.

– Завтра о вас будут знать всё, даже то, что вы никогда не знали о себе. А послезавтра не будет отбоя от невест. И не нужно меня благодарить, Владимир Николаевич.

Бал продолжался.

Но полковник заметил, что на него глядят всё чаще, женщины перешёптываются, а некоторые из мужчин кривят губы.

– Минуй нас пуще всех печалей... – пробормотал он, приготовившись нести крест до конца.

5

Вдруг оркестр заиграл бодрый марш, и в зал с сия-

ющими клинками на плечах вошли два негра – в белых шароварах, в белых чалмах, с обнажёнными торсами.

За ними два лакея внесли столик. Третий лакей поставил на столик хрустальную вазу. Четвёртый лакей положил золотые ножницы.

Пятый поставил сбоку от стола небольшое кресло, в него уселся старый Фредерикс.

– Что это? Что будет? – загудела сдержанно толпа, стали толкаться, чтобы увидеть.

Николай протянул руку, Ольга положила на неё свою, затянутую в перчатку выше локтя. Царь провёл дочь к столу, взял золотые ножницы и срезал сияющий бриллиант с платья.

Сияющая капелька упала в вазу и потерялась. Фредерикс в списке против царя поставил галочку.

Мария Фёдоровна улыбнулась, протянула руку своему кавалеру и тоже подошла к вазе. Указала кавалеру на средней величины бриллиант в своих украшениях. В зале вдруг установилась гробовая тишина, в которой ещё один камень стеклянно упал в вазу.

Император обвёл глазами свою семью.

Под этим властным взглядом одна за другой подошли великие княгини и срезали камни со своих нарядов. А Фредерикс ставил соответствующую галочку в бесконечном списке.

Присутствующие поняли, что избежать жертвоприношения не удастся. Кто-то нервно всхлипывал. Но послушаться не смел никто. К вазе установилась очередь. Бриллианты падали один за другим, покрывая дно вазы.

Вдруг кто-то сказал негромко:

– Бриллианты на строительство Нового Иерусалима. Кто не работает да не ест.

Догадка тут же облетела всех присутствующих.

И Фредерикс вместо одной галочки против фамилий теперь ставил иногда две и даже три. Бриллианты посыпались дождём, напряжённость на лицах исчезла: жертвовать на богоугодное дело – привычная обязанность.

У императора оставалось бесстрастное лицо, которое полагалось ему по должности, но внутри дрожали какие-то струночки. Значит, Иерусалим? Ну-ну...

– Благодарю вас, дамы и господа, – сказал царь. – Прошу на ужин.

Но присутствующие заворожено смотрели, как лакей взял вазу и понёс в сопровождении невозмутимых негров.

А царь думал: Бог с ним, с Иерусалимом, всё равно для Иерусалима, наверное, мало, а вот на строительство тракторного – одновременно танкового – завода бриллиантов должно хватить. И не забыть про вдову Толстого. Имение надо всё-таки выкупить, чёрт бы побрал этих гениев, которые учат весь мир, как надо жить, а своё имение доводят до банкротства. И желательно к весне уже выпустить первые трактора. Обязательно выпустить, хотя бы тысячу к посевной.

Глава 17

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ – II

7

Начальника охраны царской семьи полковника Спиридовича и дворцового коменданта Дедюлина выдернули из постели рано утром, рассвет ещё не занимался.

– Господа, обстоятельства чрезвычайные. Я требую немедленного и точного исполнения.

Видно было, что император в эту ночь спать не ложился. Пепельница полна окурков, в кабинете дым,

так что першит в горле. Глаза красные, но голос твёрд. И лица Спиридовича и Дедюлина вытягивались всё больше, по мере того, как император говорил, что нужно сделать.

Из кабинета они вылетели пулей.

Предстояло сделать много, даже очень много, а времени оставалось в обрез. Скороходы уже отправились по столице, разнося членам императорской фамилии приглашения прибыть в Зимний дворец.

Спиридович поднял на ноги весь личный состав охраны. Дедюлин на моторе помчался к командиру Преображенского полка, решать такие вопросы по телефону он не решился.

И всё-таки к обеду они управились.

Когда члены императорской фамилии один за другим поднимались по лестнице, их вежливо приглашали то в кабинет, то в одну гостиную, то в другую. А там объявляли царскую волю: ваше высочество, вы арестованы. Всё благопристойно и по-семейному тихо.

В дело незамедлительно вступали люди полковника Иванова, производя допросы. Срок у них был весьма ограничен – до утра. И потому Зимний дворец в эту ночь превратился в самую благоустроенную тюрьму Российской империи.

8

К обеду следующего дня семью опять собрали.

Присутствовали не все, только заговорщики, и вместо Малахитового зала был продуваемый ветром огромный пакгауз. У дальней стены громоздились ящики, тюки, мешки – всё, что может остаться на складе, который спешно освободили для государственного дела.

Женщины в мехах, только без драгоценностей – изъядли: не понадобятся, сказали следователи с простонародными лицами. Мужчины в шинелях без эполет:

разжалованы, сказали следователи. Да как ты смеешь, хам, я великий князь, я неподсуден законам империи. А вас, ваше высочество, никто не судит и судить не будет, такова воля императора. Просто вы теперь разжалованы.

Женщины входили, боязливо оглядывались, слышались истеричные голоса:

– Куда нас привели? Что это значит?

Мужчины, храня озабоченный вид, пытались иронически улыбаться: скоро эта неуместная шутка закончится. Ники никогда не решится, всё ж таки мы – опора трона.

Стремительно, пиная коленками длинную серую шинель с полковничьими погонами, вошел Николай. За ним – казаки с обнажёнными шашками, бородатые и невозмутимые.

– Ники, что это значит? – бросились к нему дяди, тёти, двоюродные братья. И отпрянули, остановленные штыками гвардейской роты.

Император огляделся. Он совершенно терялся среди высоких родственников. Кивнул, указывая на стену и топя нетерпеливой ногой:

– Ящик. Сюда.

Два гвардейца притащили большой ящик.

Император взобрался, снял фуражку, размашисто перекрестился.

– Видит Бог, я не хотел этого. Я думал, вы станете опорой государю в годину испытаний. Но этого не произошло. К моей великой печали. Бог вам судья. Но как государь, я терпеть этого не намерен. Вы сами избрали себе свою судьбу. И я отправляю вас на Соловки, дабы вы замаливали свои грехи.

На близких путях за стеной пакгауза мощно загудел паровоз. Когда он замолк, стали слышны возгласы:

- Ники, ты нас пугаешь.
- Ники, ты рехнулся.
- Сифилитик! – крикнула какая-то великая княгиня. То ли Милица, то ли ещё кто-то, в толпе не разберешь. Одни лезли к царю, другие бросились к дверям.
- Я прошу вас хотя бы сейчас блюсти человеческое достоинство, – сказал царь, неожиданно легко перекрывая крики и шум.
- Мы тебе это припомним, – мстительно крикнул кто-то.
- Припомним, – зловеще повторил другой.
- Не сомневаюсь, – печально усмехнулся царь и повернулся к начальнику конвойной команды. – С Богом. Начинайте погрузку.

Выписки: подражание Гаспарову

«А тот, кому не важна цель, не спрашивает, куда он едет!»

Милан Кундера. Книга смеха и забвения. «Иностранная литература», 2003, № 8, стр. 50.

* * *

«...существует единственная реальность, и эта реальность – я сам, моя жизнь, этот хрупкий, врученный мне на неопределенное время подарок, который чужие неведомые силы присвоили, национализировали, детерминировали и проштамповали, но я должен отобрать его у так называемой истории, у этого жуткого Молоха, ибо дар этот принадлежит только мне и распоряжаться им я должен по собственному усмотрению».

Имре Кертес. Эврика! Стокгольмская речь. «Иностранная литература», 2003, № 5, стр. 180.

ТЕКСТ

ЦБ

Мария Сакович

Оттепель

Традиционный кофе по утрам,
И мчащееся время вечерами.
«Ну всё, до завтра, чашки я убрал,
Спокойной ночи...» – и ушел дворами.
Стою, курю, а за окном сугроб
Стихийно, на глазах оброс цветами.
Я, как верблюд, отращиваю горб
В борьбе за час, в погоне за мечтами.
Но кофе есть. И каждый Божий день
Я вылезая из-под одеяла,
Чтоб встретить поцелуем твою тень
В чужом мне доме у ж/д вокзала.

4 января 2012 г.

Уметь мечтать

Как-то раз, давно, один мой друг,
Лежа на траве полуднем знойным,
Глядя ввысь, не вынимая рук
Из-под головы, спросил спокойно:
Слушай, а умеешь ты мечтать?
Я задумалась – а кто же не умеет?
Это ведь так просто, как летать
Для орла, что воон над нами реет...

Мария Сакович, 31 год, поэт и писатель. Стихи начала писать в 15 лет. Живет в Пензе, пишет и переводит для газеты «Улица Московская». Любимые авторы: Александр Пушкин, Марина Цветаева, Вероника Тушнова, Сергей Казнов, Сергей Сеничев. Из прозаиков: Тонино Бенаквиста, Джек Лондон, Андре Моруа, Михаил Булгаков.

Это как для фонаря – светить,
А для моря – как шуметь волнами,
Как для квнщика шутить,
Как для мотылька творить цунами.
Десять лет прошло. Мой друг пропал,
Я расту и, кажется, умнею,
и пора б – тридцатник миновал! –
А мечтать я так и не умею.

12 января 2012 г.

Подвальное

В маленьком тесном подвале
все презентацию ждали,
автора книги со словом,
хозяев с рассказом о новом.
Книги тихонько листаю,
в душе понимаю – устала,
хочу быть на кухне без света,
думать о нас до рассвета.
Автор пришел, откровенья,
А я – вот ну нет настроенья!
Вроде и слышу, а в мыслях –
давайте всё сделаем быстро,
все по домам разойдёмся,
там наедемся, напьемся,
устроимся на диване,
дремотой глаза обманем,
и так мне сейчас не до книжки...
может, я женщина – слишком?

14 февраля 2012 г.

* * *

И не надо плакать над тем, чего не случилось.
Может, оно и к лучшему, ты поверь.
Может, еще и сбудется, что не случилось,
Распахнется настезь закрытая раньше дверь,

А тиски, что прежде держали крепко,
Вмиг рассыпятся, разлетятся, как золотой песок,
Улыбнутся губы античной лепки,
Обмотается вокруг пальца солнечный волосок,
И поймешь, что вот оно, счастье – есть.
Твое личное, беспощадное и последнее. Тотчас. Здесь.

25 июня 2012 г.

О любви

– О чем жалеют женщины?

– О любви...

(к/ф «Дневной дозор»)

Безупречной любви не бывает.
Обязательно кто-то страдает
И болеет, и умирает,
Ну а кто-то кого-то ломает.
Через это прошел в жизни каждый,
Утолял сердца жгучую жажду
И, обжегшись когда-то однажды,
Для себя обозначил – неважно.
Мы, наверное, тоже решили,
Что ошиблись и зря поспешили,
И расчетливо спрятали шило
В тот мешок, что нам жизнь предложила.
А потом мы, наверное, жалели,
Что тогда быть добрей не сумели,
И вернуть всё, быть может, хотели,
Только вот я не помню – успели?..

21 февраля 2012

* * *

... И мы никогда не будем равны.
Я буду с этой, ты с той стороны,
Меня тянет на дно, тебя – в высоту,
я жду, но не там, ты любишь – не ту,
ты вечно сильнее, я вечно права,

ты среди звезд, я там, где трава,
пусть даже нас тянет друг к другу, вдвоем
будем несчастны. Сквозь слезы мы пьем
не водку – друг друга. И, выпив до дна,
уходим тайком. Мне нужна глубина,
а ты снова взмоешь к себе в небеса.
Такие, как мы, создают чудеса...

4 июня 2012 г.

* * *

Люди друг друга теряют, находят,
Люди встречаются, люди уходят,
в двери стучатся, жить остаются,
любят друг друга и расстаются.
Кто-то в кого-то вдруг взял и поверил,
или аршином обычным измерил,
кто-то кому-то слегка улыбнулся
и об кого-то случайно споткнулся.
Мы не любили и не дружили,
знали, хотели, имели и жили,
видели в линиях знаки и судьбы
лишь потому, что обычные люди
очень хотят жить, надеясь на чудо.
Будь моим чудом! и я твоим буду...

7 июня 2012 г.

Про кота

Вчера мой кот взглянул на календарь
Проверить, а не март ли на носу
И не пора ли тырить колбасу,
Чтоб кошек угощать? А там январь.
И невдомёк ему, коту-пройдохе,
Что, если очень грустно на душе
И ничего не хочется уже,
Зависнуть в январе не так уж плохо.
Сегодня кот чуть-чуть не проморгал

Момент, когда меняется планета
И ты стоишь почти на краю света,
А за спиной колышется астрал...
... Кот, умываясь, слушал дрели трель,
На солнце грелся, нюхал дым и гарь
С балкона. Мельком глянул в календарь –
В календаре кончается апрель...
Мой кот всё понял. Длительно зевнул
И развалился кверху животом.
Он не был Фрейдом – был простым котом,
А потому – поверил и заснул.

28 апреля 2012 г.

* * *

Люблю тебя, кот и кофе
со сливками, почти несладкий.
Я в этом деле стала профи,
с любовью у меня всё гладко.
И с кофе тоже всё в ажуре,
и кот вполне собой доволен,
не жизнь, а шоколад в гламуре –
причина вечной зубной боли.
Вот если б взять тебя и кофе,
кота вам сбоку присобачить,
и шли бы вы... на Кэмел Трофи,
а я б желала вам удачи.
Но вы со мной. И кот угрюмо
ворчит и тихо когти точит,
а ты предельно остроумно
мне рай и коммунизм пророчишь.
И, кофе молча допивая,
я вытру слёзы аккуратно.
Теперь я это точно знаю –
любовь приходит безвозвратно.

3 июля 2012 г.

* * *

Ты снова вошел в мою жизнь, как к себе домой,
разулся, носки расшвырял, натянул халат,
ты даже не спрашивал – можно? не наугад,
ты точно знаешь, что этот дом, хоть и мой,
Построен твоими руками, всегда для тебя открыт –
давай, заходи, уж чего там, садись к столу,
Ну а память пока постоит, как комод, в углу,
там, где краеугольный камень тобой зарыт
в основание моих слез, моих дней и лет,
как-то, где-то и кем-то прожитых так давно!
Ты ложись, укрывайся... удобно? Я выключаяю свет,
и давай дальше вместе посмотрим это кино?

4 июня 2012 г.

Назло

Тебе со мной не повезло,
Я всё, всегда и всем – назло:
Годам, профессиям, судьбе
И даже иногда тебе.
Назло люблю, назло живу,
Назло не в сказке – наяву,
Назло реву, назло смеюсь,
Назло уйду или вернусь
И лишь в одном я не назло –
Прости, что так не повезло...

11 июля 2012 г.

* * *

И будет солнце, и будет ветер,
И будут громко смеяться дети,
И будет счастье почти безбрежным,
Ты будешь снова родным и нежным.
И хоть сейчас нервы на пределе,
Но я себя убиваю в деле.
Пусть я пока не нужна особо,

Но ты вернешься, мы знаем оба.
Пусть я не сплю по твоей вине,
Но завтра ты улыбнешься мне.

10 июля 2012 г.

* * *

Чтоб полюбить дождь,
Мучайся от жары.
Чтобы унять дрожь,
Выдохни и умри.
Чтоб стало легко,
Нужно крылья сломать.
Чтобы нырнуть глубоко,
Нужно дельфином стать.
Чтобы взлететь ввысь,
Нужно упасть на дно.
Прыгай и не держись
За руку, как в кино.
Хочешь терпеть ложь –
Крась волосы в блонд.
Чтобы любить дождь,
Нужно иметь зонт.

23 июля 2012 г.

Выписки: подражание Гаспарову

«Кто бы ты ни был, что бы ты ни сделал – всегда
есть кто-то, кто не позволит тебе пропасть».

Грэм Свифт. Свет дня. «Иностранная литература»,
2004, № 8, стр. 128.

* * *

«Плод распробуешь хорошенько, только когда
съешь».

Эрик-Эмманюэль Шмит. Гость. «Иностранная лите-
ратура», 2004, № 6, стр. 89.

Выписки: подражание Гаспарову

«Вера – это прыжок вслепую навстречу чьим-то рукам, которые подхватят и примут тебя».

Артурос Перес-Реверте. *Кожа для барабана, или Севильское причастие*. СПб.: Азбука, 2001, стр. 195.

* * *

«...даже в самой совершенной любви один любит больше другого. Двое могут быть одинаково добры, одинаково одарены, одинаково красивы, но не бывает двоих, которые любили бы друг друга одинаково сильно».

Торнтон Уйалдер. *Мост короля Людовика Святого*. Сборник. М.: «Радуга», стр. 51.

* * *

«Ему бы войти в чужое сознание и выскользнуть из него, как тень, не отпечатываясь в нем».

Тове Дитлевсен. Двое любят друг друга. Сборник: «Скандинавия. Литературная панорама». Выпуск 2. М.: «Художественная литература», 1991, стр. 170.

* * *

«Никто не может остаться прежним: мы меняемся от всякого сна и всякой грезы, от всякого поцелуя и всякого поражения, от всякой влюбленности и всякого путешествия. Медленно и незаметно все это обращается в так называемый опыт. Нас меняет и всякая новая дружба, а потому стоит ли удивляться, если дружба детства постепенно расходится? Они ведь уже не те, какими были прежде».

Иселин К. Херман. *Par avion*. Переписка, изданная Жан-Люком Форёром. «Иностранная литература», 2003, № 6, стр. 7.

ТЕКСТ

ЦБ

Игорь Панфилов

Армейские были

Продолжение дембельского альбома

Как меня забыли

Случилась эта история летом 1973 года. По окончании «учебки» (полугодовой учебной роты) в туркменском городке Теджен меня направили для продолжения воинской службы в город Казанджик – котел ветров, в переводе. Находился он между Ашхабадом и Красноводском, недалеко от места расстрела 26 бакинских комиссаров.

Сразу за военным городком, справа, начинались Каракумы – черные пески, в километре слева – предгорья Копет-Дага, которые вырастали тут же во вполне приличные горы, загораживая до трети небосвода.

Вдоль гор вилась дорога, которая заканчивалась километров через тридцать в небольшом селении – ауле. Приблизительно посередине той дороги шло ответвление в пустыню, где был оборудован танковый полигон, на котором по весне или летом проводились полковые учения и стрельбы.

На время учений дорога из города в аул и обратно перекрывалась оцеплением, дабы не пострадало ненароком мирное население. Выставлялось оцепление в

Игорь Панфилов, 58 лет, государственный служащий.

Литературным творчеством занимается с 15 лет. Печатался в журналах «Сура» (Пенза) и «3 желания» (Рязань). Член жюри на сайте ПрозаРу в рамках Фонда «Великий странник – молодым».

начале и в конце дороги по два человека. В помощь придавались старенькая рация, штык-нож от «калаша» каждому бойцу и полосатый жезл, точь-в-точь как у гаишников для остановки автомобилей.

Мне с напарником выпало дежурить у аула. Весь день мы, несмотря на нещадную жару, исправно несли службу. Незаметно опустился вечер, затем настала ночь. Ни обед, ни ужин нам не привезли.

Попытался связаться со своими по радиции, чтобы разузнать, в чем дело, но аккумулятор сдох после первых десяти минут безуспешных попыток.

Пришлось коротать ночь натошак. Пустыня – пустыня, а в одной гимнастерке стало довольно прохладно. Чтобы согреться, принялись бегать вдоль дороги, однако быстро устали. Физическая зарядка тоже помогла ненадолго.

На почву не присядешь – довольно прохладно, приклониться тоже не к чему. Прижались друг к другу спинами, немного согрелись. Так, перемежая бег с зарядкой и с опорой на спину, скоротали ночь.

Наутро потеплело. С проезжавшей со стороны города машины сообщили, что стрельбы закончились еще вчера и все военные вернулись в расположение части.

Часов в девять из аула выехала хлебовозка, ее водитель предложил нас подвезти. Но как же приказ – стоять до тех пор, пока не заберут свои? А приказ начальника, как гласит устав несения воинской службы, – закон для подчиненного.

Решил, как старший, отправить напарника в часть для выяснения обстоятельств, а сам остался для продолжения выполнения приказа.

На часах – двенадцать дня, желудок свела голодная судорога, и я решил добыть себе провианта. В полукилометре от поста заметил во дворе аула женщину,

туркменку. Подошел к ней и, перемежая речь с жестами, попросил хлеба.

Женщина, мало что поняв по-русски, но поглядев на мой изможденный вид, вынесла мне чурек (туркменскую лепешку) и кувшин воды.

Напившись и залив фляжку, поблагодарил, сказав рахмет (спасибо). Немного воспрянув и повеселев, на ходу поглощая лепешку, вернулся на место.

Жара стояла нестерпимая и, если бы не тень стоящего поблизости столба, за который я постоянно прятался, не знаю, как бы выдержал. Так и стоял, довольно долго, выполняя свой воинский долг и приказ командира.

Под глазами уже бегали красные круги, мозги плавилась от марева, всё понемногу становилось безразличным. От избытка тепла, солнца и усталости разум стал мутиться.

Я уже ощущал себя в какой-то прострации, как вдруг краем слабеющего сознания отметил приближение человека. Это оказалась уже знакомая мне туркменская женщина. Она принесла с собой чай в термосе и много свежей выпечки с самой разнообразной начинкой.

Пирожки с мясом тут же исчезли, прямо растворились у меня во рту, а горячий зеленый чай вернул к жизни.

Женщина участливо смотрела, как я поглощаю пищу и на ломаном русском пыталась что-то мне втолковать. Когда стал в состоянии соображать, до меня дошло, что ее сын тоже служит в армии в далекой России. И может, какая-то русская женщина, так же, как и она, пожалеет туркмена и, в свою очередь, накормит его, согреет своим материнским теплом или просто поддержит добрым словом.

В тот момент я совершенно искренно в это поверил и даже был уверен, что именно так и случилось, причем в одно и то же время. Ибо доброта человеческая и участие не могут быть не ответны.

Машина за мной приехала только вечером. Оказалось, про наш пост и про меня забыли. А когда добрался до части напарник, долго снаряжали транспорт, был выходной день, офицеры отдыхали и до одинокого часового, исполняющего свой долг где-то в пустыне, никому не было дела.

Басмаческий колодец

В километре от военного городка начинались предгорья Копет-Дага. В выходные дни старослужащие частенько уходили туда в самоволку. В основном для фотографирования на фоне местного колорита с целью оформления дембельского альбома.

Многие были призваны из средней полосы России и натуральных гор никогда не вывели. А здесь такая возможность.

Как-то, в одну из самоволок, вволю нафотографировавшись и нагулявшись в горах, мы присели отдохнуть на состоящий из отдельных крупных булыжников небольшой холм у входа в ущелье. Был он несколько необычен правильностью своих форм, но тогда, уставшие, мы не обратили на это никакого внимания.

Каждый облюбовал себе по большому камню, на которых разместилась на отдых вся наша группа из пяти человек.

Лишь одному из нас, Николаю из Рязани, не понравились каменные импровизированные «стулья», и он решил расположиться с комфортом, соорудив из подручного природного материала какое-то подобие кресла.

Для этого он решил стащить с холма вниз несколько камней, попросив нас помочь. Естественно, все отказались, тем более что задерживаться долго не имело смысла, дабы не опоздать на ужин.

Пробурчав себе под нос какое-то ругательство, наш любитель комфорта взобрался на холм и стал сбрасывать оттуда камни. Остальные молча наблюдали из-под армейских панам, снисходительно посмеиваясь. Зачем было тратить столько сил в сильную жару на бессмысленное занятие?

Неожиданно под камнями на солнце сверкнул металл. Это показалось Николаю интересным, и он позвал посмотреть нас.

Мы все вместе подошли и разбросали булыжники. Нашему взору предстал металлический конус с дверью и висячим замком на ней. Сбив замок скальными обломками, мы окрыли дверь и заглянули внутрь.

Вертикально вниз уходил колодец глубиной метров двадцать. На дне его тускло отсвечивала черным цветом вода. Но зачем и кому понадобилось прятать колодец? Непонятно.

Решили обследовать открытое нами сооружение. Двое молодых солдат сбегали в часть и вернулись с веревками, палками и соляркой. Обмотав палки портянками и намочив концы их в солярке, мы приготовили факелы. Спустились вниз вдвоем с Николаем.

Нашему взору открылись два туннеля. Один в сторону гор с небольшим арыком посередине, по которому вода поступала в колодец. Другой вел в сторону города.

Мы зажгли факелы и отправились по проходу, высотой около метра семидесяти сантиметров, по направлению к началу гор. Во мне роста метр семьдесят восемь, поэтому идти пришлось несколько наклонившись.

Туннель имел ухоженный вид, то тут, то там попадались оставленные саперные лопаты.

Туннель все не кончался, становилось страшновато, однако зуд любопытства гнал нас вперед. Наконец, метров через триста, по нашим подсчетам, мы вышли в довольно просторный грот, пещерную залу высотой метра три-четыре и метров пятнадцать диаметром.

Из противоположной каменной стены сочился родник, наполнявший небольшое озерцо-лужицу и вытекающий затем из него по исчезающему в туннеле арыку. Видимо, мы уткнулись в основание горы.

По обеим сторонам озерца стояли какие-то ящики. Вскрыв один из них, мы обомлели. В ящиках аккуратно были уложены боевые гранаты. Не сговариваясь, мы кинулись обратно, выбрались из колодца и бегом в расположение части.

На следующее утро рассказали о находке нашему командиру взвода, старлею. Через несколько часов вызвали нас к военным дознавателям из гарнизона. Таиться не стали, рассказали все, как было.

Думали, накажут нас за самоволку. Но прошел день, другой, неделя, все оставалось на своих местах. Начали успокаиваться, как вдруг на утреннем полковом разводе комполка командует: «Сержанты такие-то, выйди из строя!» и называет наши с Николаем фамилии.

Ну, думаю, кранты. Прямо отсюда и на губу, то есть на гауптвахту отправят. Вышли, понутив, было, головы перед строем, а командир объявляет: «За отличное исполнение воинского долга объявить в качестве поощрения обоим отпуск на родину сроком десять дней!»

Ошарашенные таким оборотом, мы только выдохнуть смогли: «Служим Советскому Союзу!» Как оказалось, мы обнаружили похищенные 5 лет назад при падении басмачей на воинские склады, гранаты.

Бахча

Весной 1973 года впервые довелось мне принять участие в учениях танковых войск в Центральных Каракумах. В ту пору служил я во взводе управления танкового полка начальником летучки, машины, специально оборудованной для мобильного ремонта бронетехники.

Моему воинскому отделению были приданы водитель и два ремонтника. Ремонтники предпочли более комфортабельную поездку в бэтээре к местам учений сомнительным удобствам транспортировки в кузове летучки, собранной на базе старого доброго ЗИЛ-157, выпуска начала 60-х годов.

Мы же с водителем вполне уютно устроились и путешествовали в кабине.

Проследовав километров двести по шоссе в составе автоколонны, вся военная техника свернула на грунтовую дорогу в пустыне, продолжив марш. Окружающая температура – около +50 градусов. Но дующий из открытых окон ветерок обдавал наши пропотевшие тела, и влага, испаряясь с кожи, создавала эффект приятного холодка.

Вокруг, насколько хватал глаз, простирались холмы, состоящие из плотной массы песка пополам с мелкими остатками скалистой конкреции красноватого цвета. Создавалось ощущение нереальности, будто мы находились на Марсе.

Колеса машины, хотя и не увязали в этом месиве, но преодолевали довольно приличное сопротивление. Ехать, чтобы не увязнуть в песке, приходилось только по уже накатанной и уплотненной колее.

Как назло, перед нашим автомобилем пастухи стали перегонять стадо верблюдов. Корабли пустыни переходили дорогу медленно, с гордо поднятой головой,

не реагируя ни на какие сигналы, как бы выражая этим свое нам презрение.

Основная колонна ушла далеко вперед, и мы начали побаиваться, что можем серьезно отстать от своих. У водителя сдали нервы, и он решил осторожно начать движение. На что двугорбые никак не отреагировали, продолжая передвигаться под носом машины. Чувство самосохранения у них отсутствует что ли? Так и задела одного из них бампером легонько. А тот присел на обочине и, вроде как, отдыхает.

Решив, что легкое потрясение ему не повредило, сорвались с места в образовавшееся пространство и во всю мощь стареньких ЗИЛовских сил бросились догонять ушедших вперед. Догнали.

Но тут на мотоцикле нас обгоняет бабай, старик-пастух, и перегораживает дорогу. Оказывается, верблюды так и не встал. Заставил тот пастух нас вернуться обратно. На легковом джипе нас поехали сопровождать двое офицеров для ведения переговоров и оценки возможного ущерба.

Посмотрели, а попавшая под наш бампер скотина уже бежит и резвится вокруг статной верблюдицы. Видать, после встряски чувства проснулись. Посмеялись, ударили с охранниками стада по рукам и мирно разошлись, вынужденные вновь догонять ушедшую далеко вперед часть.

Проехали километров тридцать, как вдруг, жалобно завизжав, сорвался с места металлический вентилятор охлаждающей системы, пробив при этом по окрестности водяной радиатор.

Может из-за наезда, а может, и время ему пришло поломаться, но ехать дальше (а до конца пути осталось еще километров сорок-пятьдесят) без ремонта было нельзя.

После консилиума офицеров решено было всей колонне автомашин продолжить марш и вовремя прибыть на учения. Нас же двоих оставили в сломанном автомобиле чуть ли не в самом центре пустыни с обещанием забрать вечером того же дня.

Однако ни вечером, ни на следующее утро никто за нами не прибыл. Заночевали мы в закрытом фургоне летучки, в куче давно списанных, старых шинелей.

Утром мы были разбужены нестройным хором детских голосов, что нас чрезвычайно озадачило. Откуда в пустыне взятыся детям?

Выглянув из автомобильной будки, с удивлением обнаружили, что машину окружает стайка туркменских мальчишек. Увидев нас, те сразу начали выкрикивать заранее выученные фразы: «Значок давай, эмблема давай, ремень давай!»

Свинтив танковые эмблемы с лацканов нескольких шинелей, мы одарили ими пацанов, чему те были несказанно рады. Однако, не переставая при этом канючить у нас более весомые подарки, которых мы, естественно, отдать не могли.

Тут водителю пришла в голову мысль сменить часть старого обмундирования на еду, и он, как мог, почти на пальцах, объяснил суть своего предложения ребятишкам.

Те, посоветавшись, исчезли, но минут через сорок объявились вновь, таща с собой штук десять арбузов и дынь. Оказалось, что километрах в двух от нас находилась колхозная бахча.

Стороны оказались весьма довольны произведенным бартером, и мы смогли утолить голод и жажду. Прошли еще день и ночь в безрезультатном ожидании. Вновь проголодавшись, мы решили осуществить набег на бахчу самостоятельно.

Стыдно было воровать, а куда деваться? Не помирать же с голоду. Тем более что и на второй, и на третий день о нас никто не вспомнил.

На четвертый день, поняв, что спасение погибающих в пустыне – дело рук самих погибающих, мы сняли радиатор с машины, скрутили пробитые водяные каналы плоскогубцами, обмазали масляной краской места скруток, установили все это на место и залили в горловину арбузный сок. Влага не вытекала!

В ночь, по холодку, с частыми остановками преодолели оставшуюся часть пути до своих, да еще привезли им мешок бахчевых. Чему те были несказанно рады.

О том, как мы провели в пустыне четверо с половиной суток без воды и пищи, никто даже не поинтересовался.

Выписки: подражание Гаспарову

«Ведь не день за днем, не минута за минутой встают у нас перед глазами, воссоздавая минувшее время, а лишь те события, которые, словно тяжелая печать, оставляют неизгладимый след».

Павел Хюлле. Касторп. «Иностранная литература», 2005, № 6, стр.41.

* * *

«Приятно под лиственным одеялом было еще и потому, что дед научил: куда бы тебя ни занесло, ищи в этом хорошее, а не плохое...».

Джим Гаррисон. Гей, на Запад. «Иностранная литература», 2004, № 4, стр. 126.

Устанавливаются очереди, всевозможные записи, туристов делят на «плановых», то есть идущих группой в плановом порядке, и «одиночек».

Причём жертвой являются, безусловно, последние. Они, понервничав два-три дня в ожидании своей очереди и не дождаввшись, большей частью вынуждены ехать «меньшей скоростью», то есть на линейке.

Меня записали на 6 августа к выезду, но накануне пошёл только один автобус, и очередь моя перенесена была механически на 7-ое. Но и относительно будущего дня утешительного в смысле отправки автобуса ничего не было, а потому я, как «одиночка», имеющий такую дерзость в отношении старика Эльбруса, решил двинуться хоть и меньшей скоростью, но дающей надежду быть на следующий день (два дня езды) в Адыл-Су.

Подобрав себе трёх попутчиков, я ещё накануне, в ночь на 7-ое, перебрался со своим «эльбрусским грузом» на базу ОПТЭ (общество пролетарского туризма и экскурсий). С вечера получил со склада печенье и шоколад (как туристу, совершающему восхождение на Эльбрус).

Довольно странно, при этом находилась моя фамилия. Со стороны почитают и скажут: «Вот, дьявол, куда попёр!».

Итак, с радужными надеждами и ... с шоколадом в сумке, я улёгся спать.

7 августа

Правда, спать пришлось недолго: в пять часов утра принялись за окончательные сборы и в шесть покинули базу. Надо справедливо заметить, что дорога от Нальчика к Баксану была настолько пыльна, что все мы были скоро покрыты толстым слоем пыли.

Приехав в Баксан (27 км), мы почувствовали, что попали в настоящее пекло – термометр показывал +47°C. Что осталось хорошего от Баксана – это впечатление от столовой, где был дан замечательный мясной завтрак. А ведь это в настоящее время является редкостью.

За Баксаном, глотая пыль, которая забивалась всюду и скрипела на зубах, мы благополучно проехали селения Кызыл-Бурун, 2-ой и 1-ый. В селе Заюковском интересовались строительством Баксанской районной гидроэлектростанции. Своего рода будущий гигант «Баксанстрой».

Дыхание гор стало чувствоваться, когда въехали в Баксанское ущелье, в район с. Гунделен, где и начинается территория Балкарии. Пыли не стало, воздух чище, дышится свободней.

Проезжая мимо Балкарского племхоза, спустились от дороги вниз, к речке Баксан, в излучине которой расположились строения племхоза.

Радует глаз пчеловодное хозяйство, продукцией которого нас угостили. Невольно возникает вопрос: «Сколько можно было бы собрать мёду, если внедрить это начинание в балкарском крестьянском хозяйстве?»

Стало уже темнеть, на небе одиноко мерцали звёзды, а скоро всё безоблачное небо покрылось миллионами светлых точек. Ещё часа два ехали в сумерках; дорога шла по карнизу ущелья. Громады скал нависали над нами, грозя раздавить своими обломками.

Расположились на стоянку у горного ручья. Было 10 часов вечера. Поужинав хлебом с мёдом, закутались в бурки, и скоро мерный храп огласил ущелье.

8 августа

Встали ночью, при свете луны. Было свежо, неволь-

но пришлось одеться потеплее. Дорога шла вдоль речки, виляя с одной стороны на другую.

Ущелье кончилось, началась горная долина, сплошь зеленеющая сенокосами. На поворотах дороги открываются всё новые и новые пейзажи.

Вот показалась белая вершина вечно снежной Тютю-Баши и снова закрылась.

Баксан бурлит, грызя своё каменное ложе, от воды поднимается туман.

Селение Нижний Баксан. Делаем большую остановку и отдых. В селении достали ведро айрана (кислое молоко), причем балкарки здорово нас накрыли.

Дали для пробы хорошего, густого айрана, потом в ведро ухитрились набухать воды, что обнаружили уже после того, как уплатили деньги. Но голод не тётка. Хоть и с водичкой, а пошёл за первый сорт.

Здесь догнали нас два автобуса. Но мы не жалели, что поехали на линейке. В течение двух дней мы будем иметь больше возможностей для осмотра местности.

Через три-четыре километра началось грозное ущелье в боковом хребте. Громады скал уходили ввысь своими причудливыми пиками. Взглянув на отвесные каменные утёсы, подумаешь: «Вот где прекрасная школа для альпинистов!»

Да, действительно, склоны по своей крутизне не уступят известной «Красавице Ушбе». Не доезжая с. Урусбиево (Верхний Баксан), встретили автобусы, возвращающиеся уже обратно.

Снизу по ущелью вдогонку нам надвигались дождевые тучи, но расстояние между нами и тучей не уменьшалось, и мы успели доехать благополучно.

Около моста у с. Верхний Баксан имеется указатель ОПТЭ: «Ущелье Адыл-Су. Вершины Аибырчи, Курмычи. Перевал Местийский в Сванетию».

Дальше при разветвлениях ущелья попадались подобные указатели, и невольно думалось – уж не в Швейцарии ли мы, где на каждом шагу, говорят, такие же вывески и всевозможные указатели по скалам.

Ущелье здесь по склонам гор покрыто хорошими сосновыми лесами, что придает всей картине особую свежесть. Воздух насыщен запахом смолы.

Адыл-Су. Местность признана как курорт для лёгочных больных, и в настоящее время здесь имеется дом отдыха. В пять часов вечера приехали на базу Адыл-Су, где заведующая Мария Васильевна определила нас в одну из комнат.

База имеет несколько построек, которые арендуются у балкарца; при базе есть столовая, где турист по средним ценам может получить дневное пропитание.

Трое моих товарищей намерены были идти к Эльбрусу через ледник Ирик; путь почти никем не посещаемый, мало известный и трудный, потому что по пути никаких приютов среди ледников нет.

Я решил отправиться обычным традиционным путём, через Азау, Кругозор и Приют-11, поэтому с попутчиками пришлось расстаться и искать других компаньонов. В нашей же комнате помещалась молодая чета Бухвостовых, которая завтра, 9-го, намеревалась тронуться также к Эльбрусу.

В том же направлении выходила московская группа из 8 человек. Помимо этого, ещё несколько человек из ЦКУБУ, представляющие собой целую экспедицию, имеющую целью установку метеоприборов и ведение наблюдений на Эльбрусе. В общей сложности, в сторону Эльбруса шла большая партия из 20 человек.

С вечера договорились относительно перевозочных средств (ишака). Осталось самое главное – подыскать носильщика для переноски части вещей от Кругозора

до Приюта-11, так как общий вес продуктов и спальных вещей был не менее 45-50 фунтов. Это должно занять первую половину следующего дня.

9 августа

Мой новый попутчик Бухвостов утром договорился с одним балкарским парнем, наняв его в качестве носильщика, за что он получит по таксе 10 руб., но поведение балкарца с самого начала переговоров было подозрительным, ненадёжным, внушающим мало доверия. Он шёл как бы с неохотой. И действительно, вначале он вертелся на базе; после как-то, за сборами, мы о нём забыли, чем он и воспользовался, чтобы совершенно скрыться с горизонта.

Время подходило к 12, пора было выезжать, чтобы избежать перспективы тащиться к Кругозору ночью. Я себе носильщика не нашёл и, видя такое дезертирство одного, плюнул на это дело и решил: «Лишь бы поскорей выбраться!»

По дороге же, где должны проехать через несколько маленьких селений, решили заняться поиском проводника и носильщика. Хотели было найти мальчика-погонщика для ишаков, чтобы самим не заниматься этим «грязным» делом, но и этого не удалось.

Итак, в результате всех наших бесполезных поисков в 1 ч. дня выступили. С нами была собака по кличке Гера (Геродота), которая дополняла нашу компанию из 4 человек. Ишаки совершенно не хотели выходить со двора, несмотря на то, что я гнал их, подражая погонщикам-балкарцам. Возможно, что мы не совсем вошли в свою роль погонщиков или ишаки наши «нас на хвосте не чуяли», как говорится.

Четвёртый наш компаньон, некто Дмитриевский, присоединился к нам в последний момент. Он в про-

шлом году уже был в этих краях, добрался даже до Приюта-11, но, как он рассказал, в результате бессонной ночи на Приюте обессилен и выше пойти не смог.

Правда, и в этот раз он на меня особого впечатления, в смысле возможного восхождения, не произвел. Хотя, если судить по внешнему виду и облику, можно и ошибиться.

Известный советский альпинист Семеновский, избородивший весь Кавказ, покоровший ряд вершин, в том числе и Ушбу (а Ушба ведь считается первой вершиной в Европе по трудности восхождения), росту небольшого, худощавый, и, взглянув на него, никто не признает в нём выдающегося альпиниста.

Вернёмся к нашему пути. Ишаки наши сверх всяких ожиданий пошли хорошо, я взял на себя роль главного погонщика, так как у меня это получалось лучше, и ишаки бежали бодрее. Сбоку дороги появился указатель – «Нарзан». О существовании нарзанных источников мы уже имели сведения, и теперь стоило нам спуститься по откосу берега – нарзан был перед нами в «натуральную величину».

В небольшом родничке была пузырьками углекислота. Пей, ребята, бесплатно, ведь! Не то что в Нальчике, по 25 коп. за бутылку. Напившись вдоволь, налили ещё полные фляги и быстро зашагали, подкрепившись живительной влагой.

Не прошёл я и двух десятков шагов, как пробка с треском вылетела, вытесненная газом. Я заткнул опять, но пробка вновь совершила полёт. Тогда я привязал её веревкой, и она хоть и хлопала ещё несколько раз, но искать её на дороге мне не приходилось.

Не доезжая посёлка Терскол, последнего в ущелье, по левую сторону показалась грандиозная группа вечноснежных вершин Донгуз-Орун.

Ледники 2-го порядка высоко висели по отвесным скалам, распластавшись как невидимые громадные чудовища. Вершины ослепительно белели на голубом фоне безоблачного неба.

Проехав ещё немного направо, мы неожиданно были ошеломлены видением в прорезе гор нашего красавца – двуглавого, убелённого сединами старика Эльбруса. Он казался так близко, таким доступным, манящим на свои снежные высоты.

Через бинокль хорошо была видна по склону восточной вершины заметная тропа. Значит, немало народу бороздит склоны Эльбруса, пытаясь подняться наверх. Что ж, люди пытаются, а нам почему же не попробовать испытать счастья?

Встречаем группу в несколько человек, возвращающуюся с Эльбруса. На наши вопросы отвечают: «Дошли до седловины, дальше воздуха не хватило!»

Из дальнейших же разговоров выясняется, что они устроили своего рода соцсоревнование при восхождении. Ну, чудачки! Они вообразили себя, наверное, на родном заводе, в мирной обстановке.

Нет, братишка, Эльбрус шутить не любит, и пока ещё никаких соревнований не признаёт, оставаясь хозяином положения. Понятно, почему им воздуху не хватило! Словом, оторвали ребятки «от жилетки рукава».

Встретили затем немца, двух американцев и ещё нескольких человек русских. Ответ один: «Горная болезнь мешает».

Посёлок Терскол. Ведём переговоры с несколькими балкарцами, но даже за 15 рублей никто на Приют-11 идти не желает. Вообще, они не большие любители до ледников, к Эльбрусу относятся с суеверием и считают, что на вершине никто ещё не был.

К туристам часто обращаются с вопросом : «Сколько вы получаете жалованья за то, что ходите по горам?» Никогда не верят, что всё это совершенно бесплатно, для своего удовольствия. И в заключение обычно слышишь: «Какой твоя польза есть?» Всё это чрезвычайно характерно для балкарца.

В ветеринарной сторожке Азау делаем остановку на полчаса. Здесь мне и Дмитриевскому удаётся за 12 рублей найти носильщика. Правда, один он нас не очень устраивал, но приходилось мириться с положением вещей.

На горе виднелся дымок, шевелилось несколько человеческих фигур – это и был Кругозор. Вскоре начался большой подъём, и наши ишаки то и дело останавливались. С одним маленьким ишаком нам положительно не везло.

Его ещё в Адыл-Су плохо навьючили, и теперь он всё время задерживал, по горе вещи сползали назад, и наш балкарец принимался снова их перекладывать различными способами; но не проходило и двадцати минут, как всю эту процедуру приходилось повторять вновь.

Начинало уже смеркаться, а мы всё ещё тащились по горе, хотя Кругозор был – вот, рукой подать.

При одном перекладывании моего рюкзака выпала коробка консервов и быстро укатилась вниз. Какой-нибудь турист, возвращаясь в Адыл-Су, скажет спасибо. Ещё последний напор, и мы на Кругозоре, где имеется значительная удобная деревянная постройка, могущая приютить под своей кровлей до 50 человек.

Было 8.30 вечера. Публики, как жаждущей Эльбруса, так и возвращающейся вниз, было набито полно. Все возились с котелками и кастрюльками, готовя ужин и чай.

Голод давал себя знать, и мы принялись варить манную кашу, которой нас снабдили на базе.

Провозившись с ужином и получив у заведующего приютом т. Григорьева альпинистское снаряжение, мы около 11 часов вечера улеглись спать. И мы рады были одной квадратной сажени на полу. Из-за гор глядела луна, обливая холодным, голубоватым светом белые вершины.

10 августа

Этот день начался для нас в 4 часа утра. Вставать не хотелось, на высоте 3200м было довольно прохладно. Бухвостовы, которые были в нашей компании, носильщика себе не нашли и поэтому в этот день идти до Приюта-11 не могли.

Я с Дмитриевским начал поспешно собираться, распределил свой груз на три части. На каждого человека пришлось по тридцать фунтов. Захватив для носильщика очки-консервы (дымчатые очки от света) и альпеншток, в пять часов отправились. Впереди нас шла группа в несколько человек, которая скоро далеко опередила нас и скрылась из виду.

Они на Приюте-11 намерены были пробыть не более 2-3 часов и затем спуститься вниз. Поэтому они шли налегке. Без всяких вещей. Рядом, повыше базы Кругозор, похоронен погибший в июле месяце этого года турист-австриец Фукс.

Погиб он на западной вершине Эльбруса во время урагана; вместе с ним был другой товарищ, немец Коль. Он отделался отмороженными руками и успел спуститься на запад, в Карачай.

На могиле погибшего врыт ледоруб – эмблема альпинизма. В дальнейшем тело его будет вынута и сожжено в крематории. Это пока первая жертва Эльбруса.

Вообще-то, при восхождении на Эльбрус основная трудность – это высота, а отсюда и возможность горной болезни. Таких отвесных скал, как на Ушбе, здесь нет и в помине.

Одна жертва есть. Эльбрус хочет ещё? Что ж, посмотрим, кто кого!

Двигаемся медленно, поднимаясь довольно круто по камням морены. Утреннего холода как будто и не бывало. Рюкзаки хорошо нагревали нам спины. Приходилось останавливаться часто, чтобы восстановить дыхание и работу сердца.

Вступили на ледник, идти стало труднее, приходилось ступать осторожно, выбирая место, куда встать ногой. Специальных гвоздей у нас на ботинках не было, кошки пока надевать не хотелось. По пути стали попадаться трещины, зияющие своей сине-зелёной пастью.

В одном месте пришлось пройти по узенькой полоске льда не более метра, по обе стороны которой раскрылись громадные трещины.

Мой товарищ, у которого на ботинках совершенно ничего не было набито, наотрез отказался пройти по этому «чёртовому мосту», просто не надеясь на себя.

Но после продолжительных уговоров мы с носильщиком провели его на другую сторону. После ещё пришлось пройти по такой же опасной тропе, но всё обошлось благополучно.

Пройдя ледник Мал. Азау, вступили снова на морену. Чувствуем некоторую усталость и голод, так как утром ничего не ели. Расположились отдыхать на обломках лавы.

После завтрака силы вернулись к нам, и мы зашагали по моренной гряде, преодолевая глыбы камней; приходилось идти по большим осыпям, где делали «шаг вперёд, два назад». Продвигались черепашей скоростью.

Но вот вступили на обширное фирновое поле. Сразу почувствовался яркий ослепительный блеск, тысячи огоньков забегали по поверхности снега.

Зная пагубное действие ультрафиолетовых лучей, в особенности на глаза, понадежнее закрепляем свои очки-консервы, призванные спасти в этой области вечного оледенения наше зрение; лицо густо смазываем вазелином.

Начали небольшой подъём. Я, чувствуя себя великолепно, пошёл вперёд быстрее и, отойдя сажен полтора, сел поджидать Дмитриевского и проводника-носильщика. Наконец, они кое-как добрались до меня.

По походе Дмитриевского и страшной бледности его лица я заметил, что с ним не всё благополучно. Поравнявшись со мной, он, как пласт, повалился на снег. На мой вопрос ответил: «С сердцем плохо, дальше идти не могу, всё, выдохся». Вид у него действительно не подавал надежды даже на то, чтобы добраться до Приюта-11, не говоря уж о чём-то большем.

Уговаривать его, конечно, было бесполезно; так и пришлось ему остаться здесь, ожидая, когда проводник пойдёт обратно и поможет ему спуститься вниз до Кругозора.

Итак, моя компания вторично расстроилась, и я пошёл лишь в сопровождении проводника. В 11 часов дня я был на Приюте-11, расположенном среди громадных обломков из лавовых обнажений. Своё название он получил по числу одиннадцати альпинистов, в 1909 г. нашедших впервые среди этих глыб себе приют и ночлег.

Кругом просматриваются фирновые поля, и этот приют является хорошим местом для защиты от ветров и буранов, так часто свирепствующих на склонах Эльбруса.

В настоящее время здесь имеется хижина, построенная в 1929 году при активном участии инженера-алпиниста Раковского. Хижина имеет деревянный остов, обита в два слоя листами железа; размеры будки весьма скромные (3 x 4 метра).

Внутреннее устройство во многом напоминает вагоны III класса. По стенам имеются в два яруса полки, где и располагаются туристы. Площадь пола обыкновенно тоже занимает для ночлега, так что при максимальной уплотнённости (как сардинки) могут поместиться до 10 человек. В приюте имеется примус и необходимая посуда.

Всем этим, хотя и минимальным, удобствам, но на высоте 4200 м превращающимся в максимальные, туристы обязаны, безусловно, Кабардино-Балкарскому ОПТЭ. Правда, не всегда бывает керосин, и подчас не пожалел бы денег за несчастный фунт этого горючего.

Вот в этой обстановке мне предстояло провести ночь. Может быть, две или три, в зависимости от обстоятельств. Ведь дело складывалось так, что я остался один, компаньон мой отстал, а двинуться одному на вершину у меня не хватит смелости и, я бы сказал, дерзости.

Старик Эльбрус таких шуток не любит!

Проводник ушёл, группа, временно пребывающая на приюте, также ушла, и я остался один среди льдов. Блуждая взглядом по белым склонам вулкана, я вдруг заметил две чёрные точки, медленно продвигающиеся вниз.

Я сразу догадался, что это возвращаются с вершины два американца, отправившиеся 9-го августа в 10 часов вечера с Кругозора. По мере их приближения сомнений в этом уже не было.

Зная, что они придут замёрзшие и голодные, я

поставил согреть чаю, чем вызвал радость у наших замёрзших друзей. Что это были друзья, можно было видеть по их рабочим лицам. Это были два рослых парня, снаряженных по последнему слову альпинистской техники.

Всё их обмундирование, начиная с ледоруба и кончая рюкзаками, внушало какое-то доверие по своей солидности и добротности. По-русски они ничего не понимали.

И мне с трудом удалось расспросить их, узнав, что они покорили восточную вершину Эльбруса. С их уходом я был предоставлен самому себе.

Ночью поднялся отчаянный ветер, будка, затерявшаяся среди вечных снегов, дрожала от порывов последнего. Но я вскоре уснул под напевы ветра. Тело приятно наслаждалось заслуженным отдыхом.

11 августа

Ночь прошла спокойно. Утром меня разбудил стук в дверь. Оказывается, это пришли трое носильщиков, и через некоторое время придёт группа.

Было 6 часов утра. У меня были свои планы. Наскоро позавтракав, я надел очки и, захватив альпеншток, двинулся наверх, к приюту Пастухова, гряде камней на высоте 4700 м.

Цель моей прогулки – проверить свои силы, это послужит и тренировкой. Шел медленно, делая равномерные глубокие вздохи. Чтобы делать восхождение на большие высоты, надо уметь дышать! Может быть, это покажется странным кому-нибудь, но это так.

Поднимаюсь вверх, вдали, внизу, я заметил группу, медленно ползущую к приюту. Я наблюдал за ними. Они, вероятно, за мной.

Чем выше, тем идти было труднее, сказывалась зна-

чительная высота. Вот и гряда камней. Приют Пастухова, военного топографа, в своё время нашедшего себе здесь ночлег. Память о нём останется на долгое время.

Пройдя ещё немного, чувствуя себя прекрасно, я стал спускаться обратно. Путь вниз был гораздо легче. Местами катился на ногах; если были бы лыжи, как здорово можно было бы скатнуться!

Такие опыты недавно производились австрийцами, в прежнее время швейцарцами, спустившимися на лыжах с самой седловины Эльбруса.

Наверх поднимался 2 часа, вниз сошёл за 40 минут. На приюте царило оживление – разбивали палатку. Носились с вещами. С некоторыми были приступы горной болезни; эти лежали пластом, немногим краше мертвецов, бледные.

Так в сутолоке прошёл день. В приюте в эту ночь было необыкновенно людно, не в пример прошлой, когда мне одному пришлось слушать завывание ветра.

12 августа

Погода становилась всё ветренее, хотя эта ночь была морозная, лунная, но на конусах Эльбруса крутились снежные вихри. Ветер свирепствовал до утра. Днём пришла экспедиция ЦКУБУ, общая компания ещё больше увеличилась.

К вечеру приют закутался в облака, пошёл снег, и вскоре начался настоящий ураган. Из будки невозможно было выйти. Ветер сшибал с ног, глаза слепило снегом. Будка глухо гудела железом и тряслась, как в лихорадке.

Казалось, что разыгравшаяся стихия Эльбруса намеревалась смести с лица земли наглых пришельцев равнины. Одновременно молнию и снег мне приходилось видеть впервые в эту ночь.

13 августа

Группа москвичей из-за недостатка продуктов вынуждена сдаться и пойти в отступление. Утром снежный ураган достиг невероятной силы. Ветер сбивал с ног. И это в августе месяце, в самый разгар лета, когда люди внизу изнемогают о жары, ищут случая посидеть в тени, на речке, и к их услугам всевозможные фрукты. Арбузы, поймите – арбузы!

Но даже и при отсутствии всего перечисленного тяга сюда невероятная. Поневоле скажешь словами балкареца: «Какой твоя польза есть?»

Московская группа, с трудом собравшись, утопая в снегу, буквально поплыла вниз, на Кругозор. И так, ряды наши всё тают. Мы начали страшно беспокоиться о трёх товарищах из группы Никольского, ушедших ещё в ночь на 12-ое, по их словам, на приют Пастухова с намерением переночевать там, идти на седловину и вершину.

Между прочим, на приюте Пастухова в бинокль никого видно не было. Решили, что они остановились, не доходя приюта, ниже, на ровной площадке.

Находившийся здесь известный проводник старик-балкарец Сеид Хаджиев почему-то говорил, что они дошли до седловины. В таком случае, это было гораздо хуже и серьёзнее; с ребятами могло случиться несчастье.

Все говорили, что как только прекратится буря, необходимо отправиться на розыски их. Но искать не пришлось. Днём, часа в четыре, все трое, ковыляя и вязнув по колено в снегу, изнемогая от усталости, намёрзшиеся, вернулись, пробыв полутора суток в борьбе со снежным ураганом на высоте 5300 м.

Вид у них был убийственный. Особенно у одного, который буквально не мог стоять на ногах. Тут же им

дали по полстакана водки, напоили горячим чаем и уложили спать. Они заснули, как убитые, и очнулись лишь на следующее утро.

14 августа

Пятый день моего пребывания среди вечных снегов и льдов. Как ни страшно, но человек быстро свыкается со всякой обстановкой. Точно так же и я привык к небольшой будке и грядке камней, кругом которой снег, а на горизонте, куда только хватает взгляда, ледяные цепи гор.

По рассказам троих московских товарищей, им пришлось в течение полутора суток пережить ужасные минуты. Лишь благодаря какой-то случайности уцелела их палатка, которую отчаянно рвало и бросало расвирепевшим вихрем.

Спать им не пришлось, в палатку надувало снегу, который, тая, образовывал большие лужи. Лежали в палатке, холодные и голодные.

Продукты были, но есть не хотелось. От всего этого они обессилили. Благодаря счастливому исходу как-то никто не обморозился.

Сегодня еще четверо товарищей (среди них двое Бухвостовых с собакой), отчаявшись и не дождавшись лучшей погоды, обратились в бегство на Кругозор. Всего нас осталось с проводником семь человек.

Погода окончательно прояснилась, и четверо нас (я, двое из ЦКУБУ и Сеид-проводник) решили идти на вершину. Наевшись как можно лучше, мы в семь часов уже улеглись спать, с расчётом начать в 11 часов сборы и в 12 часов ночи при луне выходить.

«Наконец-то, сбываются мои мечты!» – думал я, укрывшись в бурку и одеяло. Долго я не мог заснуть. Со мной творилось что-то непонятное, необъяснимое. Я

думал: «Удастся взойти или нет?» Хорошо бы добрать-ся до вершины, не досадно будет уезжать!

Незаметно я заснул. Снилось мне предстоящее восхождение. Во сне я побывал на Эльбрусе и почему-то попал даже на Казбек.

Да! Но судьба не за нас. С 10 часов вечера поднялся ветер, принявший нежелательный для нас оборот.

Я знал, что если ветер не стихнет, не бывать мне на вершине, и лежал, затаив дыхание, прислушиваясь к рёву ветра.

Втайне имел маленькую надежду, что мы пойдём. Но Сеид, выйдя наружу, заявил, что наверху ураган, и идти не представляется возможным.

Я безропотно принял это сообщение, как приговор, и весь остаток ночи беспокойно ворочался. Самочувствие моё было такое, как будто ушла почва из-под ног, и я вроде повис где-то между землёй и Эльбрусом.

15 августа

Шестой день жизни на приюте. Утром пришла ещё одна группа, 4 человека из Ленинграда; экспедиция ЦКУБУ спустилась вниз, вместе с ними и Сеид Ходжиев.

Нас стало восемь человек, из которых половина с большим стажем пребывания на большой высоте, значит достаточно акклиматизировавшихся и решивших упорно, во что бы то ни стало, подняться на 5595 м.

Правда, моё упорство и надежда на благополучный исход моего предприятия начали заметно покидать меня, тем паче, что срок отпуска моего кончался.

Но я особенно не следил за сроком. Ведь администрация у меня украла ровно 20 летних дней отпуска.

А почему и мне не украсть? Как в поговорке: «Вор у вора дубинку украл!»

Из вновь прибывшей группы одна была особа женского пола: по всем признакам дамочка (а, впрочем, как поймёшь!), ищущая приключений... на склонах Эльбруса; для Приюта-11 довольно интересная, живая.

А, возможно, что я при её оценке упустил самое главное: что женский пол не так часто разнообразил нашу жизнь.

Трое особ мужского пола сопровождали описанную выше Антонину Николаевну, стараясь наперебой угождать ей в малейших её желаниях.

К чему такое рабство? Не могу понять.

Старший группы, руководитель (о чём можно было догадаться по его уверенному тону при разговоре) хлопотал больше других; вернее, он по натуре был страшно беспокойный, не сидел ни минуты. Среднего роста, блондин, худощавый, голос надтреснутый, как у молодого петушка.

Говорил – как лекции читал. Он и на самом деле оказался преподавателем. До приюта они дошли без признаков горной болезни и подавали надежду, что пойдут выше.

День прошёл незаметно, варили еду и, уничтожая её, набирались сил. Что всего было интересней в этот день – это «щи из капусты на высоте 4200 м».

Мне думается, что в истории восхождений это первый случай, и потому не могу умолчать про такой столь крупный факт, о чём узнаете ниже.

Этот день был для нас велик; плотно наевшись, мы в 6 часов уже забрались всяк по своим полкам и старались превратить день в ночь. Правда, успех этого зависел от индивидуальных способностей каждого.

Мне лично не спалось; думы, одна другой поганее, лезли в голову, а ветер опять так нежно-нежно начал напевать свою усыпляющую мелодию.

К чёрту бы его нежность! Здесь человек шесть дней сидит в ожидании «манны с Эльбруса». Да не очень он ею, видать, раскидывается. Я решил один важный вопрос: «Уходить ли мне вниз сегодня, если не удастся подняться на вершину?»

И я решил, что довольно злых насмешек со стороны коварного старика, надо идти вниз. Ночью, в 11-12 часов, нечего было и думать о выходе, ветер усилился, нечем было дышать. Я заснул.

16 августа

В 4 часа утра я встал и решил, что срок предельный для выхода на вершину, надо во что бы то ни стало убедить в этом троих товарищей. Стащил одного с полки и прошёлся недалеко по снегу. Но всё не к лучшему. При резком ветре, выйдя из будки, моментально стынешь; всё это решило поворот дела против меня.

Я доказывал, что всё это пустяки, что ветер к утру стихнет и т. д. В последнем я, как оказалось, был прав.

Я чувствовал, что этот день последний, и все мои действия были похожи на «утопающего, хватающегося за соломинку».

Дело моё прогорело, чему ещё способствовал худощавый блондин с петушиным голосом из группы ленинградцев. Он отговаривал, доказывая, что идти нельзя, что это безумие, а я злился на него. Ему хорошо говорить, когда он первый день здесь, а я просидел неделю, слава Аллаху!

Сильно раздосадованный неудачей, я стал собирать свои манатки с намерением «поставить в этом году на Эльбрусе крест» и отложить своё намерение до следующего года. Товарищи же уговаривали меня остаться до утра и тогда, определив виды на погоду, повернуть решение в ту или иную сторону.

Утром все увидели, что сделали грубейшую ошибку, не послушав меня. Ветер действительно стих, небо безоблачное. Вершины Эльбруса белели в своём величии и манили как никогда, но идти было поздно. Меня от одного взгляда вверх передёргивало!

Войдите в моё положение, товарищи туристы, вы меня поймете! Последняя надежда рухнула – мне нет пути вверх, лишь только вниз.

И вдруг... у одного блеснула мысль попытаться пойти на седловину ввиду позднего времени – с палаткой и, переночевав там, взять вершину на следующий день.

Мысль эта с быстротой молнии прошла через наши головы, и все в один голос воскликнули: «Идём, решено!» Вот тут-то не последнюю роль в нашем восхождении должны были сыграть (не подумайте что-нибудь особенное) – просто русские, жирные, со свиным салом, щи. Здорово!

Получилось так, что накануне (по причине ли свойства капусты долго вариться, или здесь высота сказалась в смысле понижения точки кипения) мы их так долго варили, что, не дождавшись, наелись чего-то другого, а щи оставили на утро.

А теперь мы воспользовались этим, уничтожив их с большим аппетитом. Кто ещё перед восхождением на Эльбрус ел щи?

В 9 час. 20 мин. утра в полном боевом снаряжении тронулись, имея каждый около 25 фунтов за спиной. Груз при подъёме до седловины с ним отнюдь не малый. Шли, медленно переставляя ноги, делая через каждый шаг вдохания. Шли молча. Чувствовали торжественность минуты, священнодействовали.

И только дальше мы освоились с тем, что ведь пошли на Э-л-ь-б-р-у-с, а не куда-нибудь в Атажукино или на Кизиловку (предместья Нальчика). Было два

фотоаппарата. То и дело пускали затворы, фиксируя неизгладимые моменты.

Впереди шёл Володя Никольский, за ним я, сзади Венедиктов и последним Борис Гарф.

Условия ходьбы таковы – через 100 шагов остановка, возможно и по требованию. На более крутых подъёмах – отдых через 50 шагов, для восстановления работы сердца и лёгких.

Вот знакомый мне уже приют Пастухова. Шли до него 2 часа 5мин. Показатель отличный, настроение и самочувствие также. Отдых более продолжительный. Подкрепляемся печеньем, шоколадом, запиваем полкружкой воды.

Вы спросите: «Почему не коньяком? Где мол, «традиционный коньяк?» Скажу заранее: «Спасибо!»

Как-то, находясь на приюте, я, перенеся практику равнин на высоту 4200, выпил рюмку коньяку и напился чаю. Что же – после этого долго не мог заснуть, сердце колотилось ужасно.

Известно, что на большой высоте спиртные напитки в минимальных дозах дают большую работу сердцу. Хотя коньяк и был со мной, но имел его на случай крайности, для иных целей. После 40 мин. отдыха идём дальше.

Величая Ушба, Донгуз-Орун, вдали Казбек, Дых-Тау, Коштан-Тау – всё это растянулось живописной панорамой, уходя в то же время всё ниже и ниже.

А впереди нам ещё предстоял громадный путь по снежному склону. К седловине.

Идти стало значительно труднее, снегу больше, он сыплется, ноги идут назад; в то же время каждый шаг достаётся большой ценой (наверное, по пятаку за шаг, не меньше!).

Для человека нового видимая седловина покажет-

ся настолько близкой, что он будет спорить, что дойти до неё можно за каких-нибудь 20 мин. Но на самом деле – идёшь, идёшь, а как бы на одном месте.

Пройдешь 50 шагов – отдыхаешь, затем опять 50 шагов – отдыхаешь. И так десятки таких отдыхов. Надо большое терпение и выдержку, чтобы не выйти из себя и не нарушить взятого темпа. Тогда всё пропало, конечно...

Вдали, за горами, на горизонте, виднелась в дымке светло-голубая полоса – там Чёрное море. Небо над Эльбрусом было тёмно-синего, почти чёрного цвета, что особенно ярко и отчётливо вырисовывало контуры белых вершин, похожих на двугорбого верблюда.

Жажда мучила сильно и, вероятно, усиливалась от яркого света, отражённого в тысячах, миллионах огоньков. Хотелось пить, а вода по строгой норме. Я не мог терпеть и всю дорогу глотал маленькие кусочки снега, хотя ребята и предупреждали меня, что это жажду несколько не утолит, а наоборот.

Наконец, подъём уменьшился, и стала показываться седловина. Направо – довольно крутой каменистый подъём на восточный конус. Налево – фирновый, крутой склон западной вершины. Вот показалась метеорологическая будка, установленная в 1929 году – будка раскрыта, внутри всё занесено снегом и обледенело. Её кто-то смотрел, но не закрыл.

Это проделки, как выяснилось уже потом, какого-то геолога Соловьёва из Москвы, за что ему «капнет». Мы исправили будку, очистили её и, сделав отчёты по термометрам, плотно закрыли.

Минимальный термометр показывал -41° , максимальный $+12^{\circ}$. Но отчёты могли быть и сбиты. На Казбеке, например, бала зафиксирована минимальная температура -71° , что ближе к действительности.

Сделав небольшой привал и закусив салом с печеньем (не правда ли, оригинально?) двинулись на штурм по откосу до 45° на восточный конус. Я стал чувствовать головную боль – явный признак горной болезни – воздуху определённо не хватало. У меня уже появилось сомнение – хватит ли сил добраться до вершины?

Но главное, не терять самообладания, не надо торопиться. Я усилием воли заставил себя идти дьявольски медленно, соразмеряя каждый шаг. Скоро, отдышавшись, почувствовал, что горная болезнь исчезла, и я спокойно полез по камням за товарищами.

Впереди всех спешил Борис Гарф. Вот он уже стоит и машет нам руками. Ещё последнее усилие, и мы подходим к нему, видим широкую площадку. Всё под нами. Ура! Мы на вершине Эльбруса – 5595 м выше уровня моря. На крыше Европы!

Остаток древнего кратера вулкана представляет довольно обширную площадку – до 150 саж. Имеются три возвышенности. Ищем, так сказать, «официальную вершину». На самом восточном отроге находим кучу камней, разрывая их, извлекаем ряд всевозможных коробок и бутылку из-под коньяка. В них бумажки с надписями вошедших.

Итак, Эльбрус побит! Так вот она – заветная моя мечта, к которой я так упорно стремился всеми помыслами! Так вот из-за чего я сидел неделю среди ледяной пустыни!.. Пишем записку на клочке.

18 ч. 20 мин. 16 августа 1930 г.

поднялись на вершину

Владимир Никольский

Леонид Венедиктов

Борис Гарф

Сергей Петров

ЦКУБУ Москва

ОБиЗУ Нальчик

Пока написали, а затем снялись – успели совершенно замёрзнуть. Был сильнейший ветер, который при морозе пронизывал насквозь. Сапоги мои превратились в настоящие лубки и не сгибались от мороза.

Наблюдали закат солнца, горы были необыкновенно красивы, а мы царствовали над всем КАВКАЗОМ! Пробывши 15 минут, мы стали спускаться и в 10 минут сумели буквально скатиться до седловины.

Никольский и Венедиктов думали остаться ночевать с расчётом наутро подняться на западную вершину. Но мы с Борисом склонили их вернуться в приют, а начавшийся холодный ветер помог нам в этом.

И в сумерках мы продолжали уже спуск. Приёмы, которыми пользовались при спуске, были различными, но наиболее интересным и оригинальным был спуск, так сказать, «на собственном иждивении». Просто сидели – и айда! Пошёл! Правда, на приюте обнаружилось, что у двоих товарищей брюки были в соответствующих местах с дырками, при спуске протёрлись. Не так хорошо, как здорово!

Обратный путь занял от 1,5 до 2 часов, поднимались же с отдыхами – 9 часов. Когда вернулись на приют, уже было темно.

Завалившись, спали сном праведника; теперь ни ветер, ни буря нам не помешают. В полночь только разбудили ленинградцы – они также собирались на вершину.

17 августа

На следующий день, уходя с приюта вниз, встретили группу во главе с т. Крыленко Ник. Вас. Он был почему-то не в духе, вероятно, пришлось не сладко; правда, он на вершине не впервые. Но всё же Эльбрус не малина!

От Кругозора удачно наняли за пятёрку ишака, нагрузив которого, избавили себя от приятности изображать ишака самим. Вечером, немного уставшие, но счастливые и довольные, мы были в Адыл-Су.

Встретивший нас один из экспедиции ЦКУБУ т. Патюнин Юр. Серг. закидал вопросами: «Ну как? Удачно? Восточная? Западная?» Затем жмёт нам руки, поздравляя с победой.

Мы действительно были героями – чёрные от загара, с лупившимися носами – важно отвечали на массу интересовавших всех вопросов. К нам относились с заметным уважением.

18 августа

Сидя в сосновом лесу у палатки в ожидании линеек или автобусов, что было наименее вероятным, провожали взглядом группы туристов, шагающих по направлению на Эльбрус. Все они бодро вышагивали, опираясь на ледорубы и длинные альпенштоки, и каждый верил в свою счастливую звезду!

К о н е ц

Дневник вёл «новоявленный» альпинист
из Пензы С. Петров.

** Ушба – название вершины Кавказского хребта. Характерна высокими, отвесными скалами, в переводе со сванского языка – ужас. В Германии в честь этой горы создан клуб «Ушба-клуб»!*

*** Сначала шли трое, потом к их группе присоединился автор дневника, стало нас четверо.*

Переписка с авторами и читателями

После выхода первого выпуска «Парка Белинского» на имя учредителя и главного редактора пришли письма от авторов и читателей. Публикуем их.

Антон Инюшев, журналист и писатель, г. Пенза:

Если танцевать от заявленного подзаголовка «Журнал вольнодумства», как от печки, то можно двигаться в двух направлениях.

Первое понимание вольнодумства – это любое проявление мысли, текущей вольготно и беспрепятственно. Этого в журнале действительно много.

Издание представляет возможность авторам взять интересную тему и развивать ее в свое удовольствие: анализировать, проводить исследования, подавать ее с неожиданной стороны.

Если понимать вольнодумство как «кощунственное течение мысли», как попытки думать «не как положено», то подобного в журнале я не заметил.

Возможно, что-то подобное проявится позднее, возможно, я просто не умею читать между строк. А может быть, этого в журнале и не нужно.

Идея с цитатами «на тему» после статей хороша, они дают материалу дополнительное измерение и выставляют нужный акцент.

Вообще, мне пока сложно охватить концепцию журнала, понять, для кого он делается, чего от него ожидать и каким он будет дальше. Пока он представляется мне в очень большой степени «открытым проектом» с непредсказуемым будущим.

Мария Сакович, поэт, переводчик и журналист,
г. Пенза:

После беглого просмотра «ПБ» первая мысль, которая приходит в голову, – хм... вот бы собрать вместе всех, кому ЭТО может быть интересно... и посмотреть, насколько разнородным получится общество.

Одно понятно заранее, здесь не будет равнодушных людей. Потому что чем больше человек думает, чем более разнообразные образы живут в его мозге, тем сложнее ему относиться равнодушно к происходящему вокруг. Он становится сверхчувствительной антенной, обнаженным нервом, которое настроено улавливать мельчайшие колебания в атмосфере.

И тем сложнее ему отгородиться от того, что причиняет боль. Иногда кажется, что талантливых, интеллигентных людей обижают всякие глупости.

Это не так. Просто это как в музыке: один лад в своем звукоряде насчитывает пять ступеней, а другой – шесть, а какой-то третий – вообще девять.

Вот те люди, чей звукоряд длиннее, и реагируют на многое острее. С этим приходится только смириться, тем, кто рядом с гениями, – понять и простить, а самим гениям все-таки обрасти чешуей.

Людей мыслящих становится всё меньше. В этом смысле «ПБ» получается подобием какого-то литературного заповедника для вымирающего хомо сапиенс в истинном понимании этого термина.

Разум – это, в первую очередь, способность осознавать себя и свое истинное место в мире и нести ответственность за свои поступки.

Это дар и проклятие. Дар – потому что мы осознаем красоту окружающего мира. Проклятие – потому что на фоне этой красоты чувствуем свое несовершенство. Но только разум может дать нам лекарство от этого

несовершенства, он заставляет нас развиваться и совершенствоваться, поднимаясь все выше по ступенькам бесконечной лестницы самосовершенствования.

Такие проекты, как ПБ, – бензин для наших внутренних двигателей, потому что только благодаря ощущению, что мыслящих людей вокруг не один и не два, хочется не спрятаться поглубже в песок, а выглянуть из своей норки.

Что такое «вольнодумство»? Казалось бы, странный термин, ведь где-где, а в сознании и направлении мыслей мы вольны без ограничений. Ан нет. Мы мыслим в рамках стереотипов, убеждений, оценочных характеристик и много чего еще.

Эти разделительные полосы мышления призваны упорядочивать движение наших умов по скорости и направлению. Однако в этих рамках есть пространство для маневров.

И главное – не дойти до полной ереси, чем грешили многие вольнодумцы, что, я думаю, ни авторам, ни читателям ПБ не грозит. Всё-таки, повторюсь, мы разумные люди. Из чего лично для себя я делаю следующий вывод – вольнодумство суть умение мыслить свободно на заданную тему.

Почему стихи, а не проза? Потому что над прозой надо работать, а стихи получаются сами. Для меня стихи – это потребность души высказать то, что накопело, вопреки ленивому телу, которое не хочет или не может работать над прозой.

Михаил Полубояров, краевед, г. Москва:

Идею совместить политику, публицистику и литературно-художественные жанры под одной «коркой» считаю удачной. Немного озадачен поиском национальной идеи. Уж оную искали-искали... Делать ее флагом жур-

нала, по-моему, неблагоприятно, учитывая надуманность проблемы и неполитические жанры издания.

Порадовался встрече с Юрием Самсоновым, я ведь с ним работал в газете в Малой Сердобе. Статья получилась слишком панегирической, «гениальность» Юрия Борисовича преувеличена, но в Пензенской области равных ему по таланту не было, с этим согласен.

У Самсонова всё было в смысле таланта, не хватало целеустремленности. Разбросанность. Срывался. Ему бы хорошего опекуна: он не имел ни капли практичности.

С Асеевым Ю. Фадеев не напутал? Мне Юрий Борисович рассказывал о письме к нему Евтушенко. Стихи Самсонова, напечатанные в журнале, как всегда, совершенны, трогают душу.

И уж совсем достал меня Ю. Фадеев своим ироническим произведением о Понтии Пилате как герое современности. Талантливый парень Ю. Фадеев!

Передайте ему, что некоторые историки в восхищении от его оригинального композита поэзии, прозы, истории и христианства. И античность знает!

Многие историки как сдали экзамен, больше не открывали учебников и монографий по Риму и Греции.

Евгений Белохвостиков, краевед, г. Пенза:

При неспешном просмотре издание понравилось даже больше, чем сигнальный экземпляр, идеи и отдельные материалы, просмотренные до этого.

Зацепила статья про Ельцина, литературные места. Любопытно про «Бориса Годунова». Про Самсонова – в общем-то всё и верно, но как-то слишком пафосно и обиженно на всех, от Есенина до Мясникова.

Литературная часть меньше заинтересовала, чем политико-публицистическая и краеведческая. Но она должна быть однозначно, потому что, если слишком

много серьезных умных статей, тяжело читается. Вкладка – шикарно, даже лучше и важнее статьи, к которой относится. Обложка – то же.

Пока журнал все-таки не вышел на межрегиональный и федеральный уровень, хотелось бы больше пензенского компонента.

Есть ощущение неопределенности в составе материалов. Видимо, сказывается первость номера. И в дальнейшем русло определится.

Есть сомнения в жизнеспособности проекта. Хочется верить, что они напрасны. Веет идеализмом – очень приятное, кстати, веяние. Сразу понятно, что некоммерческий проект. Это-то и вселяет беспокойство за его судьбу.

Особо важной показалась мысль о сплочении интеллектуалов из разных сфер.

Презентации номеров журнала могли бы стать замечательным поводом и местом для таких неформальных собраний. Причем даже важнее тусовка после официальной части и речей.

Если общение за рюмкой чая на фуршете получается слишком коротким, значит, есть смысл увеличить количество напитков и закусок (не из чревоугоднических соображений, просто чтобы был повод дольше задержаться).

Некий дух вольнодумства в собрании присутствовал однозначно. Сосед толкнул в бок и вполголоса заметил: «Мы как будто на каком-то собрании декабристов».

Александр Гурин, историк, г. Рига, Латвия:

Содержание несколько необычно для России. Понравилось даже моей жене, натуре больше поэтической, чем политизированной.

Мне кажется, что вы сами еще не определились, для кого журнал: то ли для жителей области, то ли для всех россиян, то ли для всего русского мира.

Из общерусских статей несколько инородным показался Щукин: хорошо, но просто из другой оперы. Но это деталь.

А проблема касается темы, которая вас беспокоит – национальной идеи. В других странах можно сразу переходить к вопросу, какова суть идеи.

В России возникает вопрос: идея для кого? Вряд ли можно считать единым народом чеченского ваххабита и сибирского старообрядца.

Можно говорить о национальной идее для политической нации. Но и здесь возникает проблема – может ли вообще быть единая национальная идея для всех граждан России: грузина из Тбилиси, принявшего российское гражданство ради большей по размеру пенсии, мусульманина из Татарстана, фермера из Пензы и олигарха из Москвы?

Отсюда вопросы – для кого Россия: только для русских, для народов России, для народов России и мигрантов (а их уже миллионы), для всех россиян и русского зарубежья? Для кого Россия и для кого идея?

Тема, возможно, не очень актуальная для Пензенской области, но крайне актуальная для государства.

Сергей Кочергин, банкир, г. Пенза

Для меня все-таки немного странный формат. Как я понял, «каждый пишет, чем он дышит». Примерно по Окуджаве. Некий поток сознания.

Поэтому, ожидая следующий выпуск журнала, совсем не ожидаешь, что в нем увидишь. Наверное, в этом есть и плюсы, и минусы.

Если бы я рассматривал себя как потенциального

подписчика, мне бы хотелось чуть большей определенности. (Возможно, это негативное влияние банковского формализма...).

Но сама идея «трибуны для желающих высказаться» – классная! Другой такой красивой возможности в нашей пензенской действительности нет. Думаю, надо продолжить, а там есть шанс, что «жизнь расставит все по местам».

Удачи !!!

Роман Абрамов, социолог, г. Москва:

Если интересно моё глубоко частное мнение, то, мне кажется, что для аудитории старше 50-ти издание вполне подходит: как по способу рассуждений, так и по стилю и формам. Тридцатилетние в основном точно думают другими категориями, другим языком. Я имею в виду образованных тридцатилетних.

Как личный проект, журнал вполне может жить. Как важный региональный проект – не знаю.

Проблема, как мне кажется, в очень широком позиционировании: от «национальной идеи» и рассуждений о недавней истории страны до стихов и обсуждения проблем арт-галереи в Пензе. Сам язык обсуждения современной арт-галереи выглядит архаично.

Для сравнения можно посмотреть, каким языком пишутся порталы «Openspace», «Lookatme», «Частный корреспондент» и т. п. и как обсуждаются темы архитектуры в Арт-Стрелке.

Рубрика воспоминаний тоже какая-то невнятная, в этом смысле проект, посвященный Западной Поляне в газете «Улица Московская» кажется намного более продуманным и цельным.

Любопытные рассуждения школьного учителя о сталинском времени, но как-то неожиданно обрываются.

В целом, наверное, журнал существовать может. Но я не очень уверен, что он будет интересен молодой аудитории в возрасте 25-35 лет в таком виде.

Прошу прощения за критику, это мое личное мнение. Но я специфический читатель, и наряду с русской классикой мне нравится радикальная современная литература и публицистика.

В любом случае новое печатное издание – это хорошо.

Владимир Дворянов, историк и специалист по связям с общественностью, г. Москва:

«Парк Белинского» выделяется и, на мой взгляд, в значительной степени является выражением самовосприятия провинциальной интеллигенции. Провинциальной – в хорошем смысле слова, примерно так, как предлагает трактовать это понятие Сигурд Шмидт.

Тем более что у столиц, как правило, нет самобытного культурного лица. Но это исключительно оттого, что столица вбирает в себя лучшие образцы интернационального опыта. И часто доводит их до абсолютного абсурда.

Собственно, столица – самый «ненациональный» город. И по ее мировосприятию очень условно можно судить о том, что думает большинство граждан страны.

А «Парк Белинского» как раз интересен тем, что это взгляд «из глубины». В то же время, некоторые авторы пытаются на страницах журнала решить проблемы, которые уже имеют вариант решения. Но гораздо более циничный и неудобный, а потому и редко оглашаемый.

Но на каждый вопрос можно дать несколько ответов. То, что в российской провинции возникает свой ответ, говорит о росте ее самосознания.

С подзаголовком «журнал вольнодумства» можно спорить. Но, положив руку на сердце, значительная часть российской прессы сегодня тщится угодить учредителям и чиновникам, их крышующим.

Пресса становится все более управляемой. В крупных издательских холдингах на ключевых постах появляется все больше «людей в штатском». И, как следствие, издательская политика все более костенеет в рамках «суверенного информационного поля».

И в этой ситуации любой журнал, который не «в тренде», невольно становится журналом вольнодумства.

В последний год мы стали свидетелями роста самосознания российской интеллигенции. «Читающий класс», казалось бы, окончательно разрушенный реформами 90-х годов, вдруг показал себя в новом качестве. На мой взгляд, символично, что «Парк Белинского» вышел в свет именно в это время.

Идеи авторов первого номера журнала как бы возвращают нас в то благословенное прошлое, когда люди действительно читали, а не просматривали новости. И когда выход яркой статьи, очерка или интервью становился событием.

Да, изменилось время. И формат журнала напоминает об этом. Кто сегодня будет читать толстый литературный журнал необъятного размера?!

Но образ мыслей образованных людей остается неизменным. И проблемы, которые они стремятся решать, тоже.